

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

БЕШЕНЫЙ
ПРЯПОРЩИК

Annotation

Кто-то, сидя за книжками, с детства грезил о сражениях и подвигах... Кто-то бессонными ночами хотел сделать великое открытие и стать Нобелевским лауреатом... Кто-то, лежа на солдатской койке после отбоя, мечтал стать генералом... Если ты долго смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя, – так говорил Ницше. И если шутить со Временем, то и Время может подшутить над тобой... Их мечты сбылись. В другом месте и в другое время. Но есть одно «но» – идет Война... Неизвестная, о которой мало говорили и еще меньше вспоминали... Первая... Мировая... Мясорубка... И неважно, как в данный момент Времени называется Страна, которой ты присягал. Ты будешь ее защищать от врагов. И внешних, и внутренних...

- [Дмитрий Зурков](#)

-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Интерлюдия](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

Дмитрий Зурков Игорь Черепнев Бешеный прапорщик

Авторы благодарят всех участников литературных форумов «В вихре времен» и «Самиздат», оказавших неоценимую помощь, и особенно:

Светлану Полозкову; Элеонору и Грету Черепневых; Анатолия Спесивцева; Владимира Геллера; Игоря Мармонтова; Виктора Дурова; Виталия Сергеева; Александра Колесникова; Владимира Холева; Валерия Дубницкого; а также всех остальных читателей, без чьих замечаний книга не получилась бы такой, как она есть.

Дмитрий Зурков

Родился 22 мая 1965 года в г. Гомеле. В 1984 году поступил в ВИКИ им. А. Ф. Можайского, проходил службу в частях Военно-морских космических сил РФ. В 1999 году уволился в запас в звании майора и вернулся в Беларусь. В настоящее время преподает в колледже.

Игорь Черепнев

Родился 25 ноября 1962 года в семье кадрового офицера. В 1979 году поступил в Харьковское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск им. маршала Советского Союза Н. И. Крылова. Служил на инженерных, научных и научно-педагогических должностях. Участвовал в подготовке пусков РН космического назначения на космодроме Байконур. В октябре 2005 года ушел в запас в звании подполковника. Увлечения: поэзия, ЧГК, военная история. Не женат.

Пролог

2001 год. Западная Сибирь, г. Колдино, войсковая часть 17141

Маяться исполнением обязанностей инженера дежурного расчета осталось совсем немного – проконтролировать ночью два сеанса управления и подготовиться утром к сдаче смены. Последнее отнимало достаточно много времени и душевных сил. И если с наведением порядка и мытьем всего, что только возможно, справлялись двое бойцов-операторов, то писать рапорт на прием-сдачу дежурства нужно было самому. А это, к слову, полтора листа слов, написанных русскими буквами, но не имеющих никакого человеческого смысла. Смысл у букв – только военный, то есть помогающий в случае чего прикрыть одно очень чувствительное место официальной бумагой.

Поэтому и писались изо дня в день фразы типа: «В течение прошедших суток по прогнозу погоды ветер был умеренный, порывами до сильного, северо-западного направления. Визуальным наблюдением реальная погодная обстановка от прогноза не отличалась. Антенные устройства согласно показаниям действующей аппаратуры и визуально функционируют штатно».

Как будто какой-либо ветер мог повредить двойной круг метрового диаметра, сделанный из дюймовой металлической трубы. Хотя, если не кривить душой, сам был причастен к появлению подобного шедевра. Не надо было поддаваться на уговоры любимчика отдела ефрейтора Сашки Александрова, когда он предложил попрактиковаться в альпинистской подготовке. И все едино этому чуду природы, что высоты у двух этажей – всего шесть метров. Зацепил веревку за антенну на крыше, скинул свободный конец вниз и, предвкушая удовольствие, с улыбкой от уха до уха давай изображать местного спайдермена^[1]. Спустился на два с чем-то метра, а потом на землю брякнулся – вырвал крепление «гониометрической антенной системы изделия 17Б783» на крыше. Хорошо хоть отделался везунчик легким испугом и парой синяков. И ведь, умник, трос не к основанию, а к самому верху привязал. Ладно еще, что антенна была запасная – ту аппаратуру мы уже давно не использовали, но ведь числится, и в случае чего на нее переходить надо будет.

Поэтому доложил по команде, получил по тому самому очень чувствительному месту (чисто фонетически – пять минут мата от

начальника отделения) и выдал приемлемую версию для доклада заму по вооружению о порыве ветра ураганной силы, согнувшему АФУ^[2] под углом 28 градусов от вертикали. А также услышал от любимого начальника, что теперь он точно выбьет рубероид и битум для ремонта крыши и точно знает, кто будет этим ремонтом заниматься весь весенне-летний период.

Впрочем, обо всем по порядку. Меня зовут Журов Денис Анатольевич, одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения. Два года назад окончил Академию имени А. Ф. Можайского, теперь в звании старшего лейтенанта служу в военно-космических силах, в богом забытом городке Колдино с населением в три с половиной тысячи человек, включая вахтовиков-нефтяников и наших бойцов из батальона обеспечения, в трехстах с чем-то километрах от ближайшего нормального мегаполиса областного масштаба. Служу по своей специальности на пункте точного времени, который контролирует привязку сигналов навигационного комплекса, а заодно обеспечивает точными частотами все остальные станции части. А также тащу лямку в нарядах и занимаюсь прочей армейской рутинной, в которую в том числе входит проведение занятий с ротой охраны по рукопашному бою и несению караульной службы. Не то чтобы я был каким-нибудь рембой или ниндзей, просто еще в школе начал заниматься дзю-до, потом бросил, затем снова втянулся в изучение боевых искусств, но уже на уровне солдата-срочника, имеющего замкомвзвода с черным поясом по Шотокану. Про нашего начфиза в академии – отдельная песня. Представьте себе сто двадцать килограммов мышц и костей с взглядом ласкового убийцы и носящего кличку «Шварце тодт», то бишь Черная Смерть. Это и будет наш «любимый» майор Касатов с кафедры физподготовки. Специализация – самбо, дзю-до, рукопашный бой. Между прочим, поговаривали, что он выступал в составе сборной команды СССР на каких-то там заоблачных международных соревнованиях.

Потом, когда выпустился и приехал в часть, сошелся с другими фанатами-спортсменами, и занимались мы каждый своим, пока один из наших не съездил на семинар по системе Кадочникова. Рассказать и показать он смог далеко не всё, но даже то, что мы услышали и увидели, очень понравилось. А следующим августом мы получили подарок Судьбы в виде молодого летехи, неизвестно каким чудом распределившегося к нам из Краснодарского училища РВСН. Молодое дарование, учившееся у самого Деда, быстро наладило учебный процесс, и результаты стали очень заметны. Настолько, что после полугода занятий командир части, посмотрев на все эти «фокусы», сделал из нашего «кружка по интересам» группу быстрого реагирования. Так, на всякий случай – на артскладе

полтысячи калашей, а кругом тайга. И привлек к занятиям с ротой охраны, чтобы служба медом не казалась. То ли нам, то ли им, то ли всем вместе. Поэтому каждый день, если я не на смене и не в наряде, то после обеда в караульном городке дрессирую заступающий караул на предмет нападения на пост, на караулку и т. д. А если, как сегодня, на дежурстве, то тренируюсь в свободное время с вышеупомянутым ефрейтором Александровым по прозвищу «Сан Саныч», который, увидев пару раз занятия с ротой охраны, возгорел непреодолимой тягой к данному виду смертоубийства.

Этот индивидуум, наверное, по жизни был склонен к авантюрам и рискованным действиям. На моей памяти это был единственный случай, когда «молодой» отказался выполнять какие-то работы за дедов, да еще научно все обосновал. Когда ко мне с вопросом «Что такое энтропия?» обратился один из дембелей, со скрипом окончивший школу только благодаря пролетарскому происхождению, я чуть не упал со стула, и первой мыслью было потрогать ему лоб, – не заболел ли часом. Оказалось, что при попытке припахать «духов», некоторые представители старшего призыва выслушали мини-лекцию минут на десять о том, что при неравномерном распределении работы увеличивается эта самая энтропия в казарме, что может привести к необратимым опасным последствиям как для самих «дедушек», так и для человечества в целом, и даже Кашпировский не сможет никому помочь. Причем автор привел в свое оправдание кучу непонятных формул...

Пришлось подтвердить правоту лектора, стараясь сохранить серьезное выражение лица, а затем поинтересоваться у автора сентенции, откуда у него столь глубокие познания предмета. Оказалось, что рядовой Александров прибыл к нам прямо после окончания третьего курса физмата. И что толковый и башковитый студент, бывший по совместительству еще и капитаном факультетской команды «Что? Где? Когда?», не смог обуздать свое любопытство в области практического изучения анатомии и физиологии противоположного пола. А объектом его исследований, как назло, оказалась доченька декана филологического факультета, идеей фикс которой было желание выйти замуж. С помощью папы она оставила потенциальной жертве только два варианта: загс или Вооруженные Силы Российской Федерации. Здравомысляя, что армия – это всего на два года, а семья – надолго, если не навсегда, юноша выбрал первое и по счастливой случайности попал не в элитные сортиростроительные подразделения, а к нам в часть, чему был бесконечно рад. И быстро стал ефрейтором, действительно грамотным и надежным помощником на станции и,

практически, специалистом на все руки. А со своей продолжавшейся болезненно-непреодолимой тягой к прекрасному полу он продолжал мужественно бороться. С нашей помощью...

В тот день вечером сеансов было мало, и мы с ним пошли на первый этаж заниматься рукопашкой. И все было бы ничего, если бы начальником смены с нами не заступил наш «Тесла» – майор Тимин, который был в отделе единственным «научником». В полном соответствии с анекдотом: «ЭВМщик – золотая голова и золотые руки, вот еще бы нормальный драйвер между ними...» Нет, мужик он и в самом деле умный до невозможности, но увлекся теорией времени, благо по специальности, и постоянно находится на этой волне. То сидит на смене и научные журналы килограммами читает, то целыми ночами что-то вычисляет. Математические выкладки у него – по полтетради. Девяностошестилистовой!..

Недавно из медной проволоки пирамидки паять начал, мол, они еще в Древнем Египте влияли на ход времени. Теперь вычитал где-то про эксперимент с водой и загорелся его повторить. Опыт простейший – нужно моментально смешать два равных объема воды – часть при плюс четырех градусах Цельсия, часть в момент закипания, тогда, по его мнению, подтвержденному двумя общими тетрадами выкладок, ход времени ускорится на какую-то милли-микро-пико-секунду. Для этого он нашел в автопарке старую цилиндро-поршневую группу от «Кировца», насверлил дырок, как в мясорубке, приспособил в качестве двигающей силы тяговое реле с системой рычагов. А чтобы усилить эффект «эпохального» открытия, развесил вокруг этого монстра свои медные пирамидки. Причем вся конструкция была почти полностью запихнута в гелиевый стандарт частоты, стоящий в резерве. И теперь бегал как ужаленный от закипающего чайника на крыльцо, где в ведре собиралась замерзать вода, благо на улице был легкий сибирский морозец, каких-то минус двадцать по Цельсию, и обратно.

Мы с Сашкой отодвинулись немножко в сторону, чтобы не мешать стихийному бедствию в майорских погонах, и начали работать с палками. Где-то минут через семь мимо нас пронесся Тесла с ковшиком ледяной воды и исчез в аппаратной, затем туда же последовал кипящий чайник и в следующий момент одновременно произошли несколько событий. Во-первых, Саныч, зверь хитрый, умудрился пройти мою защиту и его палка резво полетела мне в лоб, во-вторых, из аппаратной донесся майорский вопль «Йопть!», а в-третьих, у меня в глазах резко потемнело и появилось чувство, что меня выворачивает наизнанку и я куда-то лечу... То ли вниз, то

ли вперед, то ли во всех направлениях сразу...

Это удовольствие продолжалось одно мгновение, потом я открыл глаза и увидел перед собой край какой-то ямы, комья грязно-серого снега вокруг, мелкую пожухлую травку по краям, покрытую наледью... и шикарный взрыв рядышком, метрах в пяти... А затем наступила Великая Темнота!..

Глава 1

Где-то... когда-то...

Сколько прошло времени, пока в голову вернулись мысли, осталось неизвестным. Но когда это случилось, почти все они были не очень цензурными. Если перевести их с армейского на русский литературный, то звучали они примерно так:

1. Что...!!! случилось?
2. Что наделал этот...!!! ...товарищ...!!!...майор?
3. Это...!!! Саньч...!!!.. так!!! ...хорошо!!! ...приложил меня?

Потом появились новые ощущения: какой-то далекий шум и почему-то запах то ли хлорки, то ли дегтя, а может, и еще чего-то. Глаза открыть получилось только со второй попытки, но ясности это не принесло. Вокруг лишь расплывчатыедвигающиеся тени. Далекий шум потихоньку стал превращаться в голос, говоривший кому-то: «Ну вот, вроде приходит в себя... а мы уже и не надеялись». Ощущения были схожи с теми, которые я пережил когда-то после сотрясения мозга. А тени в глазах – это, скорее всего, действие закапанного атропина. Только голова раскалывается от жуткой боли. А потом опять все исчезло...

Второе пробуждение было легче физически, но в мою бедную голову принесло очень странную информацию. Приоткрыв глаза, увидел сначала белое небо, которое по мере наведения резкости оказалось потолком. Причем он был каким-то странным – высоким и с лепной розеткой по центру. Что сразу меня смутило, там не было люстры, то есть вообще никакой. А самое странное – ни в техздании, ни в медпункте таких высоких потолков никогда не было!..

Чуть-чуть скосив глаза, что вызвало эффект карусели, типа голова остановилась, а глаза дальше поехали, я увидел кого-то медицинского, идентифицировав по красному кресту на переднике. Владелица красного креста (это я определил по голосу) наклонилась над неподвижно лежащей тушкой и достаточно приятным голосом изрекла: «Слава богу! Очнулся!» После чего исчезла из поля зрения, но скоро вернулась еще с одним служителем Эскулапа. Появившийся был худым, одетым в белый халат, дяденькой лет около пятидесяти, очень похожим на доктора Айболита из-за золотистого пенсне и козлиной бородки. Именно таким тот был нарисован в моей любимой в далеком детстве книжке с картинками. Он и оказался

доктором Михаилом Николаевичем Голубевым, и, по его словам, особо заинтересовался попавшим к нему контуженным близким разрывом германского снаряда прапорщиком, которого доставили на излечение без сознания и почти без признаков жизни...

Как только он закончил свою фразу, у меня опять все поплыло перед глазами.

«Какой ...!!!..разрыв???»

«Какой ...!!!..германский снаряд???»

«Какой ...!!!..прапорщик???»

Ответы на вопросы зазвучали прямо в голове:

«Прапорщик Гуров Денис Анатольевич, младший офицер второй роты первого батальона двадцать третьего пехотного Низовского полка, попал под артиллерийский обстрел со стороны германцев...»

«А я, старший лейтенант Журов Денис Анатольевич, честно говоря, ни х... то есть ни хрена не понимаю, что сейчас происходит!.. Был у себя в техздании и вдруг – бам-м, и я здесь! И, вообще, здесь – это где?! И что сейчас вокруг творится?!»

«Вокруг идет война. Мы с союзниками по Антанте воюем против Германии, Австро-Венгрии и Турции. А именно сейчас мы, то есть я, прапорщик Гуров, с непонятно откуда звучащим в голове чьим-то голосом нахожусь в госпитале, куда попал после контузии...»

Сказать, что последовала немая сцена, значит, не сказать ничего. Минуты три, наверное, я пытался из всех известных мне букв собрать все ненормативные слова, которые когда-то знал, чтобы осознать случившееся. Получается, что я нахожусь в теле и как бы совместно с сознанием какого-то прапорщика времен Первой мировой войны... Это что, сделанная на коленке... машина времени майора Тимина... или какие-то непонятные глюки неизвестно с чего...

«Нет, это действительно одна тысяча девятьсот пятнадцатый год от Рождества Христова, это действительно война, которую ты назвал почему-то Первой мировой, как будто была уже другая... И ты не мог бы высказываться поприличней, без низких слов, как и подобает воспитанному человеку».

«Ах, простите ваше высокоблагородие! Не извольте сумлеваться, чичас исправлюсь!»

«Во-первых, просто «ваше благородие», высокоблагородием становятся после получения чина штаб-офицера, а я – обер-офицер. Во-вторых, если ты тоже носишь офицерские погоны, кстати, прости за тыканье, но обращаться на «вы» к голосу в своей голове – это нонсенс. Так

вот, если ты тоже носишь офицерские погоны, не к лицу разговаривать, как половой в третьесортном трактире... Хотя я только у флотских слышал это звание».

«Хорошо, извини. Просто я так привык... у себя», – и тут до меня окончательно дошло, что если это не бред и не галлюцинации, то я в другом месте и в другое время, и это «у себя» еще долго не наступит... Да и наступит ли вообще?... И что я не знаю, что делать и как себя вести в этом месте и в этом времени. Я беспомощен, как ребенок...

Наш разговор был прерван «доктором Айболитом»:

– Голубчик, вы меня хорошо слышите? Скажите что-нибудь в ответ, а если не можете, кивните головой или шевельните пальцами.

Оказывается, наш диалог в голове продолжался доли секунды.

– Док... тор... я... вас... слы... шу... – Говорить было очень трудно, в горле пересохло и сильно першило.

– Дарья Александровна, голубушка, дайте ему попить, – это он обращался уже к медсестре. «Сестре милосердия», – прошелестело в голове.

Дарья Александровна, которой было от силы лет двадцать, судя по симпатичному личику и огромным серым глазищам, поднесла к губам что-то похожее на малюсенький чайничек, и в рот полилась прохладная и невероятно вкусная вода. Простая вода, но она была настолько вкусна, что хотелось пить, пить и пить без конца.

– Хватит, голубчик, хватит на первый раз. Раз вы пришли в себя, я приставлю к вам сиделку, но пить и есть много сразу не надо, будет только хуже. Я навещу вас завтра, а пока – отдыхайте, – с этими словами доктор вышел из палаты. За ним выбежала и медсестричка, а я остался переваривать все сказанное и осознанное за это время.

Глава 2

Двуединый Денис Анатольевич. Госпиталь

Из своего небольшого жизненного опыта я давно понял, что как только начинаешь слишком эмоционально воспринимать стрессовую ситуацию, то ты уже проиграл ей. Даже в прочитанной мельком и по случаю забугорной инструкции по поведению при взятии тебя в заложники рекомендуется загружать свой мозг активной логической работой. От вспоминания телефонов и адресов друзей до повторения таблицы умножения. Поэтому, сделав три глубоких вдоха-выдоха, я мысленно позвал своего «тезку» продолжить разговор. Он не откликнулся. Повторный вызов также остался без ответа... Ну, и что мне теперь делать?.. А то же самое, только посильней захотеть! Есть универсальный способ – стиснуть зубы и сжать кулаки. И очень сильно захотеть... Звездочки перед глазами...

«Денис!!!»

«Я здесь, не напрягайся, голова заболит... Что ты хотел?»

«Послушай, Денис Анатольевич, как мы дальше-то жить будем? Я вроде как агрессор получаюсь, пусть и не по своей воле. Втиснулся к тебе в голову, в твоё тело, в твоё время и не знаю, как из этого всего выбираться буду. И, главное, когда... Попытаться стать тобой? Или будем жить с раздвоением личности?»

«Ты знаешь, я до недавнего времени не дорожил ни своим телом, ни своей головой, да и на фронт пошел, чтобы умереть».

«Ну, я догадывался, что на войне иногда умирают...»

«Нет, ты не понял... Я хотел покончить с собой, но у меня не хватило для этого душевных сил... Поэтому подал прошение об отправке на фронт вольноопределяющимся, но вмешался отец. Он не знал истинной причины, но решил, что быть нижним чином человеку с высшим образованием неуместно. Поэтому настоял на зачислении в школу прапорщиков. Я там отучился четыре месяца и, получив погоны, попал на фронт. Служил в пехоте, сидел в окопах, даже в атаку ходил несколько раз, но пока под разрыв снаряда не попал, не было ни единой царапины. Когда рядом рвануло, подумал – наконец-то, а потом очнулся здесь уже вместе с тобой. И думаю, что если я, в смысле мое сознание, моя душа умрет, то ты останешься единственным хозяином моего тела...»

«Извини за нескромный вопрос, а в чем причина твоего желания

умереть? Извини еще раз за то, что спрашиваю».

«Причина?.. Причина в девушке, которую любил. Мы были представлены друг другу на приеме у общих знакомых... Приехал тогда на каникулы на выпускном курсе, мне казалось, что еще немного, и весь мир будет у моих ног. Я не был круглым отличником, но шел в десятке лучших. Мои преподаватели предрекали мне блестящую карьеру, все казалось таким ярким, легко достижимым, а тут еще познакомился с самой лучшей девушкой на свете... Она, кажется, начала отвечать мне взаимностью, мы часто встречались, о многом говорили, я был счастлив от того, что она смотрит на меня, слушает меня, понимает меня почти с полуслова... А потом в нашей компании появился новый человек, который попытался стать мне конкурентом... Дело было на именинах моего близкого друга. Я чувствовал себя превосходно, но потом как-то моментально опьянел буквально с трех глотков шампанского и не смог держаться на ногах. Поэтому меня отвезли домой на извозчике, а меня провожал мой соперник... Спустя какое-то время это происшествие забылось, но девушка немного ко мне охладела, а потом в один из дней, неприступная и ледяная, как айсберг, сказала, чтобы я не искал больше встреч с ней, что порывает со мной всякие отношения, что я – подлец и низкий человек, распускаю о ней вздорные и неприличные слухи. Мне хотелось объясниться, но она не стала даже слушать и указала на дверь. А через месяц я узнал, что она помолвлена с тем самым моим соперником. Сейчас они, наверное, уже повенчались, но я не смог ее забыть... Дальше ты все знаешь...»

«М-да... не знаю, как это доказать, но мне кажется, что твой соперник тебя самым подлым способом подставил. Подсыпал чего-нибудь в бокал, там ляпнул словечко, тут два, через третьи уши какую-нибудь гадость про нее сказал, сославшись на тебя, и все. В мое время такие вещи просчитываются на раз».

«Я об этом тоже думал, но доказать ничего никому не могу... Кстати, а ты можешь рассказать что-нибудь о себе, и что означает твоя фраза «в мое время»?»

«Дьявол, вот что и как рассказывать человеку о том, что будет почти через сто лет?»

«...!!!»

«Да, я из того времени, которое для тебя является будущим, а для меня – настоящим... или уже прошлым? Не знаю... Я, старший лейтенант Журов Денис Анатольевич, твой тезка, проходил службу в военно-космических силах Российской Федерации...»

«Вы воплотили в жизнь идеи господина Циолковского? Он в одна

тысяча девятьсот одиннадцатом году наделал много шума в научных кругах своей теорией...»

«Дай мне договорить все по порядку, а то информация будет слишком сумбурной. Я служу, то есть служил в части управления космическими аппаратами, а до этого закончил Военную академию имени Можайского...»

«Вы умеете запускать в космос какие-то аппараты? А из пушки на Луну кто-нибудь уже летал? Французский писатель Жюль Верн написал книгу, где это описывается...»

«Если выстрелить из такой пушки, до Луны в лучшем случае долетит фарш из человеческих останков, тщательно перемешанный с обломками приборов. А в худшем – упадет обратно на Землю. А космические аппараты мы запускаем... запускали... Короче, они в космос попадают с помощью ракет в полном соответствии с теорией Константина Эдуардовича Циолковского».

«А что за федерацию ты упомянул? Это какая-то страна?»

«Российская Федерация – это страна, существующая на месте Российской империи в довольно урезанном виде, по своей структуре – демократическая республика, примерно как Франция, но со своими российскими прип... особенностями. Хм, извини, сорвалось. Холост, любимой девушки пока нет, впрочем, ничего уже нет. Сижу вот в твоей голове и охреневаю потихоньку...»

«А почему Российская империя стала Российской Федерацией?»

«Да потому, что через пару лет будет революция, царь отречется от престола, появится Учредительное собрание, которое не сможет управлять страной, фронт развалится, потом власть возьмут большевики, заключат с немцами сепаратный мир, чтобы удобней было со своими воевать – «гражданская война» называется, потом станут строить коммунистическое государство... а лет через семьдесят это государство тихо рассыплется и на его обломках возникнет Российская Федерация, которую страны Европы и Америка будут стараться опустить ниже плинтуса...»

«Подожди, ты говоришь такие вещи, что становится страшно...»

«Ты знаешь, подробно это рассказывать очень долго, а я еще не все детали знаю, историей увлекался, но не очень, в основном любил читать о временах богатырской Руси. Меня сейчас больше волнует, как мы вот таким двуликим Янусом жить будем».

«Volens nolens^[3] этот вопрос разрешится... Пусть это тебя не беспокоит... Расскажи мне лучше свою историю...»

Два следующих дня были заполнены только лежанием и разговорами с

самим собой – я рассказывал все, что знал о событиях после войны, о гражданской войне, об истреблении Белого движения, о восстановлении страны, о голодающих Поволжья и Украины, о ДнепроГЭСе и индустриализации, о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, в общем, о всей истории Советского Союза и постсоветской России. Этот продолжительный рассказ ненадолго прерывался с появлением «ангела милосердия» Дарьи Александровны, которую доктор приставил ко мне сиделкой. Она кормила меня с ложечки и пичкала разными порошками и пилюлями, попутно сообщая мне важные по ее мнению новости, начиная от замечательной погоды до пересказа событий на фронте, изложенных в газетах. Из этих же разговоров я узнал, что она окончила гимназию в прошлом году, поступила на курсы сестер милосердия и после окончания попросилась во фронтовую госпиталь. Мне нравилась эта общительная и доверчивая барышня, старавшаяся помочь всем и везде в меру своих сил. Это время еще не знало жестокости других войн, когда бомбили и расстреливали с бреющего полета лазареты, когда снайперы специально ранили солдата и ждали, когда к нему подползет санитар, чтобы подстрелить и его, когда банды боевиков прикрывались живым щитом из беременных женщин и детей, чтобы выбраться из кольца...

Было очень интересно разговаривать с ней, впитывать вместе с ее словами какую-то особенную ауру этой эпохи, изредка пользуясь подсказками своего второго Я, чтобы не попасть впросак с реалиями этого времени. Наверное, так же, с сияющими глазами, зачитывали сводки Совинформбюро о победах Красной Армии вчерашние школьницы, служившие медсестрами и санитарками в госпиталях Великой Отечественной. Прапорщик Гуров ушел куда-то в глубь сознания, но иногда напоминал о своем присутствии, когда с языка был готов сорваться очередной ляп. Приходилось косить под кашель и по ходу разговора исправляться...

На третий день я попытался встать с койки, и это немного получилось. Тело после контузии не хотело слушаться. Поэтому попыток было четыре, а удачной оказалась только последняя. Подъем в вертикальное положение как раз совпал с визитом Дарьи Александровны в палату. Было немного смешно видеть округлившиеся глазищи и приоткрытый от неожиданности рот. Потом была попытка удержать шатающееся «привидение» от падения и уложить обратно в койку. Напоследок прозвучало возмущенное обещание наябедничать доктору на мое плохое поведение и нарушение лечебного режима. Причем оно было выполнено незамедлительно, сразу после того, как я растянулся на койке. Но когда Михаил Николаевич появился в

сопровождении «милосердного ангела» в дверях, я снова стоял возле койки и, наверное, глупо улыбался, пытаюсь сохранить равновесие, которое никак не хотело сохраняться. Доктор оглядел палату, вдруг улыбнулся в ответ, вновь став похожим на сказочного Айболита, и произнес свой приговор:

– Ну-с, господин прапорщик, не ложится? Хочется быстрее вырваться на свободу? А о последствиях своей контузии вы мне думать предоставили? Зачем, я вас спрашиваю? Для чего вы над собой насилие учиняете?

– Доктор, я чувствую себя достаточно хорошо, чтобы начать двигаться. Голова чуть-чуть кружится, а в остальном все в порядке.

– Хорошо, сударь мой, если сделаете самостоятельно хотя бы два шага, я поверю вашим словам, только вот мы с Дарьей Александровной будем вас на всякий случай поддерживать.

Ну, ладно... Как там мы учились? Сконцентрировать внимание в точке ДАНЬ-ТЯНЬ, вдох-выдох, и вперед помалу... Стоя рядом с койкой, я пытался отдышаться, обтекал холодным потом, но на ногах стоял без всякой помощи.

Рядом со мной возбужденно шумел доктор:

– Неделя едва прошла после тяжелейшей контузии, а человек сам встает и идет?! Чудеса, да и только!

– Михаил Николаевич, ничего чудесного и волшебного, просто очень надоело лежать. Человеку нужно двигаться, ибо движение есть жизнь.

Доктор как-то по-особенному посмотрел на меня поверх пенсне, покачал головой абсолютно по-стариковски и произнес:

– Теперь вот молодежь меня еще медицине учить будет... Разворачивайтесь, господин прапорщик, и шагом марш в постель. Это я вам как старший начальник приказываю.

– Слушаюсь, доктор!

Обратная дорога заняла времени и сил больше, но дошел сам, хотя звездочки перед глазами кружились. С большим облегчением плюхнувшись на койку, я не заметил, как заснул.

Глава 3

Проснулся я от внутреннего толчка. В палате никого не было, сквозь высокие окна лился тусклый сумеречный свет, небо как будто было затянуто серым покрывалом. Внутри головы раздался голос «того» Дениса:

«Я хотел бы поговорить с тобой перед тем, как уйду... Ведь я и так не увидел особого смысла в дальнейшем существовании... А после того, как ты рассказал о тех ужасах, что ждут меня, да и всех остальных, в будущем, я окончательно утвердился в мысли, что ничего хорошего от жизни ждать не стоит...»

«Подожди, мы можем попытаться изменить все, переделать историю...»

«А я не хочу ничего менять... Девушка, которую я любил и люблю, сейчас с другим. И, что самое страшное, счастлива... Страна, где я родился и вырос, через несколько лет начнет превращаться в нечто ужасное... И один человек ничего не сможет изменить... Поэтому я ухожу... Как и собирался... Прощай...»

Внутри головы, а может, где-то, в невообразимой дали Вселенной, с печальным, тихим звоном лопнула тоненькая струна... Сердце пропустило один удар, другой...

...Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

«С-Т-О-Я-ТЬ!!!»

Воздух стал таким вязким и тяжелым, что невозможно было протолкнуть его через горло...

...Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

«Н-А-З-А-Д!!!»

Тело судорожно напряглось в попытке противостоять наваливающейся черноте...

...Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

«Т-В-О-Ю!!!.. С П-Р-И-С-В-И-С-Т-О-М!!!!.. Ч-Е-Р-Е-З!!!!.. К-О-Р-О-М-Ы-С-Л-О!!!»

Угасающий мозг уловил какое-то движение на самой периферии взгляда, но было не до разглядывания...

...Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Дышать!.. Дышать!..

Со звуком, похожим на что-то среднее между свистом и хрипом горло выдавило из себя первый выдох... Затем такой же хриплый вдох... И снова

выдох...

...Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

Сердце судорожно ёкнуло... Потом еще раз... Еще...

...Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

Тьма перед глазами стала рассеиваться, появились плавающие очертания стен, потолка, окон... и чудесного сверкающего облачка прямо перед глазами... Оно начало увеличиваться, и в какой-то момент я очутился внутри него. Стало легко и спокойно. Воздух уже не рвался клочьями из легких, сердце стучало спокойно и уверенно... Сознания коснулась легкая, как дуновение летнего ветерка, мысль: «Спи! Все будет хорошо!..»

...Очнулся от негромкого разговора. Не открывая глаз, по голосам определил доктора и Дарью Александровну.

– Дашенька, это действительно из ряда вон выходящий случай. Такое бывает чрезвычайно редко. А вы – молодец! Он ведь только вашими стараниями жив остался, если б не вы, свезли бы уже прапорщика в покойницу...

– Да что вы, Михаил Николаевич, я в процедурную шла, сюда случайно заглянула...

– Голубушка, да ведь процедурная в другом крыле... Да не смущайтесь вы так, ничего плохого в этом нет...

– Я увидела, что он в одно и то же время и хочет жить, и нет. Как такое может быть?

– Не знаю... Встречу Целителя, спрошу у него...

На этом я окончательно провалился в черный, тяжелый сон...

Проснувшись, почувствовал себя достаточно бодрым, чтобы сделать одно маленькое, но очень важное дело...

«Денис!!!» – на этот раз он откликнулся с секундной заминкой.

«Что?»

«Су...й потрох!!! Сам захотел сдохнуть, и меня за собой потянул!!! Обидели бедненького!!! Девушка не того, бл..., выбрала!!! А что в тебе есть такого, чтобы тебя выбирали?! А?! Студентом он почти лучшим был! И что?! Кто какую пользу с этого получил?!»

«Что ты себе позволяешь? Поче...»

«М-О-Л-Ч-А-Т-Ь!!! Ты и в армию пошел, чтобы легче было помереть! Не напрягаясь! Все должны всё за тебя делать! Ты ужасался тому, что я рассказывал, а сам ничего не сделал для своей страны, своей империи! Из-за таких ушлепков, как ты, мы проиграем войну! Потому что думать вы будете о своих никчемных жизнях, а не о том, как победить!»

«Не смей так... Ох-х!»

Ледяная злость наполняла меня, и чисто рефлекторно я направил ее, как луч фонарика, на «то место», где звучал его голос...

«Теперь ты будешь сидеть и молчать! Говорить только с моего разрешения, да и то, если я разрешу обратиться!.. ТЫ ВСЕ ПОНЯЛ?!»

«Да», – в голосе были слышны удивление и боль...

«НЕ СЛЫШУ!!!» – еще один «выстрел на звук»...

«Уф-ф!.. Я понял, понял!!!»

«Тогда исчезни, и пока я не позову, не появляйся! ПОШЁЛ!..»

Глава 4

Прошло уже две недели после той «битвы титанов в одном флаконе». За это время мне смертельно надоело валяться на койке без дела и изучать трещинки на потолке вплоть до самых маленьких. Поэтому стал вспоминать точечный массаж, который показывал один из наших любителей у-шу. Попросил «няньку»-санитара выстрогать маленький колышек наподобие карандаша. Тот удивился, но просьбу выполнил, за что и получил полугривенный. И теперь каждое утро в качестве зарядки прохожу «инструментом» по точкам от большого пальца до локтя. Помогает очень даже неплохо. А если прибавить к тому дыхательную гимнастику, то еще лучше. Правда, для этого нужно вставать, что пока нежелательно с точки зрения Михаила Николаевича, но санитар, приставленный ко мне «пестуном», поймав на этих занятиях, пообещал молчать как рыба.

Сам он, старый солдат, в русско-японскую войну был ранен, вылечился, да так и остался при докторе то ли денщиком, то ли помощником... Теперь «смотрел» тяжелых, лежащих раненых, выполнял все грязные процедуры, но у меня возникло стойкое подозрение, что Петрович, как звали его все, вплоть до самой последней прачки, был природным психотерапевтом. Настоящая его помощь была в разговорах. С трудом мог писать и читать, но скажет по-простому, по-деревенски несколько слов, и на душе становится как-то легче и спокойней. Он рассказывал о том, как в далекие годы, когда был еще мелким постреленком, лазил с друзьями по чужим садам или ловил рыбу на речке, а я невольно ловил себя на мысли, что слушаю сказку какой-то Арины Родионовны...

Два раза за это время был удостоен визита госпитального батюшки, высокого здоровяка с начинающей седеть бородой, пахнущего ладаном и воском. Разговоры с ним получались короткими. Было непривычно и неловко беседовать со священником, который в свою очередь воспринял это за последствия контузии, пообещал помолиться за меня и напомнил, что скоро уже Великий пост.

Дарья Александровна заходила теперь реже, только для того, чтобы накормить лекарствами, или сопровождая Михаила Николаевича на обходе. Но и этого времени хватало, чтобы немного поболтать. Так я узнал, что лежу, оказывается, на именной койке. С началом войны, когда военные

госпитали перестали справляться с большим наплывом раненых, к этому делу подключились общественные организации и даже отдельные люди. Госпиталь, где я находился, был создан Российским обществом Красного Креста, а койка, на которой имел удовольствие располагаться, содержалась и финансировалась Гомельской женской гимназией, которую Дарья Александровна и закончила. И поэтому она, отчего-то покрывшись смущенным румянцем, заявила, что считает своим долгом поддерживать реноме своей альма-матер.

Наконец сегодня я услышал долгожданное разрешение вставать и даже прогуливаться, в меру сил, разумеется, по палате и в коридоре. Тут же был задан вопрос о прогулках на свежем воздухе, и после недолгого размышления получен положительный ответ. Помимо этого в процесс излечения была добавлена лечебная гимнастика и физиотерапия. С физкультурой все было понятно – сплошная тренировка вестибулярного аппарата. Но от физиопроцедур я «выпал в осадок».

Ультрафиолетовые ванны и гальванизация... С первым проблем не возникало. Загорать, так загорать. На свежем воздухе. Солнышко греет совсем по-весеннему. Конец февраля, Масленицу уже отпраздновали, даже чучело сожгли. И блинов поели... А вот с гальванизацией – ну зачем я буду из себя резистор или конденсатор изображать? Но тут вмешалась Судьба и подкинула очень весомый аргумент «ЗА». Гальванизацию проводила... угадайте кто? Пришлось согласиться. И постараться при этом скрыть радостную улыбку...

На следующее утро я еле дождался брадобрея, переоделся в свою выстиранную форму, которую принес Петрович, накинул шинель на плечи и отправился на свою первую – после контузии – прогулку. Спустившись по лестнице на первый этаж, толкнул дверь и вышел во внутренний двор... И замер как вкопанный!.. Мама дорогая!!!!.. На этом нормальные слова кончились и пошли ненормативные... И вырывались они около минуты, пока сознание пыталось привыкнуть к новому миру!.. Это же футурошок наоборот... Ретрошок... Из окон палаты были видны только крыши других домов да купола двух колоколен, стоявших вдалеке... Сейчас же на меня обрушился действительно другой, новый, мир... И через миг до сознания дошло, что это – всерьез и навсегда... Воздух, пахнувший по-другому, лавина запахов, из которых знакомыми были только конский пот, махорка и деготь... Скрип и шорох деревянных полозьев по подтаявшему снегу, даже матерная перебранка ездовых и санитаров, – все ощущалось иным... Вот теперь «пробило» окончательно и бесповоротно!.. Чтобы прийти в себя, потребовалось какое-то время... По двору сновали люди, у госпитальных

ворот стояли телеги с ранеными, рядом солдаты таскали носилки внутрь корпуса. Ко всем ощущениям добавился сладковатый запах крови и почти физическое ощущение чужой боли...

– Вашбродь, отойдите в сторонку, дабы носить сподручней было, – неизвестно откуда взявшийся Петрович потянул за рукав шинели. – Вокзал переполнен, так доктор приказал пока у нас их разместить. Эшелон пришел, а людей-то и положить некуда. Так на перроне носилки и хотели оставить, да мимо Михаил Николаевич проезжал. Сейчас отогреем, перевяжем, чаем напоим...

Взгляд зацепился за две женские фигурки, стоявшие в стороне. Одну и узнавать не надо: из миллиона узнаю Дарью Александровну. А вторая, видимо, сестра милосердия, приехавшая с ранеными. И знают они друг друга не первый день, беседуют, как близкие подруги...

– Пойдем, Машенька, я тебе кофе приготовлю... – донесся обрывок фразы, когда девушки проходили мимо, – а то замерзла вся, дрожишь, как заячий хвостик...

Постояв во дворе еще минут десять, я немного продрог и побрел в палату. Завтра начинается новая жизнь...

Она началась с прогулок по маленькому парку, окружающему госпиталь. Правда, недолгих и медленных, в сопровождении «дядьки» Петровича. Часто к нам присоединялись другие раненые. Минут через двадцать все усаживались в заброшенной беседке, доставали свои кисеты, и начиналась «дымовая атака» под разговоры за жизнь... Жизнь в разговорах чаще всего была военной и невеселой. Хватало и домашних проблем, и окопного быта, и недостатка патронов, и придилок со стороны унтеров и офицеров. Правда, особо рьяных критиков осадил Петрович:

– Вот, помню, в Артуре генерал Кондратенко Роман Исидорович нами командовал... Пулям не кланялся, солдатиков берег, да и сам погиб, как солдат. И вона у нас в госпитале сколько их благородий пораненных лежало... Я-то их поболее вашего повидал, так што неча тут всех под одну гребенку...

А я сидел с закрытыми глазами, подставив лицо весеннему солнцу, слушал и узнавал для себя много нового и интересного...

Глава 5

Неспешно прошло еще несколько дней, и, когда я почувствовал себя более-менее уверенно, пошел на прием к доктору на предмет выписки и отправки в часть. В результате долгого и продолжительного разговора на повышенных тонах со стороны Михаила Николаевича обе высокие договаривающиеся стороны пришли к согласию в том, что неугомонный прапорщик уйдет в отпуск по ранению, а потом, после освидетельствования, вернется в строй, если его планы не изменятся, потому как с такой контузией надо еще «на печи полежать», а не по окопам прыгать, да и эпилепсия или апоплексический удар могут случиться, если на рекомендации врача внимания не обращать, и т. д. и т. п.

В качестве встречного предложения я выпросил разрешение провести этот отпуск при госпитале, так как о поездке домой, в Томск, речи не было, а искать внаем квартиру или комнату в городе долго и хлопотно. Мы располагались в довольно просторном особняке на окраине города. Михаил Николаевич предложил пока остаться в своей палате, достал из сейфа большой бумажный пакет и вручил мне:

– Эти вещи, сударь, были у вас при поступлении в госпиталь. Шашки не было, но пока вы у нас квартируете, могу одолжить. Проверьте, пожалуйста, и распишитесь в получении.

Внутри свертка лежал наган, барабан которого я тут же на автопилоте проверил, кошелек, карманные часы и всякая всячина. Оставив в регистратуре немного денег, чтобы встать на довольствие (в госпитале кормили сытно и вкусно), я отпросился у доктора на прогулку в город. Нужно было купить разные бытовые мелочи, а также найти что-то вроде спортивной формы для тренировок.

Выйдя за ворота, я геройски преодолел достаточно крутой спуск (не хватало еще грохнуть на гололеде) и, не торопясь, пошел по улице. Привыкший к безликим бетонным коробкам пяти- и девятиэтажек, я с удовольствием рассматривал небольшие деревянные дома, украшенные ажурной резьбой. Несколько раз попадались двухэтажные особняки, затейливо сложенные из кирпича, с небольшими балкончиками, огражденными коваными перильцами. Каждый дом имел какую-то свою «изюминку», по нему уже можно было составить определенное мнение о хозяине.

Пройдя мимо мужской гимназии, очутился на Базарной площади,

этаком центре культурной, торговой и светской жизни любого маленького города. Торговые ряды, лоточники, снующие среди гуляющей публики, пара извозчиков со своими пролетками в ожидании клиента – все для меня было новым и интересным. Тут же, на площади находились последние достижения цивилизации – книжный магазин, типография, аптека и даже ресторация. Пока все вышеперечисленное было мне без надобности, так что, немного погуляв, решил возвращаться. На обратном пути заходил во все магазинчики и лавочки, которые многие коммерсанты устраивали на первом этаже или в полуподвале своих домов. В одном из таких магазинчиков я и обзавелся «спортивной формой», хотя как такового понятия спортивной одежды еще не существовало. Народ кидался в крайности – от трико для вольной, то бишь французской, борьбы до специальной пиджачной пары для игры в лаун-теннис. Спортивная обувь – отдельная песня. В общем, мне несказанно повезло в том, что я подобрал подходящие по размеру туфли для тенниса, холщовую рубаху-косоворотку и широкие шаровары. Все это было куплено в магазинчике для публики среднего достатка. Я уже собрался уходить, как зацепился взглядом за компанию маленьких фарфоровых статуэток, стоявших на одной из полок. Мое внимание привлекли две небольшие куколки, стоявшие рядом. Одна изображала японку, одетую в кимоно, а вот другая...

Мастерски расписанная кукла была очень похожа на Дарью Александровну, у меня возникло ощущение, что она смотрит на меня, будто живая, и даже хочет что-то сказать. Хозяин магазина, худой словоохотливый еврей лет сорока, увидев мою заинтересованность, подошел поближе.

– Хозяин, а что за барышни у вас на полке?

– Таки господин офицер увидел что-то интересное? Это моя дочка этим искусством занимается, когда у нее есть время. – У продавца помимо дежурной улыбки на лице в глазах проскользнула гордость за своего ребенка. – Упросила меня привезти ей дюжину кукол и краски, чтобы их раскрашивать. Платья сама сшила, теперь на полку поставила, говорит, что их обязательно купят. Я таки не совсем верю в этот гешефт, но пусть моя Соня попробует, вдруг у нее и получится их всех продать.

– Ну насчет всех я не знаю, но пару кукол я бы купил, только есть у меня одно условие. Могу я с вашей дочкой поговорить?

– Если она не убежала неизвестно куда со своими подружками, дай им бог здоровья, то таки я ее сейчас позову. Пусть господин офицер подождет две минутки. – Он скрылся за занавеской, отделяющей магазин от жилой части дома, и через минуту вышел обратно с девчушкой лет двенадцати,

смущенно комкавшей в руках передник.

– Соня, будь таки воспитанной девочкой, поздоровайся с господином офицером. Я не знаю почему, но ему вдруг понравились твои куклы и он хочет купить цельных две штуки.

Юная «кутюрье» Соня засмузилась, но потом справилась с собой и, глядя на меня, спросила:

– Какие куклы господин офицер хотел бы купить?

– Вот эту японку и куклу справа от нее в сером платье, только у меня есть условие: надо поменять у кукол костюмы. Вместо серого платья нужно сшить костюм сестры милосердия, передничек с крестиком, косыночку, а для японки я костюм сам нарисую и завтра принесу. Сможешь сделать такое?

Хозяин лавки понимающе улыбнулся:

– Таки господин офицер, конечно же, знает, что работа на заказ будет стоить дороже?

– И сколько запросишь, художница?

– Папа мне сказал, что если я не продам их по пять рублей, он больше не будет меня слушать... – выпалила она и осеклась, прикрыв рот ладошкой, – ...и чтобы я взяла аванс в два рубля...

Хозяин лавки хотел что-то сказать, но я только улыбнулся:

– Хорошо, договорились.

Ну, не буду я торговаться с ребенком. Это же – как амулет «на счастье». Такое не торгуется и не продается.

Еще раз объяснил юной художнице, что именно я хочу увидеть на кукле, и договорился принести завтра утром рисунок с костюмом для японки. Девочка с очень серьезным лицом обещала сделать все необходимое за два дня. Как же, первый, наверное, заказ и первый клиент. Да и сильно подозреваю, что последний. Кому это сейчас нужно? Кроме меня...

Глава 6

Оказалось, что нужно. На следующий день я отнес в лавочку рисунок с костюмом самурая, сделанным по памяти, и объяснил, что к чему в нем. Маленькая модельерша разобралась во всех хитростях и пообещала сделать все очень быстро. Но когда через несколько дней я зашел за куклами, хозяин начал бормотать что-то невразумительное и оправдываться, путая русские слова с родными так, что я не сразу даже понял, что именно он хотел сказать и за что извиняется:

– Таки, господин офицер, бедный Аарон всю свою жизнь работал на этот магазин вот этими руками и вот этой спиной. Вы можете мне не верить, можете сказать, что Аарон вас обманул, что ему нельзя заниматься торговлей, а нужно идти и мести мусор на улицах, так от него будет хоть какой-то толк, но, господин офицер, это произошло только по невероятной случайности, я должен был уйти по делам, хотя лучше бы совсем не имел никаких дел, лишь бы не расстраивать господина офицера... Но когда меня не было в магазине, моя Соня поставила одну куклу, что вы заказали, на прилавок и села рядом доделывать вторую. В это время к нам в магазин зашла дама, я часто оставляю свою Соню в магазине, когда мне надо уйти по делам, и ни разу не думал, что ошибаюсь, делая это, но в этот раз я таки зря ушел из магазина. Даме очень понравилась кукла в костюме сестры милосердия, и моя Соня не смогла ей отказать и продала почти что вашу куклу этой даме, хотя вы, господин офицер, и не давали аванса за две куклы, а только за одну, вот Соня и не смогла отказать той даме...

Короче, как я понял, какая-то мадам купила куклу-медсестричку. Наверное, в подарок дочке, сейчас патриотические игрушки в моде... М-да, не срослось... Мне же осталась японка, точнее – японец, одетый в самурайское облачение.

Уже в госпитале вечером я стал доводить до ума маленького самурая – изменил прическу и прикрепил к поясу два меча, сделанных из полосок жести и бумаги. Получился молодой самурай, серьезно глядящий перед собой. Вот и подарю я этого самурая Дарье Александровне, когда будет подходящий случай. Будет у нее свой маленький личный защитник. А «медсестричку» хотел на память оставить себе, да, видно, – не судьба.

Со следующего утра потекли трудовые, в смысле, физкультурно-оздоровительные будни. Начал утреннюю пробежку с небольшой дистанции – два раза вокруг госпиталя, потом разминка в виде тай-цзи-

цуань и немного силовухи, на следующий день стал давать нагрузку и вспоминать свои занятия по рукопашке из той жизни. Заниматься в одиночку – то еще удовольствие, но пока что ставил своему новому телу механику движений, тренировал перекаты, кувырки, «домики» и «рамки». В госпитале появилось новое, но очень интересное развлечение – смотреть из окон, как контуженый «вашбродь» физкультурой занимается да по остаткам соломы во дворе катается кувырком. Пару раз приходил и наблюдал за моим ненормальным поведением Михаил Николаевич. Когда он вновь объявился на третий день, я приготовился спорить с ним по поводу полезности занятий, но в этот раз разговор зашел совсем о другом.

– Денис Анатольевич, если вы не заняты сегодня вечером, приходите на маленькие посиделки. Дело в том, что у нас в госпитале традиция – устраивать раз в две недели вечерние чаепития. Там будут все свободные от дежурства, а также приглашенные офицеры из числа выздоравливающих. Вы приглашены нашим единогласным решением, хотя всем уже доказали, что контузия просто так не проходит, только на ноги встали, и начались чудачества. То бежите, как на пожар, то кувыркаетесь, как в цирке, то руками-ногами машете во все стороны, как мельница, – Михаил Николаевич все-таки не удержался от «шпильки», – я уже и сам склонен так думать, одна только Дарья Александровна вас защищает...

Мысль о том, что Дарья Александровна обо мне говорит и даже перед кем-то защищает, обдала все тело горячей волной, я поспешил перевести разговор на другую тему:

– Михаил Николаевич, благодарю за приглашение... Но вы же сами понимаете, прийти с пустыми руками – неприлично. Посоветуйте, как быть.

– Молодой человек, вам уже сколько лет, а все еще не знаете, что барышни любят цветы и сладкое. Цветы отпадают по причине февраля, а в остальном – выбор вышеозначенного за вами.

– Доктор, спасибо за совет, кто еще будет?

– Будут ваши соседи по палате – поручик Дольский и капитан Бойко. На сегодня вы вдвоем – единственные выздоравливающие офицеры в госпитале.

Вчера ко мне в палату подселили двоих легкораненых – поручика Анатоля Дольского, кавалериста, поймавшего пулю в плечо во время атаки, и капитана Валерия Антоновича Бойко, какого-то штабного офицера с наполовину отстреленным ухом. Ранение он получил, с его слов, когда сопровождал полкового командира по второй линии окопов.

– Спасибо, Михаил Николаевич. Когда являться?

– Да вот к шести часам вечера и ждем-с. Ваши соседи уже в город собрались, составьте им компанию.

Когда я прибежал в палату, там уже никого не было, так что в город пришлось двигаться в грустном одиночестве. По пути размышлял, что бы такого купить и как сделать так, чтобы Дольский с Бойко не купили то же самое. Вдруг меня осенила гениальная мысль – как совместить цветы и сладкое. Прошлый раз, когда был в магазине у Аарона, краем глаза заметил букет цветов, сделанный из разноцветной папиросной бумаги. По-моему, его Соня не только куклами занимается, она вообще мастерица на все руки. Летим туда спрашивать цветы, заодно и поинтересуемся, где можно найти приличные шоколадные конфеты.

В магазине было шумно и... малоллюдно. Весь шум создавался какой-то теткой с явно выраженной семитской наружностью, но одетой достаточно богато. Аарон на своем языке расхваливал свой товар, тетка явно сомневалась, судя по интонациям, и в его качестве, и в честности хозяина. Соня в это время суматошно рылась под прилавком. Увидев меня, Аарон, не переставая уговаривать клиентку, сделал мне такие жалобные глаза, что я невольно улыбнулся – артист, да и только. Соня наконец-то нашла нужную коробку, достала оттуда какую-то разноцветную жестянку и протянула отцу. Тот передал ее тетке, которая повертела ее в руках, затем, недовольно бурча, убрала ее в ридикюль и взамен достала кошелек. Рассчитавшись, она быстро вышла на улицу.

– Добрый день, господин офицер. Бедный Аарон очень рад, что вы таки не забыли дороги в наш магазин после того, что случилось с куклой. Мы с Соней вспоминали вас, боялись, что вы обиделись за тот случай. Но я тогда еще сказал Соне: «Господин офицер – добрый человек, он не будет обижаться на бедного коммерсанта и его дочь из-за случайности, пусть даже и неприятной». Я еще сказал Соне: «Ты еще увидишь, господин офицер придет к нам, потому что у нас хороший магазин и не такие высокие цены, как у других...»

– И вам доброго дня, хозяева, – перебиваю словесный поток. – Мне нужна ваша помощь. В прошлый раз я видел в магазине бумажные цветы...

– Мы всегда рады помочь господину офицеру. А у господина офицера хорошее зрение и хороший вкус, если он заметил то, что делает моя Соня. Ей эти цветы заказывают многие уважаемые люди, которые имеют свои кафе и рестораны, для того, чтобы украсить столы зимой вместо настоящих цветов. И только моя Соня умеет делать такие красивые, как настоящие, цветы...

– Хозяин, подождите, можно я поговорю с вашей дочерью? Соня,

скажи, пожалуйста, есть у тебя сейчас готовые цветы? Такие, как те розы, что я видел прошлый раз? Мне нужно девять штук.

– Да, господин офицер, я только вчера закончила два десятка. Сейчас я их принесу, и вы сможете выбрать, какие понравятся, – и она умчалась за занавеску.

Подманиваю тем временем Аарона и спрашиваю:

– А где можно купить шоколадные конфеты?

– Господину офицеру понравилась дама, и он таки решил угостить ее шоколадом? – Мой собеседник хитро и понимающе улыбается.

– Не даму, а дам. Меня в госпитале пригласили на чаепитие, а идти с пустыми руками неудобно.

– Господин офицер – очень умный человек, он знает, к кому обратиться, чтобы решить нужный вопрос. – Аарон еще шире расцветает улыбкой, затем откидывает занавеску:

– Соня, иди сюда быстрее! Неси цветы господину офицеру и, пока он будет выбирать, найди еще одну упаковку того чая, который ты никак не могла найти Риве Изельблум!

Соня выскакивает с охапкой красных роз, рассыпает их по прилавку, чтобы удобнее было выбирать, и снова возится под прилавком. Через две минуты наконец достает еще одну жестянку и ставит передо мной.

– Господин офицер, Аарон готов ручаться вам чем угодно, кроме здоровья моей Сони, что такого чая вы еще не пробовали...

– Хорошо, хозяин, с цветами мы решили, чай я возьму. А что скажете за шоколадные конфеты?

– Господин офицер может быть абсолютно спокоен, Аарон знает ответ и за шоколадные конфеты. Сейчас Соня наденет свое пальто и проводит вас до кондитерской старого Лейбы Когана. У него таки есть то, что надо господину офицеру. И Лейба Коган никогда не держит плохой товар. А моя Соня скажет Лейбе, что господин офицер – уважаемый человек, и Лейба сделает маленькую скидку с обычной цены...

Спустя пару минут мы идем в «замечательную» кондитерскую Лейбы Когана. Конфет там был достаточно большой ассортимент, так что я даже призадумался, что брать. Пока я раздумывал, кондитер, старый еврей с небольшим брюшком и гораздо большей лысиной, и Соня обменялись несколькими фразами на идише, потом он подходит ко мне и достает из-под прилавка небольшую коробочку. Открыв ее, он показывает лежащую внутри дюжину конфет, обернутых золотистой фольгой.

– Если господину офицеру нужны действительно вкусные конфеты, то это – они. Это вам советует старый Лейба, а он знает толк в конфетах. Соня

мне сказала, что господин офицер – постоянный клиент Аарона, поэтому я не буду говорить господину офицеру за большие деньги, я буду говорить цену как для постоянных клиентов. Эти конфеты будут стоить вам почти даром, всего восемьдесят четыре копейки.

– Я хочу попробовать одну штучку, а то вдруг они не понравятся.

– Конечно, господин офицер. Если вы не верите тому, что говорит весь город, а весь город говорит, что у Лейбы Когана самые вкусные торты, пирожные и конфеты во всем уезде, то попробуйте и вы убедитесь, что люди так говорят правду.

Конфета действительно оказалась и свежей, и очень вкусной. Что-то очень похожее на современные трюфели, то есть на трюфели из моего очень далекого будущего.

Расплачиваюсь с кондитером, и мы идем обратно. По дороге спрашиваю Соню:

– Ты сможешь в серединку каждой розы вставить конфету, чтобы не было заметно?

Она смотрит на меня удивленно и отвечает:

– Да, смогу, это будет легко... А господин офицер очень интересно придумал за сюрприз. Наверное, дамам очень понравится... А господин офицер позволит пользоваться его придумкой?

– Как будто, если я запрещаю, ты не будешь этого делать. Дарю идею...

В магазине, пока я торговался с Аароном, Соня успевает вставить конфеты во все розы и теперь протягивает мне бумажный пакет с чаем и букетом.

– Может, господин офицер возьмет еще две розы? А то в коробке остались две конфеты...

Было видно, как ей до смерти хотелось попробовать вкусняшку, но и поступить нечестно она не решилась.

– Эти две конфеты можешь взять себе в награду за хорошую работу.

Господи, как мало нужно ребенку для счастья. Две маленькие конфетки, и в результате – сияющие глаза, улыбка до ушей, еще немного – и лопнет от радости.

Глава 7

На посиделки я успел вовремя, но после Дольского и Бойко. Когда вошел, они уже сидели и воспроизводили на два голоса фронтовой треп для «сестричек». На столе стояли самовар, чайный сервиз и большой торт.

– А вот и наш прапорщик, – замечает меня Бойко, – подсаживайтесь к нам, Денис Анатольевич, расскажите что-нибудь интересное и героическое из своей службы.

– Ну, Валерий Антонович, что может быть героического в окопной войне? Простые фронтовые будни.

– Прибедняйтесь, прапорщик. А розы так и будете в руках держать или нашим дамам подарите?

Обхожу по кругу всех «сестричек», вручаю каждой по цветку. На их лицах написано легкое недоумение, типа, а зачем нам бумажный цветок, но потом одна из них, разглаживая лепестки, натывается на конфету, удивленно ойкает и достает из бутона золотистый шарик. Остальные немедленно следуют ее примеру. Один цветок так и остается в моих руках – Дарья Александровны здесь нет...

Тоскливо ноет в груди... Не пришла. Наверное, на дежурстве...

– Дарья Александровна скоро придет. Она ассистировала мне на операции, а после пошла привести себя в порядок, – тихонько говорит подошедший сзади Михаил Николаевич, затем усмехается в ответ на мой недоуменный взгляд и добавляет: – Ваш вопрос написан на вашем лице, Денис Анатольевич. Подождите немного.

Очнувшись, достаю коробку с чаем и протягиваю ему.

– Это вам, доктор...

Все уже сидят за столом и начинают разливать чай. Дольский с большим кухонным ножом нависает над тортом... Дверь с легким скрипом распахивается, и в комнату вбегает чуть запыхавшаяся Дарья Александровна:

– Извините, пожалуйста, за опоздание!

Я встаю, чуть не опрокинув стул, делаю несколько шагов к ней (дьявол, а ноги деревянные и почти не слушаются), протягиваю розу и почему-то внезапно охрипшим голосом произношу:

– Это вам, Дарья Александровна...

Она берет цветок и в этот момент нечаянно прикасается к моей руке... Как током прошибло!..

– Даша, загляни в серединку, – слышится веселый совет из-за стола.

Она разворачивает бутон и видит конфету.

– Боже мой, я такие ела последний раз на выпускном! Спасибо, Денис Анатольевич, мне очень-очень приятно!

– Кажется, наш прапорщик еще одну контузию получил! – это уже голос Дольского. Я разворачиваюсь, чтобы ответить что-нибудь резкое, но получаю еще одну «контузию», уже третью, – Дарья Александровна берет меня под руку и шепчет:

– Пойдемте пить чай...

Разговоры за столом ведутся в основном на повседневно-военную тему. Бойко, как штабной офицер, делится общей информацией о положении на фронтах.

Анатолий Дольский, будучи истинным кавалеристом, уже вовсю атакует словами и взглядами сидящую рядом с ним «сестричку», кажется, Катю. По его словам, если бы не высокое начальство, он бы со своим эскадроном эту войну давно бы выиграл и поил бы сейчас своего коня из Шпрее. Ну, прям, по Филатову, типа: «Мне бы шашку, да коня – да на линию огня!»^[4] Если бы все было так просто...

– Денис Анатольевич, а вы как считаете, хорошо мы воевать умеем? – это он уже мне хитрый вопросик подкидывает.

– Мы, Анатолий Иванович, воевать-то умеем, но не так хорошо, как могли бы. А еще умеем геройствовать и этим геройством хорошо умеем хвастаться. – Я предостерегающе поднимаю руку, чтобы вскинувшийся Дольский дал мне договорить. – Я не в том смысле, что позволяю усомниться в вашей храбрости, да и многих других тоже... Вы спросили мое мнение – я его высказываю: героизм – это способность забыть себя для блага Родины, способность принести жизнь в жертву ради возвышенной цели. Вспомните слова: «Положим живот за други своя. А мертвые сраму не имут!». Однако у нас часто бывает, что героизм одного – это действия в ситуации, созданной незнанием, ленью, разгильдяйством или даже предательством других. Если каждый будет исполнять свой долг на совесть, то вышеупомянутые случаи просто перестанут иметь место. Вот это, мне кажется, и называется умением воевать.

– Но, позвольте, а откуда вам знать, как воевать по-другому? Этого даже в Генштабе не знают. – Дольский холодным, презрительным тоном пытается доказать мне мою несостоятельность в военных вопросах. Не могу сдержаться и пытаюсь перефразировать анекдот из далекого будущего:

– «Господин поручик, в чем, по-вашему, заключается долг российского

военного? – Умереть за веру, царя и Отечество! – А я думаю, что долг заключается в том, чтобы германцы умерли за свою веру, своего кайзера и свое Отечество...»

– Анатоль, довольно, – это уже произносит Бойко, обращаясь к поручику.

– Если позволите, еще несколько строк о героизме... – подкрепляю свою мысль:

...Всякому хочется жить. Но бывает, поверь,
Жизнь отдают, изумиться забыв дешевизне.
В безднах души просыпается зверь. Тёмный убийца.
И помысла нету о жизни...
Гибель стояла в бою у тебя за плечом...
Ты не боялся её... И судьбу не просил ни о чём... [\[5\]](#)

За столом воцарилось молчание, потом кто-то из «сестричек» вздыхает:

– Красивые стихи... И страшные... Как мороз по коже...

– Денис Анатольевич, а вы хорошо держите удар, – теперь уже дружелюбно обращается Дольский ко мне, – с вами можно будет иметь дело.

– А в чем же оно будет заключаться?

– Ну, скорее всего, в том, чтобы как можно быстрее одолеть супостата, – включается в разговор капитан, – но давайте лучше поговорим об этом завтра, а то дамы заскучали от наших разговоров.

– Да, дамы заскучали и хотят веселиться, – это проявляется давешняя Катя, – поручик, расскажите еще что-нибудь смешное...

– Недавно наш батальонный вестового проучил за то, что тот в сарае дрых безбожно средь бела дня. Позвал денщика, тот ведро с водой на дверь сверху поставил, чтобы оно упало, когда дверь откроется. Батальонный как закричит: «Пронькин, собачий сын! Ко мне бегом!» Вестовой спросонья плечом – в дверь, а на него сверху – вода. Сразу проснулся, – завел Дольский очередную байку...

Я смотрю на Дарью Александровну и встречаюсь с ее смеющимися глазами.

– Гусар, – одними губами, чтобы никто не услышал, шепчет она и комично разводит руками, мол, что с него возьмешь. Тут уже я не выдерживаю и улыбаюсь.

Один из врачей-ординаторов выходит и вскоре возвращается с гитарой в руках.

– Давайте устроим небольшой концерт! К участию приглашаются все, умеющие играть и петь.

Медсестрички оживляются:

– Олег Сергеевич, спойте! Просим, просим!

– Пожалуйста, «Гори, гори, моя звезда»!

– Нет, нет! Лучше «В лунном сиянии»! А мы будем вам подпевать!

Доктор-певун откашливается, приосанивается и довольно приятным голосом исполняет требуемое. После чего просит антракт на пару глотков чаю и папиросу.

– Денис Анатольевич, будьте так любезны, передайте инструмент. – Дольский, видимо, решает показать себя со всех лучших сторон. Поднимаюсь, беру гитару в руки, и тут пальцы сами пробегают по струнам, проверяя строй... Будучи курсантом, все мы немного поигрывали на гитаре, но сейчас в руках у меня... семиструнка! Это что же, мне вот такое «наследство» привалило? Ну-ну...

– Вы тоже играете? – Анатолий замечает мои телодвижения.

– Одна дама, когда ее спросили: «Играете ли вы на рояле?», ответила: «Не знаю, я еще ни разу не пробовала!» Держите, Анатолий Иванович.

Дольского хватает на два цыганских романса и «Белую акацию», причем на мотив какой-то революционной песни. Типа «Смело мы в бой пойдем». Закончив, он протягивает гитару мне:

– Сыграйте что-нибудь, Денис Анатольевич!

Ну и что мне вам сыграть? Битловскую «She loves you» или «Поворот» Макаревича? Ха-ха три раза... Хотя есть идея!.. Этот марш очень люблю, аж до мурашек по коже. И написан он в 1912-м, сам интересовался. Только слова – из будущего, ну да будем надеяться, прокатит.

– Эта песня написана три года назад, но уже обрела популярность. Называется она «Прощание славянки».

Наступает минута прощания,
Ты глядишь мне тревожно в глаза,
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дышит гроза.
Дрогнул воздух туманный и синий,
И тревога коснулась висков,
И зовет нас на подвиг Россия,
Веет ветром от шага полков...

В комнате становится тише, присутствующие внимательно слушают...

...Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Прости – прощай, прости – прощай...

– Я слышал эту песню, но слова были другие, – подключается к разговору Валерий Антонович. – А эти откуда? Кто автор, не знаете?

– Эти слова разучивали в школе прапорщиков, когда учился, автора назвать, к сожалению, не могу.

– Господа, хватит о грустном! Поручик, развеселите нас, расскажите что-нибудь еще смешное... – просит Катя.

Компания разделяется. Три сестрички постарше и фельдшер ведут между собой неторопливый разговор, скорее всего, о семьях и о том, что сейчас творится в тылу. Молодые девушки смеются от фраз Дольского, который уже в ударе и вне конкуренции по части смешных историй и шуток, Михаил Николаевич с капитаном и врачом дымят папиросами возле открытой форточки и неспешно беседуют.

А я сижу рядом с Дарьей Александровной, смотрю на нее и не могу оторваться... Вот как понять женскую красоту? Изобретаем себе эталоны красоты, начиная от Венеры Милосской и вплоть до Барби-гёрлз, спорим, что красиво, а что нет. А тут смотришь на НЕЕ и не можешь отвести глаз, хочется смотреть и смотреть бесконечно, и не надо ни с кем сравнивать – так ОНА завораживающе красива сама по себе...

Я помимо этого еще что-то ей говорю, какую-то смешную ерунду, наверное, потому, что она смеётся и краснеет от моего взгляда... Но потом время, отведенное Судьбой для счастья, заканчивается. Доктор, оторвавшись от беседы, подзывает Дарью Александровну:

– Голубушка, будьте любезны, сходите, посмотрите нашего оперированного, как он там. По времени должен уже выходить из наркоза. Там «сиделец» дежурит, но мне спокойней будет, если вы посмотрите.

– Конечно, Михаил Николаевич, я уже иду.

– А чтобы вам не страшно было темными коридорами идти, Денис Анатольевич вас проводит, тем более, ему таблетки принимать пора.

– Да, доктор. – Я поднимаюсь, и мы выходим в коридор.

Выполнив все задания, в том числе дав распоряжения дежурившему санитару и накормив меня таблетками, Дарья Александровна мягко прощается:

– День был трудный, устала, пойду отдыхать. Спасибо вам, Денис Анатольевич, за приятный вечер...

– Дарья Александровна... Вы завтра не дежурите?.. Хочу пригласить вас прогуляться после обеда по городу... (И, будь что будет!!!) И познакомить вас с одним героем...

Она с интересом смотрит на меня.

– Вы меня заинтриговали! Кто он?

– Могу рассказывать о нем только в его присутствии, единственное, что скажу сейчас – он молод, честен, храбр, верен клятве и очень хорошо владеет холодным оружием.

– Вы жестокий, я же теперь умру от любопытства... Хорошо, заходите за мной завтра в четыре часа, а сейчас – спокойной ночи.

– Спокойной ночи, хороших снов...

Смотрю, как она исчезает за дверью своей комнаты, возвращаюсь к остальной компании и тут же ловлю на себе взгляд доктора и его одобрительный кивок.

– Денис Анатольевич, присоединитесь к нам, уважьте стариков, – он показывает на стул рядом с Бойко.

– Какой же вы старик, Михаил Николаевич?

– Да уж к молодежи я себя отнести уже не могу. Мы тут с Валерием Антоновичем говорили о вас, молодых, о вашей судьбе на войне и после войны...

– До конца войны дожить еще надо.

– Вот поэтому, – включается в разговор Бойко, – я и хотел бы с вами побеседовать, Денис Анатольевич, но не сейчас, сегодня настроение не то, а завтра вечером, если, конечно, вы свободны.

– Завтра после обеда я, к сожалению, буду занят. – Ловлю быстрый взгляд из-под бровей доктора. – А утром – к вашим услугам. После физкультуры.

– Да, а на эту вашу «физкультуру» можно будет взглянуть?

– Конечно, приходите, тут секретов никаких нет...

А какие есть, того вы все равно не поймете... А я рассказывать не буду. Вот так...

Глава 8

Я как раз закончил разминку «по-китайски» и теперь отрабатывал базовые движения под любопытным взглядом капитана Бойко, который сидел на скамейке и наблюдал бесплатное шоу. Когда закончил и отдышался, он помахал рукой, приглашая присесть рядом.

– Имею честь еще раз представиться: капитан Бойко Валерий Антонович, офицер разведотдела штаба Второй армии. Приношу свои извинения за вчерашние пререкания, и не обижайтесь на Анатоля, это я его попросил расшевелить вас немного.

– Позвольте узнать, Валерий Антонович, с какой целью? Скучно стало лежать в госпитале?

– Не ершитесь, Денис Анатольевич, просто мне показалось, что вы – подходящий для нас человек. Я должен был проверить вас, так сказать, на разрыв, кручение и сжатие.

– Хотите предложить мне профессию шпиона?

– Нет, не шпиона, а офицера разведки. Поймите, наша служба была создана всего лишь в тысяча девятьсот седьмом году, до самого начала войны существовала только на бумаге, и то – в зачаточном состоянии. На всю армию – десять офицеров, а работать надо не только по своему направлению, но и контрразведчикам помогать, вот и решили с Анатодем вас прощупать. Вы думаете, только на передовой бои идут?.. Вот вам позавчерашний пример: штаб посылает курьера в корпус с секретным пакетом-приказом о передислокации, а на него нападают из засады уже через несколько верст.

– Это ведь может быть и случайностью.

– Нет, ждали именно его. Благо, мне нужно было в тот же корпус по своим делам, вот и поехали втроем на авто.

– С Анатодем?

– Да, Анатолий Иванович служит вместе со мной. Они не ожидали, что нас будет трое, шофера застрелили, курьера ранили, только мы им в ответ из трех револьверов дали огоньку. В общем, трое убиты, двоих допрашивают. Они уже признались, что знали где, когда и какой автомобиль ждать.

– А кто это был?

– Трое из немцев, бывавших здесь до войны, и один – обер-лейтенант, к сожалению – мертвый, поэтому и не можем узнать, как они сведения о

курьере получили. Вы понимаете?! В двадцати верстах от линии фронта германцы свободно передвигаются и творят, что хотят! А нас – только десять на всю армию. Поэтому мы и ищем толковых офицеров, которые согласны нам помогать.

– А чем вам может помочь простой пехотный прапорщик, как вы любите говорить, – из шпаков?

– В ваших рассуждениях, судя по вчерашнему вечеру, нет шапкозакидательства и ура-патриотизма, зато наличествует здравый смысл и попытка разложить всё по полочкам. Вы, как мне кажется, можете трезво и хладнокровно решать достаточно сложные логические задачи.

– Благодарю за комплимент. Валерий Антонович, сколько у меня есть времени на раздумье?

– Столько, сколько потребуется для вашего выздоровления, хотя мне кажется, что вы уже приняли наше предложение. Но ответ дадите после выписки из госпиталя. Я договорюсь с Михаилом Николаевичем, чтобы вам дали возможность связаться с нами...

Вернувшись в палату и завалившись на койку, стал размышлять о том сюрпризе, который мне сегодня подкинула Судьба.

Оставаться в пехотной роте младшим офицером, сидеть без всякой пользы в окопах или бежать в атаку на пулеметы – смысла немного. Не то, чтобы я этого боюсь, просто хотелось бы в этой войне достичь большего, чем похабный Брест-Литовский мирный договор. И для этого есть шанс, правда, очень-очень маленький.

Только вот в чем будет заключаться моя работа? Что такое разведка в начале двадцатого века? Агентурная разведка – это не по мне, да и толку сейчас от нее. А вот прифронтовая разведка – это уже вкуснее. Сейчас, насколько знаю, из разведопераций – только языков, наверное, берут, да изредка рейды по тылам устраивают.

Для человека, хотя бы немного знающего о действиях партизан Великой Отечественной войны и спецназа, – непаханое поле деятельности. Если разрешат, конечно, это поле пахать. А вот на эту тему мы завтра и поговорим с господином капитаном... А на сегодня у меня есть более важное дело – прогулка в город! С Дарьей Александровной!

Вдвоем!..

Глава 9

Я стоял и ждал Дарью Александровну у входа в корпус. Еще днем она попросила меня быть именно здесь. Якобы для того, чтобы не наводить переполох в женской жилой половине, хотя в отсутствии вышеупомянутого переполоха я очень сомневался. Похоже, на той территории сейчас все были озабочены именно этим событием. Это проявлялось во взглядах, якобы незаметных из-за занавесок, в хихиканье двух «сестричек», пропорхнувших мимо меня внутрь. Даже в том, что «дядьки» – санитары, дымившие невдалеке своими самокрутками, – понимающе усмехались в усы, с некоторым одобрением глядя на меня.

Я был уверен, что выгляжу нормально, с формой все в порядке, даром, что ли, упросил прачку отгладить китель и шаровары, сам, как солдат-первогодок, наяривал щеткой сапоги, пока они не стали напоминать зеркало. Очень тщательно побрился, хотя опасной бритвой до сих пор пользуюсь ну очень аккуратно, это вам не одноразовый «Жиллетт»... В общем, стоял и ждал, делал вид, что наслаждаюсь свежим весенним воздухом и плывущими по небу облачками, изредка набегавшими на солнышко.

То, что в четыре часа ОНА не выйдет, я и не сомневался. По понятиям этого времени пунктуальность на свидании – это прерогатива кавалеров. Для дам же – наоборот, моветон. Вот прохаживался и думал, насколько чувство «отсутствия пунктуальности» затянется – на пятнадцать минут, или же дотянется до получаса...

И как бы я ни готовился, Дарья Александровна вышла неожиданно. Хотя «вышла» – не то слово. Соизволила явить себя народу. В единственном числе – в моем. Народ обалдел, восхитился, шагнул навстречу, помог спуститься с крыльца, поцеловал руку, пахнущую какими-то вкусными духами, чем вогнал обладательницу руки в смущение и легкий румянец...

– Я не долго заставила себя ждать, Денис Анатольевич?

Какой коварный и провокационный вопрос! Даже и не знаю, что на него ответить...

– Нет, что вы, Дарья Александровна! Я готов ждать вас до самой своей смерти, – вытягиваюсь во фрунт и щелкаю каблуками. – Но сильно подозреваю, что вы мне не поверите, и придется помереть в грустном одиночестве.

– Нет, я вас пока в одиночестве не оставлю. Вы обещали интересное знакомство, и я до сих пор сгораю от любопытства.

– Потерпите еще немного, я знаю одно неплохое местечко, где вы и сможете увидеть таинственного незнакомца. Если не возражаете... – С этими словами беру ее руку, кладу себе на сгиб локтя, и мы направляемся к выходу в город...

Идем не торопясь по деревянным тротуарам, обходя подтаявшие сугробы. Город медленно просыпается от зимней спячки. Звонко стучит капель с крыш, в садах почерневшие яблони тянут свои руки-ветви в голубое небо, выпрашивая тепла и обещая хороший урожай... Несмотря на весеннюю погоду, моя спутница немного продрогла.

– Дарья Александровна, хочу предложить вам зайти вот в это заведение, – с этими словами я указываю на кондитерскую Когана, – это, конечно, не «Кюба» и не «Метрополь», но мне кажется, мы сможем найти там что-нибудь вкусное. Тем более, именно там я выполню свое обещание – познакомлю вас с таинственным героем.

– Давайте зайдем, тем более там, кажется, можно попробовать кофе.

– Вы любите кофе?

– Да, я его просто обожаю и стараюсь попробовать все виды. Даже в госпитале частенько с подругами его варим, и каждая старается изобрести свой рецепт.

– Тогда заходим и вытряхиваем из владельца все его рецепты, чтобы вы были вне конкуренции. – Открываю дверь и пропускаю Дарью Александровну внутрь. Навстречу нам уже спешит хозяин.

– Здравствуйте, уважаемый. Зашли к вам немного погреться и чем-нибудь полакомиться. Надеюсь, вы нам позволите и первое и второе?

– Здравствуйте, мадемуазель, здравствуйте, господин офицер! Вы таки не представляете, как старый Лейба рад видеть у себя в заведении благородных и достойных людей! Проходите, пожалуйста, вот за этот столик, сейчас буду вас угощать!

Мы ненадолго задерживаемся у гардероба, я помогаю Даше (с некоторых пор я стал мысленно ее называть так) снять серебристую каракулевую шубку и остолбеневаю!.. Сказать, что она красива – значит не сказать ничего!.. Белая атласная блузка с пышными кружевами, темно-синий жакет и такая же юбка – все это вкупе с ее медно-рыжими волосами, убранными в замысловатую прическу, моментально вогнало меня в ступор. А лицо!.. А глаза!.. От моего немого изумления она слегка краснеет, но в лукавом взгляде такие чертики пляшут!!!

– Дарья Александровна! Вы... настолько восхитительны, что... Я даже

не знаю, какими словами можно выразить... – тут я окончательно путаюсь в великом и могучем русском языке.

– Пойдемте, нас уже хозяин ждет, – довольно улыбаясь, она с истинно кошачьей грацией направляется к столику возле «голландки», источающей мягкое тепло.

Оставив шинель с шашкой в гардеробе, застегиваю ремень с кобурой, оправляю китель и присоединяюсь к ней. Кондитер уже стоит возле столика.

– Чем вы нас угостите, уважаемый?

– Для такой прекрасной дамы, как ваша спутница, старый Лейба может порекомендовать только самые изысканные угощения! – Заметно, что и он потрясен Дашиной красотой. – Я осмелюсь предложить вам свежайшие эклеры, приготовленные за полчаса до вашего прихода, есть также пирожные «Мадлен» и «Макарон». Если пожелаете, можете обратить свое внимание на очень вкусные трюфели, и, конечно же, я сварю вам кофе по своему фирменному рецепту! Такой кофе, как варит старый Лейба, не варит никто! Я делаю это вот уже тридцать лет, и за это время ни один человек не сказал, что мой кофе ему не понравился! Подождите несколько минут, и вы в этом сами убедитесь! – с этими словами он понесся со всей возможной для него скоростью за буфетную стойку.

– Денис Анатольевич, признайтесь, вы меня разыграли. Обещали мне знакомство с таинственным героем, а кондитерская пуста, кроме нас здесь никого нет.

– Это знакомство сейчас произойдет, только прошу, закройте глаза и не открывайте, пока не скажу.

– Хорошо, я закрою глаза, но не обещаю, что не буду подглядывать...

Я с таинственным видом достаю из кармана фигурку маленького самурая, поправляю на нем мечи и ставлю на стол перед Дашей.

– Все, можете открыть глаза, Дарья Александровна!

Самые красивые глаза в мире открываются, видят куколку и распахиваются еще шире в восхищении:

– Боже, какой красивый! Это кто – японец? Какая прелесть!

– Знакомьтесь, отныне это – ваш преданный слуга и защитник, японский самурай, которого зовут... Денио Гуро. Отныне его жизнь принадлежит вам и единственная задача в этом мире – защитить вас от любой опасности и неприятности, какими бы они не были. Сейчас он принесет клятву верности, и освободить его от этой клятвы сможете только вы или смерть. Ты клянешься, Денио Гуро, защищать госпожу, не щадя своей жизни?

Наклоняю куклу в почти традиционном японском поклоне и отвечаю за нее: «Хай!»

Даша медленно берет фигурку в руки и смотрит на меня каким-то новым, глубоким, серьезным взглядом.

– Денио Гуро... А почему самурай? Они лучшие воины, чем наши богатыри, например?

– Нет, самураи, как и богатыри, были кастой профессиональных военных. В наше время их бы назвали нетитулованными или служилыми дворянами. Они с детства воспитывались как воины, готовые умереть в любой момент. Самурай скорее сделал бы сеппуку, чем нарушил свою клятву или кодекс Буси-до, в котором, кстати, сказано: «Если самурай стоит перед выбором: жить или умереть, то он должен выбрать смерть».

– У каждой клятвы есть две стороны. Я тоже клянусь, что буду любить и оберегать тебя, мой отважный рыцарь! – Даша обращается к кукольному самураю, затем задает вопрос мне. – А что такое «сеппуку»?

Видя, что к нашему столику уже спешит Лейба с подносом, на котором «дымится» небольшой кофейник и стоят две маленькие чашечки, я вынужден поторопиться с ответом:

– Сеппуку – это особая форма ритуального самоубийства... Подробнее могу рассказать на обратном пути. А сейчас мы будем пробовать самый лучший в мире кофе самого лучшего в мире кондитера...

– Я таки вижу, что вы не успели даже соскучиться, как я успел сварить кофе. – Кондитер аккуратно расставил на столе чашечки с блюдцами и кофейник. – И еще раз не успеете соскучиться, как будете пробовать вкусные пирожные, – он опять убежал, но через минуту появился у стола с большой тарелкой разных вкусов. – Таки пробуйте все, чтобы потом помнить, где вы получали такое удовольствие. Особенно порекомендую эклеры, таки я не зря предчувствовал, что сегодня будут в гостях такие хорошие люди... Не буду мешать, если я понадобится, вы только подумайте, и я таки сразу буду здесь...

– Денис Анатольевич, а вы подробно знаете японские обычаи? Расскажите что-нибудь...

– Боюсь, что не так уж и много. И в основном про японских воинов – самураев, ниндзя...

– Про самураев я уже немного от вас услышала, а кто такие ниндзя?

– Правильно называть их «ниндзя». На русский язык «нин» переводится как «красться, скрываться», слово «ниндзя» еще часто переводится, как «скрывающий личность». Это – профессиональные шпионы и диверсанты, отлично организованные и обученные. Никто в

мире не может с ними сравниться.

А самураи – это каста воинов, по аналогии с Европой это – рыцарское сословие, но есть и отличия. Если рыцари в своем большинстве хорошо умели только воевать, то настоящий самурай должен был разбираться в буддийской философии, живописи, музыке и поэзии. Особым шиком считалось сочинять стихи-хайку, в трех строчках порой заключался огромный смысл: и жизненный, и философский.

– А вы можете что-нибудь прочесть, господин самурай? – Даша насмешливо прищуривается.

– А могу, слушайте:

Над вишней в цвету
Спряталась за облака
Скромница луна.

Или вот еще:

«Осень пришла!» —
Шепчет холодный ветер
У окна спальни.

– Как здорово! Несколько слов, а нарисована целая картина!.. А чьи стихи вы читали на посиделках? Стиль не японский, а смысл... Тоже несколькими строчками создан целый мир ощущений... Кто их автор?

– Я их вычитал в каком-то литературном альманахе и не запомнил автора... – Да простит меня Мария Семенова, но она напишет своего «ВОЛКОДАВА» только в девяностые. А как я сейчас объясню это Даше?

– Но запомнили стихи...

– Такие стихи стоит запомнить, они сразу на душу ложатся.

– Почитайте, пожалуйста, еще, если помните. – Подперев ладошкой щеку, моя собеседница готовится слушать.

– С удовольствием, слушайте...

Из-за пазухи вынув щенка-сироту,
Обратился Хозяин со словом к коту:
«Вот что, серый! На время забудь про мышей,
Позаботиться надобно о малыше.

Будешь дядькой кутёнку, пока подрастет».
«Мур-мур-мяу!» – согласно отвечал кот
И тотчас озадачился множеством дел —
Обогрел, и утешил, и песенку спел.
А потом о науках пошёл разговор:
Как из блюдечка пить, как проситься во двор,
Как гонять петуха и сварливых гусей.
Время быстро бежало для новых друзей.
За весною весна, за метелью метель.
Вместо плаксы-щенка стал красавец кобель.
И, всему отведя в этой жизни черёд,
Под садовым кустом упокоился кот...
Долго гладил Хозяин притихшего пса,
А потом произнёс, поглядев в небеса:
«Все мы смертны, лохматый, но знай, что душа
Очень скоро в другого войдёт малыша».
Пёс послушал, как будто понять его мог,
И... Под вечер котёнка домой приволок!
Тоже серого! С белым пятном на груди!
Дескать, строго, Хозяин, меня не суди.
Видишь, маленький плачет? Налей молока.
Я же котика дядькой побуду пока.

– Да... Такие стихи стоит запомнить... В них такое... даже не объяснить словами... просто чувствуешь, что прикасаешься к чему-то сокровенному, тайному... Хотя все самое обыденное – кот, пес, хозяин...

– Тут вопрос не в том, кто действующее лицо, а в том, как он воспринимает окружающий его мир. У тех же японцев есть пословица: «Будда в капле воды», в том смысле, что даже капля дождя на листике – это одно из бесконечных проявлений Божественного. Кто-то это видит, а других это оставляет равнодушным.

– Денис Анатольевич, вы говорите так, будто выросли или долго жили в Японии. Я до сих пор ни от кого такого не слышала. Признавайтесь, вы – их шпион... – Даша смотрит на меня смеющимися глазами и лукаво улыбается. До чего же мне нравится ее улыбка!

– Нет, Дарья Александровна, в Японии не жил и шпионом не являюсь, тем более, что они сейчас – наши союзники.

Она вопросительно поднимает брови.

– Мы же с ними десять лет назад воевали. А теперь – союзники?

– Да, тогда были причины для войны, а теперь Германия мешает японцам на Дальнем Востоке, поэтому Япония объявила ей войну и снабжает нас своим оружием. А то, что я рассказываю – у одного моего товарища, с которым вместе учились, отец – достаточно известный доктор, к нему в гости приезжали японские врачи. Они и рассказывали нам обо всем этом.

– А про самураев тоже они рассказывали?

– Да, и не только рассказывали, но и учили разным приемам борьбы. Представьте, пожилой японец, ростом мне по плечо, и два русских увальня, которые пытаются его схватить... и летят в разные стороны. Он потом и учил правильно драться, а до этого – правильно двигаться, дышать... И рассказывал нам о Стране Восходящего Солнца. Он сам – из знатного самурайского рода, после наступления эпохи Мэйдзи стал врачом, другие самураи становились чиновниками, инженерами, промышленниками, но обычаи своих предков не забыли.

– А до этого они только и делали, что воевали друг с другом?

– И да, и нет. У них был обычай «поединка на перекрестке дорог», так же впрочем, как и у викингов, и поединок этот заканчивался смертью одного из дерущихся, но и воспитывали их в духе того, что лучший бой – это тот, который можно предотвратить. Если хотите, я расскажу две легенды...

– Конечно, расскажите, профессор, я вся – внимание! – Опять эти смеющиеся глаза, и опять я тону в них.

– Хорошо, мадемуазель, слушайте внимательно, а то получите неудовлетворительную оценку! Первая легенда – о знаменитом мастере фехтования Миямото Мусаси. Однажды, путешествуя, он зашел на постоялый двор. Усевшись в углу, он положил рядом меч и заказал обед. А вскоре в дом ввалилась подозрительная компания. Все были увешаны оружием и выглядели разбойниками. Присмотрев великолепный меч посетителя, бродяги принялись шептаться и угрожающе поглядывать на мастера. Тогда Мусаси спокойно взял палочки для еды и четырьмя уверенными движениями поймал четырех летавших над столом мух. Бродяги, видевшие эту сцену, стали пятиться к дверям, отвешивая низкие поклоны... Мастер не стал никого убивать и калечить, ему достаточно было вот такого предупреждения.

Вторая легенда – о двух знаменитых кузнецах-оружейниках, кстати, они тоже были самураями. Их звали Мурамаса и Масаmunэ. Для того чтобы сравнить их мечи, оба клинка воткнули в дно ручья. Плывущие по течению

листья, которые прикасались к мечу Мурамаса, оказывались рассеченными на две части. Когда же листья приближались к мечу Масамунэ, они огибали лезвие и уплывали невредимыми. Этот случай и послужил основой идеи меча в двух его ипостасях – меч разящий и меч предотвращающий... А я заболтал вас. Кофе уже остыл, и тарелка с пирожными еще полная.

– Вы что, хотите, чтобы я всё это съела?! – с деланным возмущением восклицает Даша. – Я же тогда растолстею, буду неповоротливой гусыней! Вы этого хотите, милостивый государь?!

– Нет, нет, что вы, сударыня! У меня и в мыслях подобного не было! – Приходится шутливо испугаться.

– Тогда, чтобы заслужить мое всемилостивейшее прощение, попросите хозяина сварить еще кофе. У него такой замечательный вкус и аромат, я еще ни разу такого не пробовала.

Едва я подхожу к стойке, как кондитер меня опережает:

– Таки еще кофе? Будет готов почти моментально...

– Хозяин, а можете открыть страшную коммерческую тайну? Я имею в виду рецепт. Этой молодой даме напиток очень понравился, она сказала, что в жизни не пила ничего подобного.

– Таки я больше чем уверен в двух вещах. – Лейба хитро смотрит на меня. – Во-первых, что господин офицер с дамой не пойдут кричать на всех перекрестках за мой рецепт, а во-вторых, что ваша дама приготовит кофе по моему рецепту не хуже меня и господин офицер таки сможет в этом скоро убедиться. А сейчас я уже несу кофе.

...Мы потихоньку пили терпкий ароматный напиток, Даша заставила меня «в отместку» съесть пару «Макарон».

– Чтобы у вас, Дарья Александровна, не сложилось мнение, что я – чокнутый профессор-японовед, хотите сказочный анекдот о русско-германской войне? – Дождавшись утвердительного кивка, продолжаю (будем привязывать анекдотный эпос к здешним реалиям, а что делать?): – Барон фон дер Пшик и Илья Муромец решили драться на дуэли. Вышли в чисто поле, барон подходит к Илье и рисует ему мелом на кольчуге крестик.

– Это еще что? – спрашивает Илья.

– Это то место, куда я попаду своей шпагой! – отвечает немец.

Илья поворачивается к секундантам и вежливо просит:

– Братцы, посыпьте его мелом и дайте мне мою булаву!

Даша громко смеется, а кондитер, тоже слышавший анекдот, чуть не роняет поднос из рук.

– Таки у господина офицера очень смешные шутки, старый Лейба чуть не упал, когда это услышал.

Мы продолжали смаковать чудесный ароматный кофе. Не знаю, как другие, а я такой шедевр пробовал первый раз в жизни. Всякие «Нескафе», которые считались пределом мечтаний там, в начале двухтысячных, и рядом не стояли. Кондитерская стала потихоньку наполняться посетителями. Среди них появился какой-то субъект очень самодовольного вида, который, усевшись за столик, стал буквально сверлить нас взглядом. Точнее, на меня он особого внимания не обратил, а вот Дашу буквально «фотографировал». Она почувствовала этот взгляд и поежилась, как от холода.

– Дарья Александровна, мне кажется, вот тот господин слишком пристально смотрит на вас...

– Да, он заведует снабжением госпиталей и лазаретов лекарствами и прочим имуществом. Был у нас несколько раз, решал какие-то вопросы с Михаилом Николаевичем. Наверное, узнал меня...

Внутри меня всепоглощающим пожаром вспыхивает ярость. Никто не имеет права смотреть на Дашу таким липким, обволакивающим взглядом!.. Дальше все получается как-то само собой. Дождавшись, когда он кинет быстрый взгляд на меня, я смотрю ему прямо в глаза и мысленно представляю, как со всей дури бью ему в переносицу. И в этот момент чувствую, как во взгляде выплескивается вся накопленная злость... Господин снабженец вздрагивает, как от настоящего удара, и быстро отводит взгляд, а я обращаюсь к своей спутнице:

– Сударыня, мы еще будем «пити и ести»?

– Нет, Денис Анатольевич, спасибо! Давайте уже будем собираться.

Подошедший кондитер выслушивает нашу благодарность, берет причитающуюся плату и обращается к Даше:

– Старый Лейба таки слышал, что молодая дама очень любит кофе и ей очень понравился сегодняшний напиток. Осмелюсь предложить вот это. – С этими словами он протягивает Даше небольшую коробочку. – Там лежит написанный рецепт и немного составляющих для его приготовления. Если молодая дама будет довольна напитком, она всегда может найти все, что нужно для его приготовления, в этой кондитерской. Я таки буду только рад, если молодая дама и господин офицер будут заходить в заведение старого Лейбы.

Мы одеваемся, прощаемся с кондитером и выходим на улицу. Солнце уже садится за горизонт, но идти не особенно далеко, поэтому мы, не торопясь, гуляем по тихим улочкам, пока они не приводят нас в госпиталь. Я провожаю Дашу до «женской» половины. Перед дверями она поворачивается:

– Большое спасибо, Денис Анатольевич, за сегодняшний вечер...

Затем встав на цыпочки, тихонько целует меня в щеку... Потом проводит ладошкой по руке и повторяет:

– Большое спасибо...

Даша идет к себе в комнату, а моя окрыленная тушка, слегка помахивая этими самыми внезапно выросшими крылышками, летит в палату... где на все вопросы Дольского выдает интернациональный ответ: «No comments!», и с улыбкой от уха до уха валится на койку, погружаясь в мечты и фантазии...

Глава 10

На следующий день состоялся достаточно интересный разговор с Алексом и Юстасом – так для себя я окрестил господ разведчиков. Алексом был Дольский, а Юстасом – соответственно капитан Бойко. Я решил не размазывать кашу по тарелке, а сразу определиться:

– В чем будут заключаться мои обязанности? Что я должен буду делать, Валерий Антонович?

– Я не могу сказать вам ничего определенного, пока вы не дали согласие на работу в разведотделе, Денис Анатольевич. – Капитан, хитро прищурившись, смотрит на меня.

– Хорошо, в присутствии поручика Дольского официально заявляю, что согласен служить под вашим началом.

Бойко утвердительно кивает, потом на секунду задумывается и отвечает на вопрос:

– Ваши обязанности пока еще не определены до конца. Скорее всего, это будет сбор данных о германцах, координация разведки с казаками и охотничьими командами. Выздоровливайте, собирайтесь с силами и после выписки из госпиталя будем думать, как вас лучше использовать.

– Валерий Антонович, мои соображения и мысли будут учитываться?

– Конечно же, никто не будет требовать от вас бездумных действий.

– А вам сейчас интересно выслушать мои соображения?

После утвердительного ответа я начинаю рассказывать о том, как по моему мнению стоит организовать прифронтовую разведку. И не только...

– Кто сейчас ходит в разведку за линию фронта? И с какой целью? Отдельные охотники от разных подразделений и только посмотреть на то, кто где из германцев стоит и чем занимаются, на крайний случай «языка» приволочь, так? Или казаки в набег уходят.

– Ну, в целом, вы правы. Да.

– А если этим будут заниматься специально обученные люди, сведенные в одно подразделение? Можно было бы сделать это на базе казаков, но, насколько я понимаю, мы для них – чужаки. И не всегда казачьи группы отличаются терпением и высокой дисциплинированностью.

– А откуда вам это известно, Денис Анатольевич? – Это уже поручик проявляет интерес к разговору. – Вы с ними за линию фронта ходили? И сколько раз?

– За линию фронта не ходил, все рассуждения на основе обычной

логики. Пока то, что они делают, соответствует их подготовке. Но в случае, если круг задач расширяется...

– А что по-вашему можно еще делать там? – Капитан оценивающе смотрит на меня, ожидая ответа.

– Там, Валерий Антонович, можно еще диверсии проводить, например, в нужный момент перерезать железную дорогу, чтобы не позволить перекинуть подкрепления, продовольствие или боеприпасы, или устроить засаду, наподобие той, что вы рассказывали, или скрытно сосредоточить несколько пулеметов в тылу или на флангах противника и в нужный момент нанести шоковый удар. Есть еще несколько задумок...

– Интересные мысли высказываете, господин прапорщик, продолжайте, пожалуйста.

– И я думаю, что такое подразделение нужно сделать на основе учебной полковой или пулеметной команды...

Все, минута на размышления пошла, как в «Поле чудес». Капитан задумывается так, что забывает про папиросу, а поручик, удивленно подняв брови, смотрит на меня, потом спрашивает:

– Денис Анатольевич, а как вы представляете себе проход за линию фронта?

– Скрытно, в ночное время, после тщательной разведки места перехода. Как-то вот так...

– А почему учебная команда? – снова вписывается в разговор Бойко. – Чем это обусловлено?

– Во-первых, нужно место постоянной дислокации со стрельбищем и учебным городком...

– Позвольте, что такое «учебный городок»?

Черт, я и забыл, что тут до этого еще не дошли!..

– Учебный городок – это место, где можно отрабатывать какие-либо действия небольших групп либо по отдельным вводным, либо в целом. Допустим, мы хотим натренировать группу на переход линии фронта. Отдельно отрабатываем переползание по-пластунски, отдельно – проход в проволочных заграждениях, действия во вражеских окопах, в том числе и снятие часового, и взятие языка, да и многое другое. А еще нужна полоса препятствий...

Да, Остапа понесло! Капитан смотрит на меня очень внимательным и немного удивленным взглядом. Как учитель, которому ученик первого класса начинает доказывать, что Земля – круглая.

– Денис Анатольевич, а где это вы таких идей нахватались?

Ну и что ему отвечать? В НФП и учебнике по тактике? Издания одна

тысяча девятьсот какого-то года?..

– В своей контуженной голове, Валерий Антонович, исключительно там. Да и посмотреть, как наши солдаты в атаку поднимаются, – всякие мысли в голову приходят, в основном нецензурные. Вот вы когда-нибудь борцовскую схватку видели? Представьте, что на ковер к опытному борцу выпускают мальчишку, которому вчера показали два приема. Каков будет итог?.. А если этого мальчишку потренировать отдельно, да дать побороться с равными, да пусть наберется опыта, тогда и итог схватки будет уже под вопросом.

– Все это так, конечно, только вот времени тренироваться у нас особо нет. Это надо было сделать сразу после 1905 года, да не до того было. Сначала нам япошки накостиляли, потом свои же россияне добавили – помоями обливали с ног до головы.

А вот это – шанс выкрутиться!..

– Вот тогда в гимназии и начал думать иногда об этом, хотя к военной карьере и не готовился. Вы знаете, господа, каждому, наверное, в отрочестве свойственно находить себе кумира из носящих такое же имя. Ну, а поскольку меня окрестили Денисом, то мимо личности полковника Давыдова, лихого рубаки двенадцатого года, никак пройти было невозможно. Стихи его обожаю с детства, многие знаю наизусть. Про его подвиги тоже слышан, мемуары Дениса Васильевича читать доводилось. Потом, во время боев и сидения в окопах, начал думать, а как бы мог поступить мой юношеский кумир в этих условиях. Вот и додумался...

И, так понимаю, что если воевать, то по-настоящему... А насчет времени – можно обучить пятерых, каждый из которых потом обучит еще пятерку, и так далее. Только надо делать это в одном постоянном месте, чтобы и контроль был, и информация не разносилась. И еще, подчинены они должны быть штабу армии, нельзя распылять их по дивизиям и полкам. А вот разведку будут вести в интересах этих самых полков и дивизий по договоренности с начальством.

– ...У нас при штабе есть казачья конвойная сотня, добровольцев можно попытаться найти там, да и учебная команда неподалеку имеется. Пока вы в госпитале, напишите что-то вроде докладной записки, я ее покажу командующему, думаю, он согласится...

Глава 11

До конца отпуска еще неделя, хотя чувствую себя очень даже неплохо. Но Михаил Николаевич – перестраховщик известный, поэтому неделю придется «позагорать» в палате. Хотя, честно говоря, я этим совсем не огорчен. Потому, что еще целых семь дней буду видеть Дарью Александровну. Раненые потихоньку прибывают, каждые два дня госпитальный обоз уходит забирать их по лазаретам. Старшим обоза ездит либо один из фельдшеров, либо кто-то из сестер милосердия. Дашу пока за ранеными не посылают. Во-первых, она у Михаила Николаевича – одна из лучших операционных сестер, а во-вторых, мне кажется, что наш доктор хитро дежурства и поездки назначает, уж больно подозрительно он улыбается, когда меня с ней видит...

Так, что-то я отвлекся от темы. А потому что – Даша. Потому что приятно видеть ее, говорить с ней, думать о ней... Всё, мысли с грифом «Личное» пока в сторону, а то так докладную капитану Бойко не напишу. Он завтра-послезавтра выписывается, швы с уха уже сняли, а сочинение о пакостях супостату желательно до отъезда отдать. Тогда, наверное, все быстрее завертится.

Итак, что мы имеем? Первое – цели и задачи, второе – способы и методы, как эти задачи решать и целей добиваться. Ну, и третье – силы и средства, которыми это все будет делаться.

Цель у нас одна – нанесение максимального ущерба германским войскам путем проведения различных диверсий и получение информации от «языков» и местных жителей, а также визуальным наблюдением. Хотя местным, скорее всего, можно будет доверять только процентов на десять, не более. «Языков» добывать будем сами, но надо еще обеспечить обмен информацией с другими разведчиками, с теми же казаками, например.

К диверсиям отнесем засады на дорогах на колонны снабжения, налеты на важные объекты типа складов с боеприпасами и т. д. Надо подумать о «рельсовой войне», только узнать сначала, кто водит составы: наши или немчура. Сюда же добавим подрыв мостов, только надо продумать, чем и кто этим будет заниматься. Я – ни разу не подрывник, казачки – тоже. Значит, надо брать минеров-саперов и гонять их вместе со всеми.

Далее, способы. По засадам все более-менее понятно: обездвиживаем голову и хвост колонны, будь то автомобили или повозки, а потом то, что в

середине – тоже к ногтю. Если сил хватит. А чтобы хватило, нужно побольше гранат, и патронов побольше. Короче, всего побольше, сразу и желательно – бесплатно. А бесплатно у нас что может быть? Правильно, трофеи. Значит, вооружаться будем девяносто восьмью маузерами, тогда и с боекомплектom будет полегче. Будем одалживать у кайзерзольдат, отдадим по частям: пули – отдельно, гильзы – пусть сами собирают, если будет кому. Ну, это я уже в пункт 3 залез, замечтался. А замечтался потому, что сижу на скамеечке возле корпуса, солнышко пригревает, тетрадка на коленях, карандашик в руках... А мимо очень знакомая «медсестричка» пробежала. Увидела меня и улыбнулась. Так хорошо улыбнулась, что опять все мысли из головы как ветром выдуло. Улыбнулся в ответ. Она уже далеко, а я все вслед улыбаюсь, на мартовском солнышке греюсь. А, ну да, март же на дворе, самый кошачий месяц! Мяу! Мур-р!

Так, все, продолжаем работать. К винтовкам мне бы пулеметы добавить, но пока знаю только о ручных «гочкисах» и «мадсенах». Надо найти пулеметчиков и расспросить, что из этого лучше. Из «Белого солнца пустыни» помню еще «льюис», но про него никто вроде пока не слышал. Елки-палки, опять я на «силы и средства» перепрыгнул. Вот что весна-то с контужеными делает!

Так, про диверсии подумали, теперь – про разведку. Как уже говорил, информацию получать от «языков», и своих, и чужих, чтобы все данные в разведотделе собирались. И на карту наносились. И все-таки попытаться поработать с населением. Вроде бы у Валерия Антоновича должен быть какой-то денежный фонд на это дело. Надо с ним решать этот вопрос.

От местных требуются две вещи: наблюдение за немцами, в смысле – кто, куда, когда, и – приютить группу на ночь. Но с этим надо очень осторожно, Польша как-никак. Короче, пока в теории, детали прорабатывать будем позже. А еще нужно узнать у Бойко, где тут летуны стоят. Видел пару раз какую-то «стрекозу» в небе – это тоже источник информации.

И последнее, чуть не забыл! Валерий Антонович сказал, что немцы себя неправильно ведут по отношению к раненым, пленным и гражданским. Попытки, издевательства, мародерство, реквизиции и все такое. Вроде бы при Ставке даже комиссия специальная создана, все это расследовать. Надо у Бойко уточнить и, если это правда, – устроить им адекватный ответ по полной. Вроде как помню, во время Великой Отечественной Иосиф Виссарионович приказал не брать в плен солдат того немецкого полка, что Зою Космодемьянскую повесили. Надо это взять на вооружение. И обязательно оповещать «гансов», что из-за одного или

нескольких уродов рано или поздно пострадают все. И по фактам несколько «показательных процессов» устроить. Чтобы помнили – кто с мечом к нам придет, от дубины и погибнет. В виде отбивной обратно в свой фатерлянд поедет... Что-то я развоевался... Идем дальше, – тот самый пункт 3: «Силы и средства». Силы – это:

- добровольцы из казаков, у них есть хорошие практические навыки;
- добровольцы из других войск, особенно саперы и пулеметчики;
- добровольцы вообще, но физически подготовленные и, желательно, грамотные.

Потому что предстоит нам и марш-броски бегать, и на полосе препятствий страдать, и на стрельбище воевать, и подрывное дело, хотя бы в азах, изучать. А еще тактическое поле нужно.

Основная единица – группа: командир, пара пластунов, пара стрелков, если повезет, меняем их на пулеметный расчет, и сапер, он же минер. Должности могут и должны совмещаться. Хорошо, если следопыты-охотники попадутся. Бойко говорил о конвойной сотне – это где-то сто – сто двадцать человек. Взять оттуда пять добровольцев, будет первая группа. Поднаберутся опыта, набираем еще по четыре-пять бойцов на каждого. В свободное время пусть учат, в том числе и личным примером.

И надо продумать материально-техническое обеспечение. То бишь кухню, баню, прачечную и т. д. Я солдат послушал, чуть в осадок не выпал. Баня – раз в две недели, стирает каждый сам себе самостоятельно... Про продукты – вообще «Ужас, летящий на крыльях ночи». На завтрак – ржаной хлеб и чай, если солдат сам его купит. А если нет, то кипяточком обходятся. Обед – щи и каша. Ужин – то, что от завтрака и обеда останется. Про овощи – даже не слышал. И как с такой кормежкой полную нагрузку давать? Ладно, это тоже с Валерием Антоновичем обговаривать будем.

Теперь – последнее: средства. Про карабины и гранаты уже говорил, помимо этого нужен короткоствол для ближнего боя, то бишь пистолеты или револьверы. А еще нужны ножи, лопатки, «сбруя». Насчет последней – надо думать: сколько чего в нее впихнуть и где все это разместить.

Да, чуть не забыл. Пора изобретать «коктейль Молотова» и, если получится, напалм. И поэкспериментировать с ним. А еще было бы неплохо иметь камуфляжи и лохматки, бинокли... и губозакатывающий комбайн в придачу. А вот что еще забыл, у немцев нужно усиленно искать снайперов. И отбирать у них их игрушки. Нам они самим ой как пригодятся...

Все, мысли кончились. А кончились потому, что «медсестричка» Дарья Александровна обратно идет и опять улыбается... Сейчас точно кошачью

серенаду петь буду!.. М-р-р!!! М-я-я-у-у!!!

...Ну, вот и написали «шедевр». Теперь можно идти переписывать набело и отдавать... СТОЯТЬ!!!!.. Какое «отдавать»!.. Слоник КМБэшный!.. Ворона брезентовая!.. Конь педальный!.. В каком месте мозги живут?!.. Сейчас бы переписал и отдал... С орфографией конца XX века!.. И как мне сейчас все эти «яти» и «еры» писать?.. Стоп, кажется, знаю, кто мне может помочь!.. Зовем Дениса Первого!

«Прапорщик Гуров, подъем! ... Денис, откликнись!»

«Что тебе еще от меня нужно?»

«Тут такое дело... Короче, мне нужно написать одну бумагу... По всем правилам вашего правописания».

«И ты хочешь, чтобы я тебе помогал после того, как ты меня загнал в самый дальний уголок мозга? Отнесся ко мне хуже, чем к бродячей собаке?»

«А ничего, что ты меня чуть не убил?!»

«Я просто хотел сам уйти...»

«Ага, и меня за собой потащил. В общем, я тут придумал кое-что... Когда напишем, поймешь, что если все получится, у тебя шансов уйти будет более чем достаточно. Поможешь?»

«Ну... Хорошо... Кстати, а Дарья Александровна очень недурна собой».

«Ну, ты тут мне еще конкуренцию составлять будешь!..»

Глава 12

Все хорошее когда-нибудь кончается. И обычно гораздо чаще и быстрее, чем плохое... Позавчера утром Михаил Николаевич провел последний осмотр и официально заявил, что я годен к службе и могу катиться под пули и взрывы, если не дорожу своей молодой драгоценной жизнью. Еще сказал, что Бойко прислал бумагу, по которой мне надлежало явиться в штаб армии для дальнейшего прохождения службы...

На дворе – весна, солнце светит вовсю, скоро уже зелень молодая пробиваться будет... А на душе – поздняя осень. Низкое свинцовое небо, противный моросящий дождь. И кошки скребут. Всеми четырьмя лапами... Потому что сегодня в последний раз увижу Дашу... Пока лежал в госпитале, привык к тому, что ОНА всегда рядом, что можно быть счастливым от того, что увидел ЕЁ, поговорил с НЕЙ...

Вчера было наше второе и прощальное свидание. Мы снова сходили в город, в «нашу» кондитерскую. Лейба принял нас как самых дорогих гостей, но весело не было. Не помогли даже свежайшие вкусняшки и кофе, заваренный хозяином по фирменному рецепту. Ел сладкое, а во рту ощущалась горечь. Даша была молчалива, серьезна и немного рассеянна...

Когда подошел к буфетной стойке, Лейба осторожно спросил:

– Таки у меня что-то со зрением, или у господина офицера и молодой дамы плохое настроение?

– Вы правы. Настроение – хуже некуда... Завтра выписывают из госпиталя, и я уезжаю...

Лейба наклонил голову, мол, понимаю, помолчал и вдруг спросил:

– Могу я сделать один маленький подарок господину офицеру и молодой даме? Это займет совсем немного времени...

Он открыл дверь на кухню и что-то крикнул на идиш. Тотчас же появился мелкий чернявый поваренок, которому была дана инструкция на том же языке. Поваренок метнулся на выход, а я подошел к столику и сел напротив Даши.

– Денис, можно я буду называть вас так? И вы называйте меня – Даша. Денис, скажите, то место, где вы будете служить, далеко отсюда?

– Нет, недалеко... И при любой возможности я буду приезжать, чтобы увидеть вас... Если вы это позволите...

Я взял Дашину руку, медленно поднес к губам и поцеловал... Ее рука дрогнула, но осталась в моей, и мы сидели и молча смотрели друг другу в

глаза... Раздался стук входной двери. Повернув голову, увидел вошедших еврейских юношу и девушку лет четырнадцати. Поздоровавшись, парень достал из футляра, который принес с собой, скрипку, приложил к плечу и поднес смычок. А девчушка запела... Она пела на своем языке, слова были непонятны, но звонкий голос, поддержанный скрипкой, завораживал и околдовывал. Мелодия была грустной, но одновременно в ней была слышна светлая печаль и обещание чего-то хорошего...

«...И не важно, что дорога длинна и тяжела, что над головой черные тучи, что дождь промочил тебя до последней нитки, а ветер норовит сбить с ног... Если ты знаешь, куда идти, если тебя там ждет та, которую ты любишь и которой ты дорог, ты дойдешь, ты обязательно найдешь свой путь в самой непроглядной тьме, ты преодолеешь все трудности и невзгоды. Ты дойдешь, и на пороге дома наградой будет тебе счастливое сияние любимых глаз...»

Даша смотрела на меня не отрываясь, по ее щекам катились две маленькие слезинки, а в глазах была и грусть, и обещание новой встречи... и что-то, что я не мог еще понять... Понимал только, что теперь все будет хорошо. И у меня, и у нее... Точнее – у НАС...

Девочка закончила петь, а скрипач все еще продолжал мелодию. Он импровизировал, скрипка перестала плакать, мелодия превратилась из грустно-печальной в светло-торжественную... Последний звук затих, в кондитерской стояла мертвая тишина...

– Денис, я буду ждать вас... И молиться за вас... Только вы возвращайтесь...

...И сейчас я стою на пороге госпитального корпуса, все вещи были давно собраны и уложены в вещмешок, уже попрощался с Дольским, с Михаилом Николаевичем, который в очередной раз прочитал нотацию о сохранении здоровья... Не было видно только Даши. Спрашивать, где она, не решался, поэтому стою возле крыльца и пытаюсь прикурить очередную папиросу. Да что за дрянь, эти спички!.. Вместо того, чтобы зажигаться, только ломаются...

Проходившая мимо «медсестра» из старших, внимательно посмотрев на меня, подходит и негромко говорит:

– Прапорщик, не уходите... Ждите здесь...

Проходит целая вечность, мимо меня снуют санитары, таская носилки с вновь прибывшими ранеными, переругиваются возницы, царит обычная для госпиталя суэта. Всё, пора... Бросаю окурочек в бочку с водой и делаю несколько шагов в сторону выхода... И непроизвольно оборачиваюсь... Даша с чуть-чуть растрепавшейся прической, с припухшими глазами

сбегает с крыльца.

– Денис... Я вас провожу немножко... Хорошо?

Она берет меня под руку, и мы медленно идем к выходу, провожаемые множеством взглядов, которые явственно ощущаются спиной. Даша идет молча, сосредоточенно глядя под ноги. Я не могу выдавить из себя ни одного слова, язык словно прилип к гортани. Мы проходим уже метров сто, когда Даша останавливается и смотрит мне в глаза.

– Я не хочу, чтобы вы уезжали... Будь проклята эта война... Я знаю, что ваш долг – быть там... Очень вас прошу – оставайтесь в живых... И возвращайтесь!.. Вы подарили мне защитника, я тоже хочу сделать вам подарок. – Она протягивает мне небольшой сверток. – Только откройте его, когда будете уже в пути...

– Спасибо. – Мой голос звучит сипло и надтреснуто. – Я обязательно останусь в живых и обязательно вернусь... вернусь к вам, Даша... Потому, что вы теперь – смысл всей моей жизни...

Я хочу взять ее руку, но она порывисто обнимает меня... Потом поворачивается и медленно идет обратно. В глазах темнеет, я кидаюсь за ней...

– Даша!.. Дашенька!.. Я хотел вам сказать... Я люблю вас, Даша!..

Она проводит прохладной рукой по моей щеке, обнимает за шею, и наши губы встречаются... И не расстаются долго-долго... Затем Даша делает шаг назад, осеняет меня крестом и совсем тихонько произносит:

– Иди, Денис...

...Я отхожу на пару десятков метров, оборачиваюсь и смотрю на удаляющуюся тоненькую фигурку, пока она не исчезает в воротах госпиталя. Потом медленно разворачиваю сверточек, подаренный мне на прощание... Внутри лежит куколка в форме сестры милосердия, очень похожая на Дашу... Та самая куколка, которую я не успел купить в магазине Аарона...

А вкус поцелуя я чувствовал всю дорогу...

Глава 13

В штаб армии я попал уже ближе к вечеру. У ворот меня тормознул часовой и, осведомившись о причине появления, вызвал унтера, который проводил к дежурному. Улучив момент, представился поручику, «воевавшему» сразу по трем телефонам, и предъявил предписание, которое капитан Бойко оставил в госпитале. Самого Валерия Антоновича на месте не оказалось, но дежурный сказал, что тот обязательно должен вернуться к вечернему совещанию, и попросил подождать во дворе. Ну, что ж, солдат спит, а служба идет.

Устроился на скамейке, видимо, специально поставленной для посетителей, и стал наблюдать за тяжелой боевой службой штабных. Ну, если не ёрничать, все бегали как наскипидаренные. Штаб напоминал большой муравейник, только муравьи в нем были цвета «хаки». Все куда-то спешили, несли бумаги, отдавали распоряжения... Спокойными были только радист в своем фургоне, охраняемый отдельным часовым, и казаки конвойной сотни, сидевшие возле коновязи и разговаривавшие о чем-то своем, станичном. Недалеко от крыльца – водитель, или, как в это время их называли, «шоффер», который открыл капот своего пепелаца и, не торопясь, копался внутри.

Меня вдруг разобрало любопытство: чем отличается сей агрегат, скажем, от «жигуля», и я подошел познакомиться с последними достижениями Автопрома. Водитель сначала подозрительно на меня косился, но, распознав после пары вопросов во мне человека, знакомого с техникой, стал разговорчивей. Мы с ним проболтали довольно долго, пока наконец-то не появился мой новый начальник.

Валерий Антонович прискакал с тройкой казаков, спешился, кинул поводья коноводу, затем, заметив меня, улыбнулся и подошел. Поздоровавшись, мы направились в штаб и зашли в большую комнату без таблички на дверях. Внутри обстановка была почти спартанской. Слева от входа стояла вешалка, рядом с ней – шкаф с филенчатыми дверками. В дальнем глухом углу притаился массивный, скорее всего, несгораемый сейф, рядом на стене висела зашторенная карта. Остальное место занимали три разнокалиберных письменных стола. За одним сидел, закопавшись в бумагах по самую макушку, поручик и что-то быстро чиркал карандашом в толстой тетради, сверяясь со своими многочисленными листками.

– Сегодня все в разгоне, разъехались по делам, один только Петр

Иванович над бумагами корпит. Вечером у командующего совещание, нужно подготовить доклад. Он у нас – человек пунктуальный, неясностей не любит. Я побегу, доложусь о прибытии, а вы, Денис Анатольевич, подождите меня здесь. Да, после совещания будете представлены генералу. Я подал вашу докладную записку и, так как ныне в верхах партизанство в моде, то он хочет поговорить с вами... – с этими словами Бойко устремился в коридор.

– Так это вы – автор нашумевшего сочинения? Рад познакомиться, поручик Ломов, Петр Иванович. Отвечаю за обобщение и анализ поступающей информации.

– Прапорщик Гуров, Денис Анатольевич. Пока что ни за что не отвечаю. Но это ненадолго...

...После вчерашнего разговора с командующим мне был дан карт-бланш на формирование группы из пяти человек и занятия с ними на базе учебной полковой команды. Накануне вечером еле успел встать на все виды довольствия, а сегодня утречком иду к сотнику конвойной сотни – людей выбирать. Вчера, когда сказали, что заберут нескольких казаков, было видно, что он не очень-то и доволен, но противоречить генеральскому приказу не стал. Значит, сейчас будем договариваться. Казаки – они все с гонором, попробуем их разагитировать...

А трудно их агитировать. Сотник собрал всех урядников и объяснил им, что господину прапорщику нужны люди, типа, в разведке служить. Да таким тоном объяснил, что все скептически улыбаются и даже слушать особо не желают. Ладно, зайдем с другой стороны...

– Здравствуйте, станичники. Обращаюсь я к вам по важному делу. Вы, казаки, всегда служили верой и правдой государю и России-матушке. И не раз доказали это своими подвигами. В Отечественную войну двенадцатого года ваших земляков с атаманом Платовым французы больше черта боялись, да и с полковником Денисом Давыдовым они по тылам наполеоновским хорошо так прошлись. И в русско-японскую здорово отличились, и в эту войну земляк ваш, донской казак Козьма Крючков, первым из всей русской армии Георгия получил, в одиночку десяток немцев настрогал. И всегда станичники в самых трудных местах сражались, и ни разу славы своей не посрамили. Потому и пришел к вам, господа казаки. Война у нас теперь другая, немчура, как кроты, в землю зарываться начала. Поэтому и воевать по-другому надо. Добровольцы мне нужны для важного дела – в тыл германский на разведку ходить, в окопах немцев резать, причем тихо и незаметно. Нужны мне четыре человека,

которые хорошо пластунское дело знают, стреляют метко, в рукопашном за себя постоять могут.

– Дозвольте обратиться, вашбродь! Да у нас тут все такие. И за себя постоим, и другим холку намылим, – это старший урядник, кряжистый русобородый детина, прорезался. – Зачем нас еще чему-то учить, сами кого хошь научим, ежели попросят вежливо. Тока мы больше конным боем воюем, казак без коня – не казак, а так...

– Дело говоришь!.. Твоя правда, Еремей!.. – загудели остальные.

– Братцы, а может, Митяева всем миром попросим? Он-то безлошадный ныне!.. На заводной ездит!.. – А вот это уже лучше, процесс пошел. Причем туда, куда надо. Только вот предлагавший как-то уж больно хитро ухмыляется. С каким-то своим очень личным интересом...

– Чем без дела слоняться, так и пойду. Как, сотник, отпустишь? Тока его благородию надо еще три казака, – подает голос один из урядников, крепкого телосложения, но подвижный смуглый брюнет лет тридцати от роду с закрученными вверх усами и большим казацким чубом.

– Ну, ежели по доброму согласию, так и неволить не буду. И хлопцев своих бери – Гриню и Митяя. Да и Андрейку заодно, – сотник выносит окончательное решение.

В общем, взялся один казак, да и то, потому что без коня остался. Но старший урядник Митяев Григорий Михайлович – это теперь первый боец спецназа Российской императорской армии. Хотя спецназ как род войск еще не существует. И официально еще долго не будет существовать. Пока что мы вдвоем – командование отдельного взвода учебной полковой команды. И у нас аж целых три подчиненных. Двое – дальняя родня Михалыча, третий к ним прибилсь. Мне кажется, что Митяев специально вытащил парней, чтобы был какой-то шанс в герои пробиться. Ну, если не выдержат, спишу обратно. А так у них есть стимул, вот пусть и держатся за него обеими руками... Казаки слегка обалдели, когда узнали, что теперь их задача – бегать, ползать, стрелять и еще много чего странного и непонятного. Следующее утро началось с пробежки, небольшой такой, всего километра на три их хватило. Потом продолжилось водными процедурами и завтраком-чаепитием. Кстати, надо с питанием что-то решать. Но сначала доказать свою полезность. Поэтому – учеба, учеба и еще раз учеба.

Рукопашному бою обучены, навыки есть. Когда до этого дошло, пришлось потрудиться, чтобы завалить всех. Все-таки уделал «молодых», но только за счет послезнания. С Михалычем пришлось особенно трудно – опытный чертяка, да и воюет не первый день. Так что разошлись вничью.

Народ был удивлен: откуда знаю «казацкий бой». Да еще с некоторыми странностями. Пришлось многозначительно молчать и отговариваться военной тайной.

С огневой тоже все в порядке, стреляют хорошо, хотя в движении иногда лупят в «молоко». Вот поэтому и отработываем прицеливание «стоя – с колена – лежа – с колена – налево стоя – с колена – лежа – с колена – направо стоя...» и так далее. Показал им «звезду» и «крест» с револьвером – впечатлились. Хотя сам чуть не оконфузился. Оказывается, револьвер стреляет немного по-другому, чем «Макар». Линия прицеливания выше, ствол кидает по-другому. Но из семи выстрелов четыре – в мишенях. Крепкая «тройка». Пока отговорился контузией, но срочно надо запастись патронами и практиковаться.

А еще ползаем по-пластунски (тут уж они меня учат), выпрыгиваем из окопов, кидаем камни – «гранаты», потом снова рукопашка, потом снова действия с оружием – и так до позднего вечера. С перерывом на обед, разумеется. По питанию и обеспечению Бойко решил вопрос с командиром учебной команды, встали к ним на довольствие. Так что война войной, а обед – по распорядку. Вечером – отдых и теория. Разборка, чистка и сборка оружия, рассказываю им об организации засад (то, что нам в свою очередь давал наш молодой «гуру» из Краснодарского училища), Михалыч делится своим опытом, разбираем ситуации прямо на земле... Потом у меня уже индивидуальные занятия. Как-то втянулся я в фехтование, понравилось шашкой махать. То есть Митяев теперь учит меня фланкировке, тем более, вместо утерянной старой шашки драгунского образца, положенной по приказу, обзавелся с его помощью казачьей. Хоть и в нарушение, но по канонам фронтовой моды. А потом мы с ним дополнительно рукопашкой занимаемся. Вечером поздно составляю план на завтра, и спать. Спать – теперь самое любимое мое занятие. И не потому, что – соня, а потому, что каждую ночь мне Даша снится...

Валерий Антонович приезжал сначала каждый день – посмотреть, чем мы тут занимаемся, потом пропал на неделю, а сегодня сюрприз устроил. Приехал не один, а вместе с командующим. А генералы у нас просто так не ездят, они с собой охрану берут. Как раз тех казаков, с которыми я беседовал и которые теперь пренебрежительно ухмылялись, глядя на наше показательное выступление. Как же, деды с батьками их с малолетства учили, а тут какой-то прапорщик вылез... Генерал, однако, проявил интерес к нашим «пируэтам», потом попросил показать, как мы обещанные диверсии устраивать будем. Вот тут я на казачках и оторвался...

– Ваше превосходительство, разрешите вводную озвучить. Вы едете с

конвоем по дороге, справа – лес, кустарник, слева – поле. Задача конвоя – сопроводить вас до конца стрельбища и обратно. Наша задача – условно уничтожить ваш автомобиль и всех пассажиров. Прошу разрядить оружие, чтобы не перестреляли друг друга.

У Бойко аж глаза на лоб полезли, а генерал поворачивается к конвойным:

– Ну, что, казаки, попробуем?

А те – только «за»...

– Нам нужна фора в пять минут, ваше превосходительство...

Уходим в кусты, бежим до изгиба дороги, там автомобиль должен притормозить, в кустах прячутся Михалыч с Гриней. Митяй и Андрейка, как самые меткие метальщики гранат, берут каучуковые мячики, которыми на тренировках пользуемся, залегают в канаве слева, я проверяю, чтобы их видно не было, и сам прыгаю следом. Роли все расписаны, даже на природе пару раз отрабатывали. Ждем-с... Доносится звук мотора, машина проезжает мимо, следом рысят конвойные. Меня не заметили. Хорошо... Из кустов раздаются два выстрела – это Михалыч с Гриней стреляют в воздух – изображают нападение. Казаки сдергивают карабины, клацают затворами, целятся в кусты. Слева из канавы поднимаются мои «орлы» и точными бросками попадают мячиками внутрь автомобиля. Меджик Джонсон отдыхает! Встаю, разряжаю барабан нагана в воздух. ВСЕ!..

– Разрешите доложить, ваше превосходительство! Автомобиль и пассажиры условно уничтожены двумя гранатами, конвой расстрелян из трех стволов, причем один стрелок бил в спину казакам...

– Мда... Прапорщик, я думаю, вы правы... – Генерал поворачивается к конвою: – Ну что, станичники, как нас...

Валерий Антонович был похож на кота, который нашел ничейную миску со сметаной. И который не стал этой миской ни с кем делиться. Вчера он уехал вместе с генералом, едва успев предупредить, что появится сегодня. Вот и появился. К моему неудовольствию и неопишуемой радости бойцов – пришлось прервать пробежку с полной выкладкой. И пока «обучаемые» лежат, задрав ноги вверх (я научил!), мы с ним отходим пообщаться. Бойко сразу предупреждает, что дело – не на пять минут, поэтому поручаю Михалычу погонять «молодых» на полосе. Не любим бегать – будем ползать. А на следующей неделе я им еще и «лягушку» с «гусиным шагом» покажу!.. И ходить им заставляю!..

– Денис Анатольевич, честно говоря, я немного потрясен. То, что вы вчера показали...

– Только самое начало того, что мы будем делать с немцами.

– Командующий вчера был очень доволен, но высказал мнение, что нужно вас попробовать в реальных условиях. Поэтому готовьтесь идти за «языком». Сколько времени вам нужно для того, чтобы собраться?

– Это зависит от того, куда пойдем. На каком участке нужен «язык»?

– Сейчас заедем в штаб, определимся у Петра Ивановича. И, может быть, я зря это говорю, но если у вас все получится, готовьтесь получать еще одну звездочку.

– Валерий Антонович, более звездочки мне нужны лычки. Молодежи – приказных, а Митяеву – вахмистра. Если это – много, звездочку можно отложить.

– Да, вам палец в рот не клади...

– Они тянутся, их надо простимулировать, чтобы отдача была больше. Пока что я их только обещаниями кормлю. Кстати, про кормежку, нужно было бы рацион немного поменять, а то после чая с хлебом много не набегает. Я прекрасно понимаю, что казаки за свой кошт харчуются, но все же... Но это – после того, как вернемся.

– Хорошо, собирайтесь и поедem...

Подхожу к своим архаровцам:

– Михалыч, я уезжаю в штаб с капитаном Бойко, пока меня не будет, потренируйтесь с оружием, когда на полосе закончите. – И, заметив довольную улыбку Грини, добавляю: – А если некоторые будут вот так нагло ухмыляться, когда приеду, побегаем еще... пару часиков.

– Командир, ты сам же учил: «Наглость – второе счастье!» – «молодой» уже знает, когда можно пререкаться, а когда – нет. И вообще, в самый первый день я объявил, что по-уставному мы общаемся только при посторонних, а между собой я буду звать их по именам, только Михалыч остается Михалычем, а они могут звать меня командиром и обращаться на «ты». Сначала смущались, теперь привыкли. Даже зубоскалят иногда... Орлята, блин...

Вернувшись из штаба, собираю всю группу:

– Значит так, господа разведчики, получено первое боевое задание. Завтра группа идет за «языком». Переходить на ту сторону будем вот здесь. Линия фронта начерчена красным карандашом. – С этими словами кладу на стол кроки, сделанные с карты в штабе. Все пододвигаются ближе и рассматривают рисунок.

– Командир, вот этот кружок – деревня, а вот чуть ближе маленький – это что? – Михалыч сразу начинает разбираться в деталях. – И сколько верст до них?

– Маленьким кружком обозначен хутор верстах в полутора от деревни.

От окопов до деревни около десяти верст, значит, до хутора...

– До хутора восемь верст с гаком, – Митяй «блещет» высшей математикой, – часа за три добежим.

– Это тебе не утром на зарядку бегать, как бы эти восемь верст ползти не пришлось, – Гриня решает притормозить бегуна.

– Командир, а это что за клякса зеленая и кривулина рядом? – Андрейка задает правильный вопрос.

– Молодец, казак. Не то что некоторые. Клякса – это лесок, где мы и будем прятаться. А кривулина – это дорога, откуда «языка» и надо будет брать. Она-то идет рядышком с фронтом, германцы туда-сюда и шастают.

– Значит, надо на краю лесочка наблюдение выставить, – реабилитируется Гриня.

– Согласен. А какой вопрос еще задать надо было? Михалыч, помолчи! – притормаживаю Митяева. – Пусть «молодые» головы ломают.

Двух минут головам хватает добраться до истины:

– Как мы на ту сторону перебираться будем?

– Ну, наконец-то! Туда и обратно тропку нам местная пехота покажет. Их охотники разведали. Так что сегодня готовим оружие, снаряжение, собираемся и отсыпаемся, а завтра с утра выходим. Вопросы есть? Нет? Тогда вперед! Михалыч, проследи, чтобы все сделали, а я с Гриней в штаб отскочу. Нам, спасибо капитану Бойко, обещали каких-то трофейных гранат подкинуть. И доложу о готовности...

Глава 14

...Линию фронта мы проскочили легко. Помогли «местные» разведчики, проводили по своей «тропе» и сказали, что будут ждать и, если что, прикроют. Да и их ротный командир обещал в случае чего свой пулемет подогнать. Задание для нас Ломов выбрал достаточно простое: сидеть в засаде на дороге, брать «языка», желательно офицера или какого-нибудь вестового. Одного только не учел – дорога была оживленная. Мы по очереди наблюдали, и подходящего случая так и не нашли. Немцы шарились туда и обратно толпами, и выдернуть одиночку было нереально. Мои «орлы» загрустили, да и мне было как-то не по себе. Первый блин – и как в пословице... Промаявшись до вечера, мы посовещались и приняли решение остаться еще на сутки. А по темноте сходить на хутор, разжиться харчами...

И там нам повезло! Мы уже подобрались к хутору, собирались зайти, но в последний момент Митяй, сидевший в охранении, свистнул по-птичьи «тревогу», и мы замерли. Со стороны дороги к хутору кто-то приближается, во всяком случае, слышен разговор двух человек. И, что характерно, ведется этот разговор на немецком, который я уже сносно понимаю и даже могу немного разговаривать благодаря «помощи» Дениса Первого. Один из «гансов» убеждал другого, что у хозяина хутора просто не может не быть спиртного и что этот хозяин запросто поделится напитком с бравыми артиллеристами кайзера... Мимо нас топают два немца, причем оба являются то ли фельдфебелями, то ли унтер-офицерами. Потому что в сгущающихся сумерках петлицы поблескивают чем-то золотистым, а еще я замечаю у них на ремнях кобуры... Кожаные! Длинные! Под «люгер Ланге», он же «артиллерийская модель»! С деревянным прикладом!.. Мечта идиота!!! Только за эти пистолеты немцев нужно брать! Тогда в группе у двоих уже будет короткоствол. Да еще какой!..

Пока я пускаю слюни от жадности, brave артиллеристы уже распоряжаются на хуторе, как на своей батарее... Стоп!!!.. Батарея... Артиллерийская... Немецкая... Четырехорудийная... Интересные мысли в голову лезут!.. Подползаю к Михалычу и делюсь этими самыми мыслями. Михалычу они нравятся, и мы начинаем действовать. Немцы сами помогли, разделившись. Один с помощью кулаков пытается узнать у хуторянина, где тот прячет самогонку. Другой тем временем заходит в дом, откуда тут же

раздается женский крик, впрочем, сразу оборвавшийся. Немец вытаскивает на крыльцо хозяйку. На одной руке намотаны волосы женщины, другой он прижимает к ее горлу армейский тесак. Подталкивая свою жертву, он спускается к своему другу, и они уже вдвоем начинают громко «кошмарить» хозяина хутора... Поэтому и не слышат, да и не видят, как мы подбираемся к ним вплотную. Роли распределены заранее. Михалыч берет первого, я работаю с любителем женщин, Митяй нас страхует, а Гриня с Андрейкой «держат» дорогу...

Ну, начинаем работать! Встаю ровненько за спиной своего «ганса», хлопаю его по правому плечу. Он на автопилоте начинает поворачиваться, рука с ножом расслабляется. Что, собственно, мне и надо. Вписываюсь в его движение, захват руки, большие пальцы на кисти противника, поворот ее против часовой стрелки и от себя... Дикий вопль, обрываемый пинком под дых... А не надо так орать, всех ежеиков в лесу распугаешь... Одновременно со мной Михалыч тоже поднимается и очень так красиво бьет с ноги немцу между пальцами... Между большим пальцем правой ноги и большим пальцем левой... Сзади... Немец в этот момент как раз наклонился над хуторянином, и полученный удар перекидывает его через крестьянина. Шевельнуться ему уже не дают. Быстро связав пленных, кладем их на землю. Сейчас очухаются и будем разговаривать... Через пару минут оба уже в состоянии общаться.

– Итак, «храбрые» германские воины, воюете вы только с мирными жителями, как я погляжу. Объясняю кратко, чтобы было понятней: вас двое, а нам нужен только один «язык». Кто быстрее и больше расскажет, тот пойдет в плен. Другого прикопаем где-нибудь неподалеку. На раздумье – тридцать секунд.

Да им и пяти хватило. Обоим. Потому что оба очень хотели жить. Поэтому и просят доблестных «руссише зольдатен» забрать их в плен...

О, а вот и интересное появилось. Служат оба на батарее, которая в соседней деревне на ночлег остановилась, до нее километра два. Пушки – на околице, охраняются двумя часовыми. И все солдаты по домам спят. Вместе с командиром... Ух, какая интересная мысль! Ну-ка, давай мы ее обдумаем.

– Михалыч, тут километрах в трех германская батарея стоит, откуда эти красавцы нарисовались. Пушки – на околице, часовых – двое. Мысль понятна?

– Ну, дык, конечно! Не с пустыми руками вернемся!

– Мы и так с «языком» вернемся. Хочется офицера прихватить да побезобразничать малость. Этих двоих оставляем здесь, и с ними –

Андрейку. Сами вчетвером... Хотя, стоп! Есть идея получше. Берем этого говорливого, он нас и проведет, фельдфебель как-никак. А там уже работаем по обстоятельствам. Ты гранаты брал?

– Только один «шарик» германский.

– Самое то. Организуй бечевку метров на пять...

Обращаюсь к «своему» немцу:

– Ты нас сейчас ведешь в деревню, показываешь дом, где спит офицер, потом прогуляемся на батарею. Если все правильно сделаешь, отпущу.

Выбор между «майне фрау унд киндер» и присягой кайзеру был сделан незамедлительно. Немец только опасливо глянул на своего напарника.

– Не бойся, он уйдет в плен или умрет по дороге. В любом случае ты его вряд ли увидишь. Теперь слушай сюда...

Вздергиваю его на ноги, приматываю к гранате бечевочную петлю, другой кусок бечевки привязываю к запальному колечку. Показываю все это немцу, от чего он начинает трястись мелкой дрожью, и вешаю ему сзади на шею.

– Если все будешь делать правильно, все будут живы. Но одно неправильное слово или движение, – я дергаю за бечевку... и все. Никаких «фрау унд киндер». Понял?..

Теперь поговорим с хуторянином, который только-только привел в чувство жену и оклемался сам:

– Тебя как звать-величать?

– Я... Янеком, пан... Ваше благородие.

– Вот что, Янек. Утром германцы могут в гости заявиться. Ты ничего не видел, не слышал и не знаешь. Никто к тебе не приходил. Если до правды докопаются, тебе же хуже будет. Расстреляют как сообщника. Понятно?

– Так, rozumіem. (Да, понимаю.)

– В деревне много жителей осталось?

– Nie, połowa uciekła... (Нет, половина убежала.)

...Все получилось как нельзя лучше. В деревню мы входим спокойно, встреченный патруль любезно делится с нами оружием. Действительно, зачем карабины мертвецам? Доходим до «офицерского» дома, и тут Судьба подбрасывает нам подарок. Пока мы с Михалычем думаем, как заходить и брать обер-лейтенанта, он сам выходит нам навстречу... В подштанниках и кителе... В том смысле, что он в сортир так намылился. Туда и пошел, а на обратном пути о мой кулак спотыкается и падает. Митяев его и пеленает, как младенца. Соски, правда, не нашлось, но мы ее кляпом заменили,

сделанным из пипифакса. Сдаем «младенца» с рук на руки Грине и идем на батарею. Оба часовых на батарее при виде своего фельдфебеля сначала ничего не понимают... А потом уже поздно что-то понимать...

Пока немец трясущимися руками (хотя гранату ему уже сняли) снимает замки у пушек, а Михалыч ему подсвечивает трофейным фонариком, я стою и думаю, что делать со снарядами... В голову никаких умных мыслей не приходит, поэтому решаю положиться на удачу. Открываю один из передков, достаю снаряд, на его место петлей привязываю гранату, бечевку от запала протягиваю до крышки, закрепляю. Дай бог, сработает...

После чего мы уходим... Фельдфебеля оставляем в бессознательном состоянии неподалеку, а обер-лейтенант шагает с нами. Поначалу пытается упираться, но после короткого сеанса иглоукалывания ножом в районе седалищного нерва, развивает приличную скорость. Замки пришлось утопить. В том самом сортире, по которому ночью затосковал немец. Прицелы я несусь отдельно – вещь хрупкая, тонкая... Подбираем на хуторе Андрейку с пленным, прощаемся с еще не пришедшими в себя хозяевами и ломимся домой...

Доходим благополучно. Под утро, когда нас уже перестали ждать и чуть не пристрелили свои же. Хорошо, что немцы матом не ругаются... Нас по этому мату и узнали после первых же выстрелов. И даже на радостях выделили две обозные телеги, так что в самый разгар дня мы въезжаем во двор штаба... Хохот вокруг стоит знатный. Ржут не только конвойные казаки, но и их лошади... Представьте, вылезают из обозных двуколок пять полусонных, но очень довольных физиономий. Казаки на телегах – ха-ха три раза! Потом хохот немного утихает, когда я Валерию Антоновичу фельдфебеля из соломы откапываю... А вот когда обер-лейтенант появляется, я начинаю опасаться, что от хохота забор рухнет. Китель и подштанники – картина маслом!

– Вот, Валерий Антонович, вы просили «языка» – получайте. Офицер – артиллерист.

– А почему он в таком виде, Денис Анатольевич?

– Господин капитан, что было, то и взяли, – когда я объясняю Бойко в двух словах, как все было, он тоже начинает смеяться. – А вот прицелы от пушек...

– Какие прицелы?.. Какие пушки?..

– Германские, калибра семьдесят семь миллиметров, наверное. Темно было, не разглядели, – бормочу нарочито виноватым голосом. – Артиллерист с вверенным ему имуществом никак расставаться не хотел.

Пришлось поспособствовать. Правда, замки тяжелые оказались, были вынуждены утопить.

– Так вы что, немецкую батарею разоружили?!

– Мы там еще гранату на зарядный ящик привесили. Но сработала или нет – не знаю. Уходить надо было. Да, вот для поручика Ломова жетоны артиллеристов. В дополнение к тому, что обер-лейтенант расскажет.

– Ну, господин прапорщик, пишите рапорт!.. А свои слова я помню... И ваши тоже... И все сделаю...

Ну, вот мы и дома, на базе. Теперь займемся бухгалтерией, будем дебет сводить с кредитом. Что мы имеем в остатке? Имеем: карабины «маузер» в комплекте – 4 штуки, пистолеты «люгер артиллерийский» – 2 штуки, тесаки – 2 штуки, немного патронов. Мелочевку типа фляг, «сбруй», подсумков, фонариков даже не считаю. Хотя один фонарик мне очень понравился. С защитной шторкой и откидной панелькой под блокнот. Как специально для наблюдателя сделан.

И все это богатство стоило нам одной гранаты и немного понервничать и не поспать. А если серьезно, то группа теперь может неплохо поработать и вблизи, и издалека. Вот бы еще пулеметик какой найти...

Все, теперь отсыпаться. Спать! И чтобы обязательно приснилась... А не скажу!.. Это – личное...

Глава 15

Сидим в окопе, смотрим в бинокль по очереди, запоминаем подробности и радуемся погоде. Радуемся – потому что небо облаками затянуто и солнышка не видно. А раз солнышка не видно, то и бликов от оптики тоже никто не увидит. Зато мы все увидим, что нам нужно, и зарисуем, и запишем, и запомним. А увидеть надо самую малость – немецкое пулеметное гнездо, где около большой железяки сидят, как минимум, два дятла в форме цвета «фельдграу» и периодически стуком этого агрегата нарушают гармонию Вселенной и спокойствие в окопах пехотного батальона, который пригласил нас на философский диспут на тему: «Можем ли мы этих дятлов успокоить, или же все это пустое»...

Примерно такие вот мысли крутились у меня в голове, пока я оглядывал немецкую линию обороны, протянувшуюся метрах в двухстах от опушки леса до глубокого оврага, пересекавшего и наши и немецкие окопы. Где-то на этой линии стоял немецкий пулемет, которым мастерски управлял какой-то Зигфрид, с артистизмом, надо сказать, управлял. То, что даже в затишье ходить по окопам надо пригнувшись, пехота поняла довольно быстро. Но тевтонский гений на этом успокаиваться не пожелал и всячески пакостил своим оппонентам. Последняя его выходка заключалась в том, что он подловил бойцов, тащивших в окопы бидоны со щами во время обеда. Сначала превратил бидоны в подобие решета, потом еще полчаса не давал носильщикам головы поднять. Малейшее шевеление, и туда летит очередь. Специально перед лицом землю буравил, а когда попытались его ответным ружейным огнем прижать, двоих наповал уложил и троих ранил. И, что характерно, стрелял с разных точек.

Пехота решила разобраться с пулеметчиками, но команду охотников закидали гранатами, когда они пытались пройти по оврагу. Тогда полковой командир вышел на штаб с ходатайством направить разведку для ликвидации данной разновидности супостата. Вот Валерий Антонович и послал нашу группу, чтобы посмотрели, что к чему. На этот раз пошли вчетвером. Огорченного Гриню с вывихом голеностопа оставили «на хозяйстве».

Часа два мы все вместе осматривали немецкие окопы, нашли три места, где удобно было бы сделать пулеметную позицию. Потом Михалыч отправил казаков обедать и спать, а мы стали искать пути подхода к немецким окопам и обговаривать свои действия. Сошлись на том, что

сначала проверим проход через овраг, пошлем пару человек тихонько поползать, если будет тропинка, идем на ту сторону, проходим по окопу до пулемета, выводим его из строя и уходим.

Когда стемнело, двое самых мелких, Андрей и Митяй, ужами ввинчиваются между кустами, которыми зарос весь овраг, и растворяются в темноте и тишине. Проходит минут десять, прежде чем они беззвучно вываливаются чуть в сторонке.

– Колючка там, поперек оврага натянута, рядов пять, не меньше. На проволоке, кажись, банки консервные кое-где висят. – Немного отдышавшись, шепчет Митяй.

– Да, я там тихонько рукой пошарил, наткнулся на одну, – это уже Андрейка добавляет, – овраг весь колючкой запутан, без ножниц не пройдем.

– Надо с другого бока, справа меж кустиков проползать.

– Германцы не дурнее нас с тобой, Митька, если ты там дорожку наметил, то и они ее наверняка без внимания не оставили. Значит, возвращаемся и готовимся к следующей ночи...

Весь следующий день я сижу в окопе, наблюдая за фронтовой жизнью и окопным бытом и своих и германцев. И если у нас все понятно и доходчиво, то при взгляде на противоположную сторону у меня появляются кое-какие вопросы, с которыми я не преминул поделиться с Митяевым.

– Михалыч, смотри, вон там, слева у березы, кустики торчат, такие маленькие. Как думаешь, почему они так удобно для немца торчат? Слева кустик, справа кустик, а между ними аккуратненькая такая амбразурка получается. Если они щиток снимут с пулемета, их там никак не заметить. Утром туда немец протопал, потом обратно через полчаса. Дальше никуда не ходил или после кустиков, пригнувшись, по окопу шел. Но там овраг шагов через двадцать начинается. А справа хождение как обычно, по всему окопу каски бегают. До самого леса. Где может пулемет стоять?

– Либо слева, возле березы, либо справа у кромки леса – фланг защищают на случай, если мы лесом пробираться будем. Либо вон там, где куча бревен от блиндажа осталась, разнесло его, видать, прямым попаданием.

– Попали артиллеристы хорошо, только бревнышки легли как-то плоховато, домиком. Пулемет спрятать там можно очень даже замечательно. И бревнышком прикрыть, а стрелять надо будет, то и оттолкнуть его легко можно.

– Одно непонятно, командир, как они его так быстро по окопу таскают? Железка-то здоровая да неуклюжая, по тесному окопу тащить

неудобно, а пехота гутарит, что он то тут, то там, зараза.

– Не знаю, Михалыч, может, у них в расчете силачи цирковые служат...

Разгадка быстрого перемещения пулемета раскрылась в эту же ночь. Перед выходом мы с Михалычем обговариваем еще раз все варианты, после чего одна пара ползет по дну оврага, вторая аккуратно и абсолютно бесшумно идет по его краю. Добравшись до нужных кустиков, мы залегает и ждем. Мы – это потому что я пошел в паре с Митяем и залег в засаду, а внизу Михалыч с Андреем должны накинуть бечевку с крючком на колючку, отползти и немножко пошуметь. Что они и делают через пару минут. Из оврага еле слышно доносится бряцанье, потом еще раз. Кусты тихонько раздвигаются, и буквально в пяти метрах от нас из них показывается немец, держащий что-то в руках. Сделав пару шагов, он вытягивает шею и начинает вглядываться вниз. Рядом с ним абсолютно бесшумно возникает второй. Теперь гансы в четыре глаза всматриваются в глубь оврага и поэтому не видят, что творится у них за спиной.

Митька дотрагивается до моей руки, обращая на себя внимание, показывает пальцем на себя и на дальнего немца, отползает на два метра в сторону, подбирается. Ловит мой взгляд и вскакивает... Я, опоздав на долю секунды, рву к первому немцу. Почувствовав что-то, он начинает поворачиваться ко мне, и я с ходу пробиваю ему с левой ноги «пенальти» в солнечное сплетение. В жизни ни разу в футбол не играл, а вот пришлось. Левая рука – захват за шею, разворот против часовой, прижимаю голову к себе, резкий рывок, хруст позвонков. Тело оседает на землю. Митяй, решив не издеваться над противником, с одного удара в висок отправил его к предкам. Тихонько обшарив тушки, мы становимся богаче на шесть гранат-«толкушек» и две маузеровские винтовки.

Казак по-птичьи чирикает, подзывая остальных. Вот тут мне до них, как первоклашке до аттестата. Учиться и учиться. Ответный «чирик», и все в сборе. Двигаемся дальше. Доползаем до окопа, опять разбиваемся по парам. Михалыч – на тыльной стороне, мы – по передку ползем. Вот и наши таинственные кусты возле березки. Тихо, спокойно, безлюдно. Насколько видим и понимаем – оборудованная позиция для пулемета. Только без него. Значит, и правда, таскают его по окопу. Так, пошли дальше... И стоим, точнее, лежим и молчим... Нюхаем...

Когда в несбывшемся будущем я носил курсантские погоны, наши препода, дабы показать серьезность момента, вдалбливали нам в головы, что уставы написаны кровью... Как сейчас помню: «Часовому запрещается: есть, пить, курить, отправлять естественные надобности и

т. д.». Немцы, точнее – немец этого еще не знал или не придавал значения, но табачным дымом из окопа явственно тянуло. Нарушение Устава вредно для вашего здоровья, может привести к летальному исходу. Уже привело. Часовой присел на корточки, прислонился к стенке окопа и заснул. Вечным сном. Дальше ползем медленно и «на цыпочках». Вот и разбитый блиндаж. Как его интересно разбило... Пулеметное гнездо, оборудованное тремя амбразурами, замаскированными обломками бревен и досок, а внутри... Внутри стоит, выражаясь «современным» языком, довольно редкое в наших краях ружье-пулемет «мадсен». Видел такое как-то в «Технике молодежи». Интересно, как же он сюда попал? А рядом кемарит его несчастливый обладатель.

Смазанное движение в сумерках, еле слышный вздох-хрип... и все. Выпрямляюсь в окопе, оглядываю это чудо-юдо. Действительно «мадсен», похожий на древний мушкет, только с магазином, торчащим сверху. Поворачиваюсь к Михалычу, киваю на пулемет. Тот помогает вытянуть его из окопа, тяжелый, черт, килограммов десять будет. За ним следуют четыре магазина с патронами, сумка с какими-то железяками. Все взяли, ничего не забыли? Нет, забыли. Забыли немца посмотреть, вещички да бумажки какие-нибудь забрать, если найдем. Оп-па, а что это у нас такое красивое на ремне висит в длинной кожаной кобуре? А это у нас пистолет такой красивый висит – «люгер» называется. И опять «артиллерийская модель». Теперь их у меня уже три будет! Это мы оч-чень удачно зашли «в гости». Обшариваю немца на предмет документов, жетона, тесака, патронов и вылезаю из окопа. Все в сборе, поползли домой. Стоп!.. А привет передать? Что-то меня на приколы потянуло. Берем нетолстую жердину от блиндажа, две длинные щепки, благо есть из чего выбрать – этого добра море, отрываем кусочек бечевки, стягиваем щепки крестом, втыкаем наподобие сошек в землю, сверху кладем бревнышко. Теперь последний штрих. В кармане ганса нахожу огрызок химического карандаша, слюнявим, пишем почти на ощупь на вырванной страничке из найденного там же блокнота: MASCHINENGWEHR. NUR FUR DEUTSCHEN^[6]. Эксклюзив, типа, пользуйтесь, камрады. Вот теперь – все, уходим домой.

Доползаем нормально, без происшествий. В землянке, которую нам выделили, несмотря на поздний час, нас дожидается ротный, которому мы и демонстрируем нашу добычу. Все сгрудились возле нар, где в свете керосиновой лампы поблескивает необычный пулемет.

– Ну, теперь понятно, как они пулемет перетаскивали. Это – не станковый, на плечо взвалил, и вперед. А второй номер патроны тащит. – Михалыч явно доволен «уловом».

– Вот если бы можно было его нести и стрелять во время атаки, – я беру пулемет и показываю как, – представьте, что бы творилось у противника на бруствере в это время.

– А ничего бы не творилось, сидели бы германцы на доньшке и ждали, когда мы им на голову спрыгнем, – кровожадно отзывается штабс-капитан. – Господин прапорщик, а давайте утром опробуем сей механизм. Я про него только слышал, а вот пользоваться не приходилось.

– Ну, хорошо, отстреляем два магазина, чтобы посмотреть, как он ведет себя во время стрельбы, и мы уходим...

Поспать нам дали немного, чуть более часа до рассвета. Пока не пришли менять часового и не увидели наши художества. Я был разбужен беспорядочными частыми винтовочными выстрелами и полез из землянки наружу. Германцы, оценив наше «произведение», устроили громкие и продолжительные «бурные аплодисменты, местами переходящие в овации». Ротный был уже тут как тут.

– Повылезали, гады, лупят в белый свет, как в копеечку! Давайте опробуем трофей!

Тем временем Михалыч и оба моих разведчика уже тащат пулемет по окопу, выискивая хорошую позицию для стрельбы. Устроившись в одной из бойниц, Митяев готовит пулемет к бою.

– Урядник, справишься?

– А то как же, вашбродь, разобрались ужо, что к чему!

– Добро, я дальше прогуляюсь! Вадим Викторович, – это уже штабс-капитану, – поторопитесь, а то мои все патроны сожгут!

С этими словами снова ныряю в землянку. Хватаю трофейный «люгер», подсумок и вылезаю наружу. Штабс-капитан уже приложился к пулемету и короткими очередями пытается «успокоить» немцев. Солдаты заняли позиции, но мне все же удастся пробраться к сосновому пню, торчащему перед окопом. Отличная защита и маскировка! Раскатываю лохматку, укладываюсь, присоединяю приклад, патроны – в магазин, кто тут у нас на прицеле? Дальность – около ста пятидесяти метров? Отлично! Заряжаем, смотрим в прицел, видим какого-то ганса, который больше ругается, чем стреляет. Целимся ему в грудь, вдохнуть, на выдохе нажать. Хорошо попал, аж откинуло болезного. Ну, еще бы, калибр – девять миллиметров и длина ствола – двести. Следующий – хмырь с биноклем, что-то кричит, рукой машет. Выстрел... и уже никто никуда не машет. Следующий... Следующий... Следующий остался жить потому, что сквозь грохот боя доносится свист приближающегося снаряда. Примерно посередине между окопами вспухает разрыв.

– Михалыч, собирай манатки, уходим!!!..

И мы повезли трофей в штаб, к капитану Бойко. Показать. Но отдать – только через мой труп!..

Валерия Антоновича в штабе ждать пришлось недолго. Узнав о нашем появлении, он в течение пяти минут закончил свои дела и пригласил в «кабинет». Михалыч поставил пулемет на пол и был отпущен покурить и пообщаться с земляками, дежурившими в этот день при штабе.

– Ну-с, докладывайте, Денис Анатольевич.

– Ваше приказание выполнено, господин капитан. С пулеметом разобрались, с пулеметчиком – тоже. Стрелять он больше не будет.

– Кто? Пулемет или пулеметчик? – Улыбается довольный Бойко, стаскивая дерюжку, которая прятала «машинку» от лишних глаз. – Ого!.. Насколько понимаю, – «мадсен», датского производства... Хм-м, и откуда здесь сей механизм? Документы пулеметчика у вас с собой, Денис Анатольевич?

– Вот, прошу, Валерий Антонович.

– Хорошо... Кстати, а патроны к нему остались?

– Да, наши родимые, 7,62 на 54. Скорее всего, пулемет был захвачен германцами в качестве трофея, отправлен на Западный фронт. Вы, кажется, как-то говорили, что немцы все трофейные пулеметы туда отправляли...

– Продолжайте, прапорщик. Я вижу, у вас есть мысли на этот счет.

– Их две: главная и основная.

Капитанские брови удивленно взлетели.

– Это, пардон, как?

– Главная – это присутствие на нашем участке подразделения противника, скорее всего, прибывшего с Западного фронта. Вопрос: когда и зачем они передислоцированы? И что это – простая замена или усиление немцев у нас за счет ослабления в Европе? По моему скромному мнению, было бы правильным связаться с другими разведотделами и обменяться информацией по этому вопросу. Жетон и документы пулеметчика тоже могут дать какие-то дополнительные сведения.

– Да-с, в логике вам не откажешь. Я учту ваше мнение... А основная мысль?

– Валерий Антонович, я в рапорте буду указывать, что в ходе боя пулемет получил повреждения, исключающие его восстановление. И прошу меня в этом поддержать.

– Хотите оставить трофей себе, Денис Анатольевич? Понимаю, ручной пулемет в группе – это неубиенный козырь... Хорошо, я согласен. Только помните, трофеи нравятся не только вам.

Вот эта последняя фраза вкупе с подмигиванием что должна означать? Что непосредственный начальник тоже не отказался бы от чего-нибудь трофейного? Добро, сделаем. И на будущее надо обменный фонд создавать для всяких презентов тыловикам и прочим нужным господам. Ну, это не горит.

– Я еще хотел попросить вас, Валерий Антонович, о помощи в поисках нужных добровольцев. Мне нужны саперы или, в крайнем случае, артиллеристы. Короче говоря, люди, разбирающиеся в минно-взрывном деле. И чтобы они могли выдерживать наши нагрузки...

– Хотите увеличить группу, Денис Анатольевич?

– Завтра хочу устроить экзамен своим. По действиям в качестве командира группы. Если выдержат, можно будет комплектовать еще четыре.

– А почему только четыре? Вас же пятеро.

– Один из казаков на командира еще не тянет, зато к данному агрегату вспылал прямо-таки неземной страстью. – Показываю на «мадсен». – Будет универсальный пулеметчик для всех групп.

– Хорошо, экзаменуйте своих казаков, а я попробую подыскать вам пополнение...

Глава 16

На следующий день я устроил «молодым» выпускной экзамен на тему «Рейд в тылу врага». Собрались по-боевому, с полной выкладкой – карабин, две сотни патронов, сухпай на сутки, фляги, лопатки, лохматки вскатку на вещмешки, «Оборотни» на пояс. Я хорошо помнил по будущей жизни, как выглядел «Оборотень-2», и сподобился в кустарных условиях повторить его форму. Правда без всяких наворотов типа стропореза, обжимки для детонаторов, раскладывающейся рукояти и т. д. Получился хороший такой нож с лезвием типа «ятаган», или, на американский манер, – «спир пойнт». Моим ребятам он очень понравился, они просто скопировали его и отдали заказ в те же слесарные мастерские местного депо, где делался первый вариант. Железнодорожники постарались, и ножи удались на славу. Сбалансированные, хорошо лежащие в руке...

Маршрут был проложен до линии фронта и обратно: километров двадцать пять – тридцать в один конец, преимущественно по лесам и болотцам вдоль дорог. Задача простая: довести «языка», то бишь меня любимого, до вышестоящего командования. И пройти маршрут никем не замеченными. А еще должны были понаблюдать за какой-нибудь дорогой – кто и куда по ней едет. Состав группы у меня прежний – трое казаков и старший урядник Митяев, ими командующий. Ему экзамен устраивать не стал, и так все видно. А вот «молодым» пообещал, что если сдадут экзамен, будут набирать свои группы. Туда командиром группы идет Митяй, обратно – Гриня. С Андреем сложнее, хорошо, что он сам это понимает. Пока он – наш штатный пулеметчик, с «мадсеном» прямо сроднился. После наших «подвигов» я вроде бы заслужил доверие у казаков, и недостатка в добровольцах не было, еще десяток человек тренировались на базе, мечтая о таких же новеньких лычках, как те, что красовались на погонах «моей» четверки...

Мы уже дошли до наших окопов, немножко пошутили с нестроевой ротой какого-то пехотного полка – подперли толстым дрыном ворота в сарай, где они храпели в полном составе, включая дневального, и стали возвращаться обратно к себе, когда вдруг со стороны дороги раздалось несколько выстрелов. Идущий впереди дозорный падает на колено и вскидывает вверх руку, согнутую в локте – «Всем – Стоп». Группа моментально занимает оборону, бойцы уже ощупывают свои сектора стволами карабинов. Гриня бесшумно пододвигается ко мне:

– Командир, надо посмотреть, что там. Я Митяя пошлю.

Я согласно киваю, казак плавно перетекает на три метра вперед, беззвучно хлопает по сапогу дозорного, что-то ему шепчет. Митька ужом ввинчивается в траву и исчезает. Гриня занимает его сектор и осматривается. Я устраиваюсь рядом с ним. Минуты через три появляется Митька и докладывает:

– На дороге санитарный обоз, четыре повозки. Пятеро германцев-кавалеристов застрелили ездовых, один стоит с конями, остальные возле передней телеги.

Ну и что это все значит? Откуда здесь гансы и что им нужно? Место выбрано ими с умом, кругом лес, достаточно хорошо гасит звук, на дороге никого, четыре телеги – легкая добыча. Но почему санитары? Надо посмотреть...

– Одеваем лохматки, идем к обозу. Михалыч, ты – справа, Гриня – слева, Митяй со мной, Андрей – прикрываешь тыл. Двинулись.

Через минуту мы уже возле дороги. Посередине колеи стоят телеги с ранеными, у последней один из немцев, видимо коновод, держит под уздцы двух лошадей, остальные привязаны к бортику. Так, руки заняты, винтовка за спиной, пока не опасен. Дальше, двое стоят у второй телеги, в руках – тесаки, винтовки тоже за спиной. У первой телеги какой-то ганс держит сзади за локти медсестру, а перед ней стоит офицерик и что-то ей говорит. Охранения нет, ничего не боятся, все смотрят на офицера и ухмыляются.

Цокаю языком, привлекая внимание группы, затем, помогая жестами, шепотом раздаю цеу:

– Михалыч, твой – коновод, потом контролируешь правый фланг и тыл. Гриня, контроль слева и страхуешь меня. Митяй, Андрей, валите гансов с тесакими, дальше – по обстоятельствам. Живым нужен только офицер. Начинаем по свистку, расползлись быстренько.

Та-ак, а вот это уже неправильно, пощечины должны женщины мужчинам раздавать, а не наоборот. Это у вас, герр офицер, недоработочка в воспитании, но мы ее сейчас быстро исправим. Все готовы, можно начинать. Достаю «люгер», патрон уже в патроннике, как все завертелось, сразу дослал, даю короткий свист, за которым тут же грохочут две винтовки, вылетаю из канавы на дорогу, кувырок, выстрел с колена по ногам держащего медсестру, потом – офицера. Все падают, пережат назад-влево, контроль своего немца, краем глаза замечаю Митяя с Андреем уже на дороге, выбиваю «люгер» у лейтенанта-кавалериста, добавляю пониже каски, чтобы не делал глупостей, вот и все. Медсестричка начинает сползать по борту телеги на землю, подрываюсь, два шага вперед,

подхватываю ее на руки, поворачиваю лицом к себе. И где-то я ее уже видел!.. Бережно укладываю ее на место возницы, подсовываю под голову сброшенную и скомканную лохматку, оглядываюсь по сторонам. Сладкая парочка, Митяй с Андреем стянули руки за спиной герру лейтенанту и теперь перетягивают ему ремешком от пистолета бедро повыше раны, в общем, все – как учили. Немец скрипит зубами, но не орет – типа, нордический характер показывает. погоди, гаденыш кайзеровский, ты у меня еще плакать будешь очень крупными слезами и сопли по всему мундиру размазывать. Мне очень уж интересно, почему ты на обоз с ранеными напал. Но это пока подождет...

Снимаю с ремня фляжку, набираю в горсть воды и осторожно брызгаю барышне на лицо. Она тихонько вздыхает, потом приоткрывает глаза, потом они наполняются слезами, девушка прячет лицо в ладони и начинает биться в истерику. Я вижу, как вздрагивают ее плечи, как она задыхается от рыданий, глажу ее блестящие каштановые волосы, говорю что-то успокаивающее...

Все в этом мире проходит, истерики тоже. Медсестричка потихоньку успокаивается, садится, смущается, краснеет, пытается найти у себя платочек, чтобы привести себя в порядок... Надо начинать разговор.

– Мадемуазель, позвольте представиться: прапорщик Гуров, Денис Анатольевич.

– Мария Егоровна Николаева. Простите... Сейчас дыхание переведу... Пожалуйста, не смотрите на меня, я неизвестно как выгляжу... Мне неловко...

Мария Егоровна... Маша... Машенька! Та самая подружка, которую моя ненаглядная угощала кофейком в день моей первой прогулки в госпитале. Да, мир тесен!

– Хорошо, я закрою глаза, но не обещаю, что не буду подглядывать.

Она пытается улыбнуться, это уже хорошо.

– Что они, – киваю в сторону немецких тушек, – от вас хотели?

– Мы забрали раненых, ехали в госпиталь, эти появились внезапно, будто бы из ниоткуда... Никто из санитаров не успел ничего сделать, как они их всех убили... Меня стащили с повозки, стянули руки за спиной, их офицер подошел и сказал, что ему нужны медикаменты для перевязок, и еще... Еще он сказал... – Ее глаза снова становятся мокрыми. – Он сказал, что они прирежут всех раненых... И что он этого не сделает только... Только если... Если я... Буду... Буду благосклонна к нему и его солдатам...

Мир закружился перед глазами, быстрее, еще быстрее. Потом все заволочло горячей бордовой пеленой...

– Х-а-а-а-р-р-р-а-а-й!!! – Я прихожу в себя, когда на плечах висят мои бойцы, пытаюсь оттащить меня от лейтенанта, а он в свою очередь пытается отползти подальше, глядя безумными глазами и оставляя за собой две вспаханные шпорами бороздки. Мой нож валяется на дороге, я и не помню даже когда и зачем его выхватил. Оглянувшись на Машу, замечаю ее испуганно округлившиеся глаза. Черт, как бы опять слезы не начались...

– Пустите, я – в порядке, – я поворачиваюсь к Грине. – Что случилось?

– Командир, ты барышню успокаивал, потом как заревешь дурным голосом и одним прыжком к немцу кинулся. На него прыгнул, нож в руке, штаны ему с одного маха распластал, вторым замахом собрался ему это... ну... его мужское хозяйство отмахнуть, да тут мы с Митяем подоспели, да сразу и не оттащить было. Рычишь, как медведь, глаза кровью налитые, ну чисто – бешеный, а силищи в тебе – вдвоем еле справились.

Так, понятно, почему ганс испуганный по самое-самое... Ну, это тебе только начало разговора. Сейчас отдышусь и продолжим...

– Мария Егоровна, простите, что напугал... – Возвращаюсь к повозке. – Обещаю, такое больше не повторится, во всяком случае, в вашем присутствии...

– Денис... Анатольевич, неужели вы могли, в самом деле, с ним что-то сделать? Он же пленный...

Громкое покашливание Михалыча привлекает внимание.

– Командир, надо обоз уводить, не ровен час энтих свои искать будут.

– Так, собирайте все оружие, патроны, документы, жетоны, в общем – все барахло, грузите на одну лошадь. Михалыч, оставляешь Митяя со мной с двумя лошадьми, сам уходишь с обозом. Дозорного вперед пошлешь, чтобы больше не было сюрпризов. Быстро не гоните, мы с Митяем поговорим с гансом, если что – прикроем с тыла. Минут через пять-десять вас нагоним.

– Добро, командир.

Подхожу к медсестричке, которая уже немного успокоилась и теперь осматривает раненых.

– Мария Егоровна, вы сейчас отправляйтесь, с вами поедут трое моих бойцов. Я минут через десять догоню.

Она испуганно хватается меня за рукав.

– Денис Анатольевич, я боюсь! А если еще германцы появятся?

– Теперь бояться не надо. С вами едут мои казаки...

– Может быть, мы подождем?

Ох, и напугали девочку... Ничего, и за это ответишь, горячий тевтонский парень!

– Хорошо, только все-таки надо отъехать чуть подальше... Михалыч, – обращаюсь уже к своему заму, – отойдете на двести метров и ждите нас. Мы – быстро...

Так, теперь займемся герром лейтенантом... А чего это ты у нас такой испуганный? Личико бледное, глазки круглые... и, наверное, не такие бесстыжие, как до этого, когда ты тут со своими порезвиться хотел. Говоришь, пленный, под конвенцию попадаешь?

Не сдержался, пнул по ребрам... И еще разок... И еще... Для взаимопонимания...

Хорошо, что немецкий немного знаю:

– Своим предложением сестре милосердия, которая является некомбатантом, и убийством санитаров ты вычеркнул себя из списка военнопленных. Поэтому у тебя есть только один выход: ответить на мои вопросы четко, быстро и правдиво. Чтобы избежать лишних мучений. Кто вы такие и что вам здесь нужно?

Так, проникся парень, а как иначе, если нож снова там, куда я с самого начала прицелился?

– Сколько вас и где выразместилсь? Какое вооружение? Какие задачи поставлены?..

Понятненько, рейдовая группа немцев порезвиться приехала. Интуристы, блин! Около тридцати кавалеристов, четверо легкораненых. Сидят на хуторе, а где этот хутор? А на карте показать?.. Хорошая у немца карта. А не врешь?.. А если ножом посильнее надавить?..

Нет, визжим, слюни пускаем и, скорее всего, не врем. По глазам вижу. Он сейчас готов рассказать все, что помнит и знает, начиная с детского садика. Лишь бы нож отодвинулся хотя бы на сантиметр. Так, вооружение – только легкое, пулеметы не таскаем, это есть хорошо, но не совсем. Еще один машиненгевер в хозяйстве не помешал бы.

– Что с хозяевами хутора?

Ага, хутор брошенный. Хозяева смотались подальше от германского орднунга. И правильно сделали...

– Слушай сюда, ганс... Ты – не Ганс? Ты – Карл? Хрен редьки не больше. Ты женат? Да? Отлично! Так вот, Карл, если мы придем в твой долбанный фатерлянд и у тебя на глазах будем по очереди насиловать твою жену, – тебе это понравится? Нет? Так какого... вы здесь такое устраиваете?! Ладно...

Допрос прерывается из-за топота копыт по дороге. К нам подлетает Гриня:

– Командир, тут эта... Короче, барышня просила передать, что она

очень просит тебя, чтобы ты немца с собой взял. Мол, ранетый он, пленный...

Ну, вот как воевать в таких условиях?!

– Добро, грузите его вьюком на лошадь и пошли...

Пока мы общались с «интуристом», Маша привела в порядок раненых и при нашем появлении поспешила оказывать помощь немцу, которого положили рядом с последней телегой. И пока она делает перевязку, я стою рядом и смотрю на немца. Смотрю, поигрывая ножом в руке. А думаю совсем о другом, точнее – о ДРУГОЙ. После этого случая не хочется совершенно оставлять ее в госпитале. Её ведь тоже могут послать за ранеными...

После перевязки немца, еще ошалевшего после всего случившегося, кладут в повозку, и мы трогаемся. Впереди дозором скачут Гриня с Михалычем. Я, как несведущий в лошадях, сижу рядом с медсестрой на первой телеге, которой правит Андрей, сзади тыловым дозором идет Митька, за возниц на остальных телегах работают легкораненые. Мы проезжаем километра три, когда сзади раздается свист. Обернувшись, я вижу подъезжающего Митяя.

– Командир, там с немцем чегой-то делается. Воеет, бьется по телеге, как в падучей...

– Колонна, стой!

Ну-с, пойдём-ка – полюбопытствуем, что ж там такое случилось.

– Я с вами, – у Маши в руках появляется сумка с медикаментами, – может быть, ему нужна помощь.

– Лучшая помощь для него – чтобы я его подольше не видел и не мог до него дотянуться...

– Денис Анатольевич, не будьте таким жестоким... – Она говорит тихонько, чтобы слышал только я один. – Он, прежде всего, – раненый и ему нужна медицинская помощь...

И не дав мне раскрыть рта, уже бежит к последней телеге. Вот уж воистину – сестра милосердия...

Поспешив за ней, вижу интересную картину: в телеге, воя что-то нечленораздельное и колотясь головой о борт, корчится герр лейтенант... Пены изо рта нет, да и на эпилепсию не похоже, скорее всего, обычная истерика... Ну, да на этот случай есть хорошее лекарство... Влепляю гансу хорошую пощечину. Осторожно так, чтобы не сломать ничего, потом еще одну. Снимаю с ремня флягу, лью воду на лицо. Он перестает дергаться, только все еще стонет и скулит, закрыв глаза...

Рядом со мной, ничего не понимая, замерла Маша.

– Ну, и что это за концерт по заявкам?.. Рану разбередил?.. Так потерпи маленько, скоро довезем тебя до доктора...

– Найн... Ньет... Это есть не рана... – Немец открывает глаза и смотрит на медсестричку: – Простьте меня, фройляйн!.. Нас учили, что все русские – есть не человек, унтерменш!..

Вот я тебе сейчас такого унтерменша устрою, гаденыш, мало не покажется... Но немца несет далее...

– Фройляйн, битте... простьте меня! После наш разговор... Ви есть оказать мне помостчъ!.. Ваш офицер... должен билль... меня убить!.. Он есть везти меня в госпиталь... Ви есть спасти мой жизнь!.. Ви помогайт моя нога!.. Фройляйн!.. Я есть оччень просить... дать мне ваше прощений!..

Он перестает елозить по доскам, только дыхание с хрипами вырывается изо рта. Я молча смотрю на немца. Потом достаю из ножен клинок, поворачиваю лейтенанта на живот. Краем глаза заметив дернувшуюся Машу, перерезаю ремешок, связывающий руки, и помогаю сесть. Ганс, в смысле Карл, хватается за бортик повозки и замирает, не отрывая молящего взгляда от девушки. Она тихо отвечает:

– Я вас прощаю... Но оставайтесь человеком...

Вот и пойми что к чему, то ли у немчуры совесть разыграла, то ли очень уж не хочется объяснять в контрразведке причины, побудившие нарушить Конвенцию...

Глава 17

Оказывается, капитан Валерий Антонович Бойко – змий еще тот! Искуситель и издеватель! Приехал к нам на базу, посмотрел на занятия с вновь прибывшими добровольцами, оценил арсенал, нажитый непосильным трудом, в смысле – глянул на нашу военную добычу. Затем получил в подарок трофейный «люгер» и огорчил решением использовать меня как курьера. Типа некому в корпус директиву отвезти. Я ему с пеной у рта начинаю доказывать, что нам заниматься и заниматься надо, а он стоит и улыбается. И никак его не пронять! И ведь благодарен я должен ему быть – провернул тогда приказ о присвоении званий буквально за сутки. Это уметь надо, да и знать, к кому и как подойти. И теперь наш дружный коллектив – это вахмистр, трое приказных и десяток рядовых. Ах, да, забыл! И прапорщик в качестве командира!..

А теперь вовсю пользуется правами благодетеля! И далась ему эта директива!.. Нет, ведь обязательно я, и обязательно со своими бойцами в качестве конвоя!.. Хорошо, что штабной автомобиль дает, с ветерком поедет. Отмазаться не получается. Я уже смирился с тем, что день потеряю, а он, змеюка-искуситель, сообщает мне, что есть у него еще одно поручение, которое я якобы выполняю с удовольствием! И на мой вопросительный взгляд сообщает с невинным видом, что я бы мог заехать в известный госпиталь и забрать Анатоля Дольского! Того уже выписывают, а мне – по пути... И стоит с довольным видом, рассматривает мое выпадение в осадок! Видать, приятно ему, черт возьми, подчиненного в долг вогнать! Так и обнял бы его крепко-крепко, до асфиксии! Издеваться изволите, ваше благородие? Знаете ведь, что от такого предложения я не откажусь! И с удовольствием поеду забирать Анатоля в госпиталь!.. И соберусь очень-очень быстро!.. И не дай бог, мои орлы будут собираться медленней меня!

...Решил брать с собой двоих, ехать недалеко, да и не так чтобы опасно. Михалыч Гриню себе в помощь оставил, с оружием разбираться, а мы с Митяем и Андрейкой – переодетые, чистые и надраенные – отправились на выполнение «очень важного и ответственного задания». Когда выехали из города, упросил шофера дать порулить, и теперь я сижу за рулем и давлю на газ... Ну, что сказать с точки зрения водителя начала следующего века?.. Руль тугой, тормоза слабенькие, про синхронизаторы в КПП можно и не вспоминать. Скорости переключаются в два нажима

сцепления, с перегазовкой, как на грузовых. Зато – романтика, нет такой обезличенности машины, как в мое время... Водила сначала переживал за свой «Даймлер», потом смирился с неизбежным, да и я не так уж и лихачил.

До корпуса добрались быстро, сделали все дела, и снова я за баранкой. И каждый метр, каждая секунда, каждый удар сердца приближает меня к госпиталю! Еще чуть-чуть, и мы приедем!.. Как там, в песне: «Вот эта улица, вот этот дом...»? Вот и знакомые ворота, знакомое крыльцо. Чуть ли не бегом несусь в палату к Анатолю. Быстренько здороваюсь, мол, давай собирайся, а мне некогда... А это, еще одно приключение на мою голову печально повествует мне, что он, поручик Дольский, нашел в этом госпитале мечту всей своей жизни и что, как следует не попрощавшись с ней, никуда не поедет. А заодно даст младшему товарищу, то бишь мне, пару часов времени, чтобы и я мог повидать некую особу, которая по наблюдениям всего госпиталя и его личным, после отъезда господина прапорщика, ходит грустная. И наверное, только в силах вышеозначенного прапорщика эту особу развеселить... Я быстро соглашаюсь с тем, что до темноты мы вернемся, даже если и выедем попозже, и выскакиваю в коридор, чтобы бежать искать... А вот где мне ЕЕ искать? В перевязочной?.. В операционной?.. Надо идти к Михаилу Николаевичу, он здесь самый главный... Вперед, аллюр «три креста»!..

А вот и его кабинет. Из-за приоткрытой двери доносится голос старого доктора:

– Ну что же вы, голубушка... Сейчас всем трудно, но раскисать нельзя... Надо надеяться и верить в лучшее...

Аккуратно стучу в дверь и вхожу:

– Здравствуйте, доктор! Простите, что помешал...

– Да никак Денис Анатольевич к нам пожаловали-с! – удивляется тот. – Рад вас видеть, какими судьбами?

Он поворачивается к медсестричке Кате, которая сидит с удрученным видом:

– Катенька, идите к себе... И не забивайте голову дурными мыслями! Все образуется...

– Михаил Николаевич, я к вам ненадолго. Заехал забрать Анатоля, мы теперь служим вместе...

– Забирайте, и побыстрее! А то он Екатерине Андреевне проходу не дает! Девочке надо о раненых думать, а не о гусарах! Сегодня вот лекарства больным перепутала, слава богу, ничего страшного не случилось. Но ведь могло! А она только о вашем Анатоле и мечтает... Ну, ладно... Это я по-

стариковски разворчался. Вы, как я понимаю, тоже хотели бы видеть кое-кого?

– Да, доктор...

– Дарья Александровна сегодня после ночного дежурства, отдыхает. Ну да я пошлю кого-нибудь, чтобы ее позвали.

– Только, пожалуйста, не говорите про меня...

– Хорошо, я ее вызову в кабинет, а вы посидите, подождите здесь.

– Спасибо вам огромное, доктор...

Михаил Николаевич выходит, слышно, как он кого-то из сестер отправляет за Дашей. По очень срочному делу. А сердечко-то колотится, места себе не находит... И ручонки дрожат... Как же медленно тянется время!..

Услышав легкие шаги в коридоре, встаю за дверью и, когда Даша вошла, закрываю ей глаза руками и шепчу на ушко:

– Угадайте, кто пришел?

Она резко поворачивается, обвивает руками мою шею... Господи, какие вкусные у нее губы!

– Ты приехал!.. Я знала, что ты приедешь!..

Потом высвобождается из моих объятий, поправляет косынку, лукаво улыбается...

– Ты мне сегодня снился, а потом мне приснился черный пушистый кот... Он запрыгнул ко мне на колени и стал мурчать и гладиться...

Ну, вот что я могу на это ответить?..

– Мур-р!

Она звонко смеется. Потом становится серьезной, только в глазах пляшут веселые искорки.

– Пойдемте, Денис Анатольевич, я угощу вас кофе. Кофе по моему новому рецепту!

– Да, Дарья Александровна, я буду просто счастлив отведать сей напиток! – Тут уже мы оба смеемся. И идем пить кофе...

Я сижу за столом в «гостиной», той самой, где проходили посиделки, и люблю Дашей... Ее фигуркой, плавными движениями, улыбкой, веселым взглядом. А она разожгла спиртовку, поставила на нее сеточку-рассеиватель и теперь колдует над туркой. Что, впрочем, не мешает ей разговаривать со мной и делиться последними новостями:

– Знаешь, Денис, когда ты уехал, я места себе не находила. А потом мне в первый раз приснился черный кот. Я сначала испугалась, ведь черный кот – к несчастью, но он был такой милый, так мяукал и урчал, что страх ушел и я стала его гладить... А потом мне ты приснился... А кот мне

снится почти каждый день...

– Даша, я каждый раз перед сном загадываю желание, чтобы мне приснилась одна очень красивая рыженькая медсестричка... И каждый раз мое желание сбывается!

Даша при этих словах нарочито возмущенно смотрит на меня:

– Все вы мужчины – изменники и ловеласы! Не успел из госпиталя выписаться, ему уже какие-то дамы по ночам снятся!..

– Ну, за мой моральный облик можешь быть спокойна, твоя младшая сестренка всегда со мной и все контролирует. Если что, сразу тебе наябедничает. – С этими словами расстегиваю китель и достаю из внутреннего кармана «куклу Дашу» и две плитки бельгийского шоколада. – Я ее пробовал даже задобрить сладким, но она гордо отказалась и сказала, чтобы отвез вкусненькое старшей сестре...

Даша прыскает в кулачок – кукла, обнимающая шоколад, выглядит уморительно.

– А по ночам мне снится мой «ангел милосердия» Дарья Александровна, которая мне очень нравится...

Я подхожу к Даше и пытаюсь ее обнять, но она мягко отстраняется.

– Денис, подожди, не мешай, а то кофе сбежит...

– Далеко не убежит, непременно догоним!

Снова звонкий смех...

– Я представляю, как грозный прапорщик Гуров гонится по коридору за кофе...

– И обещает его расстрелять, если он не остановится...

И все-таки смеющаяся Даша оказывается в моих объятиях... Кофе чуть не сбежал...

...Нашему уединению вскоре помешали. Дверь открылась, и в комнату вошли Анатолий с Катей.

– Вот так встреча! – Дольский широко улыбается. – А мы хотели кофию испить...

– Садитесь, сейчас я еще заварю... Ой! А кофе кончился! – Даша огорчается. – Что же делать?

Я спешу на выручку:

– У меня есть мысль, и я ее думаю! Если здесь нет кофе, то надо поехать туда, где он есть!

– Мысль отличная, Денис Анатольевич, но на чем мы туда можем поехать? Извозчиков здесь нет.

– К вашему сведению, Анатолий Иванович, ваш непосредственный начальник прислал за вами авто, так что вопрос с транспортом решен.

– А водитель пошел вместе с казаками обедать...

– А мы и без водителя справимся. Я умею управлять авто, побуду за извозчика, может, и на чай заработаю. Заодно и наших дам прокатим с ветерком!

Предложение покататься было встречено с энтузиазмом, и мы через десять минут уже ехали в «одно восхитительное место, где готовят отличный кофе», по словам Дольского, который взялся показывать дорогу. Я смотрю на Дашу и многозначительно улыбаюсь, она отвечает мне такой же улыбкой. Кажется, мы оба знаем, куда едем...

– Здравствуйте, уважаемый! – Победно глядя на удивленного Анатоля, я первым приветствую Лейбу, который вышел посмотреть на авточудо, остановившееся возле его кондитерской. – Мы приехали еще раз восхититься вашим искусством! И нам очень хочется кофе!

– Таки вы всегда правильно знаете, к кому обратиться! Заходите, пожалуйста, старый Лейба выполнит все ваши пожелания!..

Мы просидели в «восхитительном месте» около часа, пока не перепробовали все виды вкусняшек, потом, попрощавшись с кондитером, поехали обратно в госпиталь. Во двор нам заехать не удалось, он был забит санитарными повозками, на которых лежали раненые. В одном месте даже образовалась толпа, и мы подошли узнать, что там происходит...

Говорят, у древних римлян был обычай – в самый разгар пира вносить в трапезную человеческий скелет, типа – «помни о смерти»... То, что мы увидели, ударило по глазам, как обухом по затылку... На земле стояли носилки, рядом с которыми неподвижно сидел крепкий, широкоплечий молодой солдат. Сидел и держал неестественно вывернутую руку лежавшего человека. Точнее, того, что раньше было человеком...

Даша, прижавшись ко мне, тихонько охнула:

– Кто же его так?

– Известно кто – германцы... – раздается негромкий голос из толпы. – А рядом эта... брательник евонный сидит и унести не дает...

Над раненым всласть поиздевались. Выколотые глаза, расплющенный нос, перебитые в суставах руки и ноги, и... огромные кресты на груди и животе, выжженные, скорее всего, каким-то железным прутком и потом засыпанные землей...

Даша всхлипнула, уткнувшись в мое плечо... Сидящий рядом с носилками поднял голову и, глядя невидящими глазами, спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Как же я мамке теперь отпишу про Ваньку?.. Что я ей говорить буду?..

– Как это случилось? – я не узнал своего голоса.

– Германцы из пушек стрелять начали, мы с ним вместе в окопе сидели, так нас одним снарядом и накрыло... Меня в беспамятстве вытащили, а Ваньку не успели – они в атаку пошли... А сегодня утром перед окопами брата и нашли, дышал еще, видно, ночью тихо нам подкинули... Чтобы страшно нам было с ними воевать... Я его в госпиталь повез... да он по дороге и кончился...

Я резко разворачиваюсь и иду прочь. В голове колоколами стучит пульс, горло сдавливает от ярости... Кто-то трогает меня сзади за рукав, что-то спрашивает... Я рычу сквозь зубы:

– Я буду мстить!!!!..

Две маленькие прохладные ладошки прикасаются к моему лицу, обволакивающе и расслабляюще гладят, как будто умывая...

– Успокойся, Денис! Ради бога, успокойся! Пойдем... – Даша ведет меня в корпус. – У тебя такое лицо... Тебе надо успокоиться!..

...Когда Анатоль собрался и я попрощался с Дашей, вышедшей вместе с Катей проводить нас в дорогу, перед самым автомобилем к нам подошел тот солдат.

– Вашбродь, дозвольте обратиться... ваши казаки гутарили, будто вы германца здорово бьете. Возьмите меня, за брата поквитаться надо. Отомстить за Ваньку хочу!..

– Через три дня, если не передумаешь, отдай доктору записку. – Я пишу на страничке блокнота просьбу к Михаилу Николаевичу направить солдата ко мне...

Глава 18

...Мы сидим в окопе и ждем, когда заснут немцы. Те самые, что замучили до смерти солдата, увиденного нами в госпитале... Проходы в колючке сделаны еще сутки тому назад, когда в разведку сходили. Ну, да обо всем по порядку...

Когда я привез Дольского, сразу рассказал Валерию Антоновичу о том, что видел в госпитале. И предложил нанести «удар возмездия». Тот сначала наотрез отказался санкционировать операцию, но Анатолий подключился с личными впечатлениями, так что в итоге Бойко сдался, но предупредил, что по этому вопросу он обратится к командующему. Его превосходительство затребовал нас для дачи объяснений, но когда мы разобрали по пунктам «Наказ Русской Армии о законах и обычаях сухопутной войны», высочайше утвержденный еще в 1904 году, то зацепились только за фразу «Объявлять, что никому не будет пощады». В итоге, после наших горячих заверений в том, что германцы эту самую пощаду просто не успеют попросить, генерал разрешил действовать, но предупредил, чтобы операция была подготовлена как следует. И еще дал добро забрать Федора, солдата из госпиталя, в группу и попробовать его в деле... Тот сейчас сидит тихонько рядом со мной, ждет команды «Вперед!». Прибыв к нам на базу, он испытал настоящий шок от увиденного (чем и как мы занимаемся), и теперь у него в голове доминируют две мысли: отомстить за брата и продолжать воевать вместе с нами. Дольский тоже принимает участие в операции, но по отсутствию специфического опыта возглавляет прикрытие с трофейным «мадсеном»...

Карабины и шашки оставили на нашей стороне, в окопах ими неудобно будет сегодня работать. С собой взяли люгеры, наганы, гранаты да холодняк. В руках только бебуты, и только у отдельных счастливицков – «Оборотни».

Наша задача – тихо прийти, вырезать всех и уйти, оставив на прощание записку. Перед выходом я собрал всех:

– Сегодня мы не будем воевать. Сегодня мы будем мстить. Уничтожать тех тварей в человеческом облике, которые войну превратили в кровавое пиршество, получая удовольствие, от мучений и истязаний раненых, попавших к ним в плен. Они уже не имеют права называться людьми, потому что перешагнули ту границу, что отделяет человека от Зверя. Поэтому я не буду сегодня приказывать идти на задание. Каждый волен сам

решать: идет он уничтожать Зверя или нет. Но, помните, убивая, нельзя уподобляться ему, поэтому – ничего сверх смерти. Это они могут выкалывать глаза, жечь каленым железом, а мы не имеем на это права. Я свой выбор сделал. Сделал тогда, когда в госпитале увидел замученного солдата. Умершего не от ран, а от нечеловеческой жестокости. Я иду мстить. Со мной идет Федор, это его брата замучили. Кто хочет идти с нами, встаньте!..

Встали все...

...Когда немцы уgomонились, мы выждали еще час и начали «работать». Разведчики ушли вперед, открыли два прохода в заграждениях и остались там, мигнув основной группе фонариками. Бесшумно и незаметно поползли две темные «змеи» к немецким окопам... Роли были расписаны заранее, еще вчера. По два человека должны прикрывать основные группы от «соседей» слева и справа, а заодно поставить растяжки из трофейных гранат. Остальные разбились на боевые двойки и сейчас занимали свои места возле блиндажей, где спали германцы. Я проползаю немного дальше окопов, ближе ко второй линии, разворачиваюсь и жду... Через пару минут в темноте мигают три фонарика, потом с задержкой – четвертый. Все готовы! В ответ мигаю два раза, через пять секунд – еще раз. Почти одновременно с последней вспышкой приглушенно грохнуло несколько раз – каждая двойка в этот момент закинула в блиндажи по паре «колотушек» и захлопнула двери. Сейчас бойцы уже внутри, проводят контроль...

Через пять минут все было закончено. Все двойки собрались вместе, доложились и ждут команды на отход. У нас потерь нет, да и странно бы было, если б они появились. Я прекрасно понимаю, что убивать спящих – жестоко, но сегодня не тот случай. Именно этот взвод издевался над Фединым братом, и у меня нет ни малейшего желания разбираться, кто это сделал персонально. Отвечать будет подразделение! И отныне будет только так! Об этом и говорится в записке, приколотой трофейным штык-ножом ко входу одного из блиндажей...

Через три дня два российских пилота получили необычное задание: загрузить в свои аэропланы объемные пакеты и, пролетая над германскими окопами, разбросать листовки. Молодые авиаторы, привыкшие к постоянной игре со смертью в воздушных боях, хотели было оскорбиться использованием их в качестве почтальонов, но сопровождавший эти пакеты капитан с изуродованным ухом сказал, что это – личная просьба командующего, и дал им почитать одну из листовок.

«Германские солдаты!»

Сейчас идет война, и мы находимся по разные стороны фронта. Но существуют законы Божьи и человеческие, цивилизованные правила ведения войны. Советуем вам не забывать об этом, так же, как и о гуманном обращении с пленными и гражданскими лицами. Те из вас, кто не будет этого делать, – умрут! Вместе со своим подразделением. Один из ваших взводов уже уничтожен за пытки и издевательства над ранеными. Не спешите с ними встретиться!

Неуловимые мстители»

Глава 19

В это воскресенье нас своим визитом снова порадовал капитан Бойко. И приехал он не один, а со священником. До этого мой взвод наставлялся на путь истинный приезжавшим из соседнего полка отцом Орестом, который очень напоминал мне представителей Церкви в крутые девяностые. Приедет на воскресный молебен, уже «причастившись» как следует, пробубнит все положенное по случаю, развернется, и поминай, как звали. У солдат отношение к нему было соответствующее. В принципе, меня это устраивало. Чем меньше людей знает о нас и лезет в наши дела, тем меньше разговоров будет ходить, обрастая слухами и небылицами.

Все утро я добросовестно отдыхал от трудов ратных. Но как это повелось в армии со времен Петра Алексеевича, отдых состоял в смене вида деятельности. Потому сидел и сражался с самым неистребимым противником – служебным делопроизводством. Вооружившись пером, которым, к сожалению, владел хуже, чем ножом, я в который раз пытался пробиться сквозь врожденную патологическую скупость интендантов и обосновать необходимость дополнительных комплектов обмундирования, обеспечения мылом и усиленным питанием своего подразделения. Про оружие и боеприпасы я вообще молчу! Понадобилось личное распоряжение командующего с подачи капитана Бойко, чтобы эти скряги и крохоборы выделили нам два ящика трофейных винтовочных патронов. И еще возмущались таким расточительством, ослики тупые! Хотя, для интендантства и высшего командного состава, во всяком случае, отдельных его представителей, это – типично-характерная черта.

Тогда же Валерий Антонович рассказал аналогичный случай времен русско-японской войны. Когда на рапорте начальника отряда подлодок о выдаче французских свечей зажигания к двигателям каким-то шибко умным адмиралом была начертана резолюция: «Достаточно двух фунтов казенных стеариновых»...

Сквозь открытое окно раздался шум приближающегося автомобиля, а чуть позже послышалась и легкая суета на входе, обычно свидетельствующая о явлении высокого начальства. Однако отсутствие обязательного для такого случая зверообразного рева дежурного: «Смирно!!!» и следующего за ним раскатистого рапорта: «Ваше превосходительство...» – позволило несколько расслабиться и вернуться к ненавистой бумажной тягомотине. Путаясь в казуистике казенных

оборотов, я проигнорировал звук шагов по лестнице, тем более что он не сопровождался позвякиванием шпор.

Поэтому неожиданно раздавшиеся слова: «Мир дому сему» заставили меня буквально подпрыгнуть на стуле. Передо мной стоял невысокий, чуть полноватый, с прямо-таки шикарной седой бородой и шевелюрой батюшка, на вид – годков за шестьдесят. По-отечески улыбаясь и давая мне время прийти в себя, хорошо поставленным басом он представился:

– Я – иеромонах Александр Завьялов.

Ого, а батюшка-то непростой. Фиолетовое облачение, кажется, просто так не носилось, а разрешалось за какие-то заслуги. Ладно, придет время, узнаем...

– А это – наш герой, организовавший последнее дело, – присоединяется к разговору капитан Бойко, как всегда незаметно, по-кошачьи, вошедший в комнату. – Здравствуйте, Денис Анатольевич! Решил вот провести вас, посмотреть, чем занимаетесь.

– Всегда рад, Валерий Антонович! Вверенные под мою команду нижние чины в данный момент находятся в казарме, ждут команды строиться на молебен.

– Вот ваш новый священник, дивизионный благочинный отец Александр. Он согласился подменить отца Ореста...

– На то время, пока отец Орест не исполнит епитимию, наложенную на него протопресвитером, да не освободится от греха винопития, – рокошет новый батюшка, усмехаясь в бороду. – А это – дело не быстрое.

– Строить взвод на богослужение, отец Александр?

– Сделайте милость, господин прапорщик. Небось рассупонились, лежебоки, минут пять собираться будут, – басит монах, испытующе поглядывая на меня.

– А вот и нет, отче. Здесь, как я понял, все делается очень быстро, – поясняет Бойко, затем поворачивается ко мне. – Денис Анатольевич, покажите отцу Александру то, что вы демонстрировали мне в прошлый раз.

Поймав мой вопросительный взгляд, поясняет:

– Отец Александр знает, что у вас не совсем обычное подразделение. И не совсем обычный командир. Почему и будет приставлен к вам.

Так, понятно. «Замполита» или «Зоркого Глаза» мне на шею посадить хотят. Ну, может, оно и правильно, посмотрим, что дальше будет.

– Ну, что ж, пойдемте...

Мы выходим из казармы, отдаляемся на пару десятков шагов и останавливаемся. По дороге я подбираю небольшой камушек и, повернувшись к крайнему окну казармы, кидаю его внутрь и высвистываю

«Тревогу». Валерий Антонович с отцом Александром стоят поодаль и наблюдают за происходящим. Из двери и окон вылетают мои орлы и орлята второго набора. Часть не по форме, кто – без фуражки, кто – без гимнастерки, но все – с оружием. Две секунды, и все изготовились к стрельбе.

– Отбой вводной! Привести себя в порядок! Построение через две минуты!

Подзываю Митяева:

– Михалыч, на тренировках хуже получалось, секунд десять. А сегодня что за праздник такой?

– Командир, мы ж тоже не лыком шиты. Как ты вместе с начальством вышел, да еще камень поднял, так оно и понятно стало, что дальше-то будет, это – к бабке не ходи. Вот я всех по окнам и рассовал...

– Ну, вы и артисты!

– Как учили.

– Ладно, молодцы! Строй взвод, сейчас нового батюшку представят, и пошагаем на молебен...

Отец Александр проводил службу иначе, чем его предшественник. Было видно, что молитва для него не нудная обязанность, не пустой ритуал, доведенный до автоматизма и поэтому не требующий никаких душевных сил. Он не читал молитву, он действительно молился. И за себя, и за тех, чьи души были вверены в его окормление. Мои бойцы тоже это почувствовали. Даже казачонок второго набора Егорка, егоза и хулиган, получивший в прошлое воскресенье от меня хорошего командирского леща за попытку помяукать в тон отцу Оресту, повторял слова молитвы с каким-то серьезным, взрослым выражением на лице. После окончания службы наш новый батюшка обратился к группе с проповедью. Прочитав небольшое поучение из Евангелия об укрощении Господом бури на море, он увещевал солдат веровать, что Он и среди военных бурь, сражений и походных трудов всегда со своим православным воинством, только надо крепко верить и усердно молиться Ему о даровании победы над супостатом.

После окончания службы отец Александр в сопровождении Бойко подошел ко мне.

– Денис Анатольевич, ежели надобность во мне возникнет, – обращайтесь без всяких сомнений.

– Благодарю, отче. Пока что проблем душевных не возникало.

– Ложь есть грех, господин подпоручик. А ложь лицу духовного звания – вдвойне. Вижу в вас душевную борьбу и терзания, – батюшка

пристально смотрит на меня. – Но не готовы еще вы к разговору. Как сподобитесь, найдите меня...

Глава 20

По славному русскому обычаю – праздновать все, что только можно, организовываю то, что гораздо позже будут называть коллективной пьянкой. Второй раз уже. И в обоих случаях являюсь виновником торжества. В первый раз действо называлось представление, то бишь вливание в коллектив. В обоих смыслах. И влился в славный коллектив разведотдела, и влил в него две бутылки шустовского коньяка. Мог и больше, но Валерий Антонович воспретил ввиду большого на тот момент объема работы. Поэтому мероприятие было достаточно кратким. Всю торжественность отложили до следующего раза. Все присутствующие выпили по паре рюмок, закусили папиросами и шоколадом, и пошли работать дальше. А я был послан набирать казаков-добровольцев.

Ныне – другое дело. С утра был вызван в разведотдел, где под многозначительные улыбки почти всех господ офицеров Валерий Антонович сначала попенял мне за нарушение формы одежды, тем самым вогнав в состояние безграничного недоумения, а затем поздравил с присвоением чина подпоручика. И тут же предупредил, что, с одной стороны, несоответствие в количестве звездочек на погонах необходимо исправить как можно быстрее, а с другой – существует определенный негласный ритуал сего действия, и что к нему нужно как следует, вдумчиво и, не торопясь, подготовиться.

Анатоль Дольский подробно описал как, что и когда должно происходить, хотя ничего нового, за исключением мелких нюансов, я не услышал. Все это уже проходило, когда получал старлея. Поэтому, никуда не торопясь, обстоятельно готовлю процесс обмывания звездочек и таинство превращения прапорщика в подпоручика. И пусть мне кто-нибудь докажет обратное! По еще несостоявшейся будущей жизни помню, как обижался на начальника отдела в первый год службы, когда тот обращался: «Товарищи лейтенанты и офицеры!» И только получив третий «гвоздь» на плечо, да посмотрев на то, что выпустилось после меня, на эти довольно жалкие потуги котят копировать повадки взрослых котов, понял, что старый майор был прав.

На данное мероприятие был приглашен весь отдел. Я с самого утра стал запасаться нужным количеством веселящей жидкости и провизии. В небольшом городке ресторана по определению не было, да и разговоры, которые будут вестись за столом, могли быть вредными для лишних ушей.

Поэтому предложение устроить пикник на свежем апрельском воздухе вызвало полное одобрение со стороны начальства в лице капитана Бойко. В качестве закуски решил использовать, как мне тогда представлялось, ноухау из будущего. Всем известные шашлыки, поименованные «свининой на шомполах по-фронтовому».

На заранее облюбованную полянку рядом со стрельбищем потащил охапку березовых чурочек под удивленными взглядами своих орлов. Удивление их, правда, длилось недолго. Гриня чуть ли не силой отобрал дрова, мотивируя тем, что: «Командир к нам – как к людям, в сотню праздновать погоны отпустил, ни слова потом не сказавши, а мы, шо, бусурмане какие? Вспомочь не можем?» Митяй с Андрейкой прихватили корзинки и поспешили следом. Так что мне осталось разжечь костер и готовить угли. Кусок ошейка еще вчера был нарезан и замочен в маринаде, совсем простом – уксус, вода, лук колечками, соль, перец и чуть-чуть растительного, то бишь постного, масла. Ни каких-то особых специй, ни лимона добыть не удалось, поэтому обходился простейшим рецептом. Итак, скатерть типа «поляна» расстелена на травке, бутылки, рюмки, тарелки с хлебом, весенним укропчиком, петрушечкой и зеленым лучком стоят как на строевом смотре ровными шеренгами. Угли скоро догонятся, бадейка с мясом в готовности номер один, шомпола лежат и ждут своей очереди...

И тут появляется сюрприз-нежданчик в виде Митяева, который на пару с Гриней тащит еще одну большую корзину. Поставив ее на землю, он берет под козырек и изрекает:

– Вашбродь, поздравляем с чином! Примите от казаков!

И теперь уже под моим удивленным взглядом достает из корзины горшки с солеными огурцами и грибочками, большой шмат одуряюще пахнущего копченого сала... и объемную, на четверть, бутыл с чем-то янтарно-золотистым. И я, кажется, догадываюсь с чем. Самогоночка на травках!

– Михалыч, спасибо! Откуда такое великолепие?

– Ну, я тут познакомился с одной... Вдовой-паненкой... Ну, она и поспособствовала из своих запасов...

Редкое зрелище, наверное, видеть Митяева смущенным и даже слегка покрасневшим. Вот, значит, к кому мой вахмистр по воскресеньям в гости ходит...

– Михалыч, передай казакам мою благодарность. Спасибо вам за поздравление...

Теперь дело осталось за малым – дожидаться честной компании,

которая не преминула появиться минут через десять, когда импровизированные шампуры были уже готовы.

– Здравствуйте, господин прапорщик!

– Здравия желаю, господа!

– Офицерское собрание разведотдела штаба армии прибыло в полном составе по вашему приглашению. Как старший по должности и званию, капитан Бойко делегирован нами для проведения церемонии. – Петр Иванович серьезен, как на докладе у генерала.

– Господа, я вижу, что господин прапорщик не готов к процессу. – Дольскому обязательно нужно погусарить. – Денис Анатольевич, а где же ваш боевой снаряд?

– Анатолий Иванович, я уже давно нахожусь в полной боевой готовности, – с этими словами достаю из корзинки граненый стакан с блестящими на дне звездочками, – Дело только за вами.

– Отлично! Поручик Дольский, вы назначаетесь тамадой!

– Слушаюсь, господин капитан!

– Петр Иванович, вам – обязанности виночерпия!

– Есть!

При этих словах чуть сдерживаю смех, маскируя его покашливанием, что, впрочем, не укрылось от Валерия Антоновича.

– Что-то не так, Денис Анатольевич?

– Извините, господа, вынужден отвлечься на две минуты к костру.

Раскладываю первую порцию на рогульки и возвращаюсь обратно.

– Итак, Анатолий Иванович, Петр Иванович, начинайте!

– Господин капитан, господа офицеры! Ваш покорный слуга имел удовольствие познакомиться с господином прапорщиком, будучи на излечении в госпитале. За то время, которое мы там провели, я узнал Дениса Анатольевича только с лучшей стороны. Имея возможность выйти в отставку в связи с контузией, тем не менее он настоял на отпуске по ранению, за короткое время восстановил свою форму и вернулся в строй. Более того, такие боевые навыки, как у него, я еще ни у кого не видел. Как вы знаете, я принимал участие в одном деле вместе с ним. Так спланировать и провести операцию по уничтожению взвода немцев может далеко не каждый кадровый офицер. Поэтому я рад, что господин прапорщик служит с нами в одном подразделении. Ваше здоровье, Денис Анатольевич!

– Благодарю вас, Анатолий Иванович!

Все пьют, кроме меня, естественно. Моя очередь впереди. Ритуал-с, блин!

– Господа офицеры, кто-нибудь еще желает высказаться? – Валерий Антонович серьезен и торжествен.

– Позвольте мне, господа! – Это уже поручик Ломов берет слово. – Вы все знаете, что моя основная обязанность – анализ разведданных, так сказать, аналитическая работа.

При этих словах опять еле сдерживаюсь от смеха, но на улыбку все-таки пробивает. Петр Иванович тем временем продолжает:

– Мне приходится часто беседовать с пленными, кое-какой опыт в этом есть. И я заметил, что «языки», приведенные господином прапорщиком, гораздо охотнее идут на разговор. И еще, когда я допрашивал офицера-артиллериста, тот поначалу кочевряжился, вел себя достаточно высокомерно. В это время по своим делам прибыл Денис Анатольевич и остановился послушать. Так вот с того момента обер-лейтенант стал очень разговорчивым и вежливым, но самое главное, он, глядя на господина прапорщика, непроизвольно держался руками за свою, пардон, задницу! Мне, господа, до сих пор интересно: почему немец себя так вел?

Объясняю сквозь общий хохот:

– Дело в том, господа, что когда шли обратно, приходилось подгонять немца, чтобы не тормозил всю группу. Лучшего способа, чем легкие уколы ножом в это место, я не нашел.

Все это приходится объяснять, манипулируя шомполами, чтобы мясо не подгорело.

– Так вот, я предлагаю выпить за удачу нашего прапорщика. За короткое время – три «языка», разоруженная артбатарея, взятый трофеем пулемет и уничтоженный взвод противника, причем без единой потери с нашей стороны! А казачки на него, как на икону, молиться готовы! Это – тоже редкая удача!

Вторая рюмка пролетела мимо. Чувствую себя как зритель в кинотеатре, то есть наслаждаюсь эффектом присутствия, и только... И выпадаю в осадок от фразы одного из офицеров:

– Решили старинный рецепт вспомнить, Денис Анатольевич? Мой дед рассказывал, они в турецкую кампанию вот так же мясо на углях готовили.

Вот вам и ноу-хау!

– Господа, третий тост – командиру! Господин капитан, ваше слово...

– Господа офицеры! Я так же, как поручик Дольский, познакомился с прапорщиком Гуровым в госпитале. И мое внимание он привлек одной короткой фразой, в которой четко обозначил цель этой войны. Денис Анатольевич, можете повторить еще раз для всех, в чем заключается долг российского офицера?

– Так точно, господин капитан. Долг офицера заключается не в том, чтобы умереть за веру, царя и Отечество, а в том, чтобы принудить врагов умереть за их веру, их кайзера и их фатерлянд.

– Лучше не скажешь! И вы начали доказывать это делом. Ну, а пока... – Валерий Антонович достает из нагрудного кармана кителя чистые погоны с одним просветом и протягивает мне, рядом появляется Петр Иванович с моим персональным стаканом, наполненным по самое-самое. Все стоят и с интересом смотрят, что же будет. А ничего особенного не будет. Берем стакан, делаем глубокий вдох, неспешно выцеживаем водку, ловим губами звездочки и раскладываем на погонах, «целуя» их. Выдох. Все... Все было бы гораздо сложнее, если бы незадолго до этого я не съел пару бутербродов со смальцем... Теперь – доклад: «Господин капитан, господа офицеры, представляюсь по случаю присвоения очередного воинского чина, подпоручик Гуров».

Стоим твердо, не шатаемся, речь внятная, вид адекватный. То, что надо...

– Господа офицеры, в нашем полку прибыло! – слова Бойко тонут в троекратном «ура!». – Анатолий Иванович, разрешаю объявить перекур.

Ну, а мы вторую очередь шомполов на угли положим. А пока это делаю, сзади подходят Валерий Анатольевич и Ломов.

– Денис Анатольевич, нам показалось, что вы как-то странно отреагировали на назначение Петра Ивановича виночерпием. Можете объяснить?

– Бога ради, Петр Иванович, не обижайтесь! Просто, зная род ваших занятий, мне на ум пришло другое объяснение слова «аналитик». Тот, кто проверяет «а налито ли у всех?».

Секундная пауза, потом даже не смех, а хохот, к которому, по мере уяснения причины, присоединяются остальные...

Глава 21

Утром состоялась интересная беседа с Валерием Антоновичем, которая поначалу носила характер монолога. Командир был явно выбит из колеи, и ему было просто необходимо выговориться перед кем-то из близких по взглядам и, естественно, умеющих держать язык за зубами. Первоначально я думал убедить начальство в необходимости расширения группы, но не за счет казаков, а технарями – артиллеристами и саперами, а также обеспечения разнообразным имуществом, инструкциями и циркулярами не предусмотренным. Но говорить мы стали совсем о другом...

– Денис Анатольевич, как вы знаете, положение неважное. На Юго-Западном фронте немцы с австрияками прорвали линию обороны в Горлице, теперь развивают успех в юго-восточном направлении. Наша Третья армия с боями отходит. Здесь, в Польше, противник также усилил давление. Командующий поставил задачу: выяснить все, что только возможно, о передислокации германских войск на участке нашей армии. Отслеживать постоянно и немедленно докладывать ему обо всех изменениях. Он ездил в Ставку на совещание, со слов его знакомого из штаба Юго-Западного фронта, генерал Дмитриев, командующий Третьей армией, буквально засыпал вышестоящие инстанции требованиями резервов, ссылаясь на данные разведки. Штаб расценил это как ложную демонстрацию, а Ставка его в этом поддержала. В результате – перевес немцев только по артиллерии в шесть раз. Оборона уже прорвана, а только сейчас на усиление отправлены войска. Будто это сможет что-то изменить! Я – не полководец, но чувствую, что придется и нам отступить, дабы избежать окружения.

– Господин капитан, жду постановки задач своей группе.

– Господин подпоручик, не разыгрывайте из себя тупого солдафона!.. – Бойко дерганными, нервными движениями достает папиросу и пытается прикурить. Спички ломаются одна за одной, и только с четвертой попытки ему это удастся. – Поймите, Денис Анатольевич, положение наше – тяжелое с тенденцией к критическому. Это я вам, как генштабист, говорю. Сейчас германцы будут выдавливать наши войска на север, чтобы потом совместно с Людендорфом окружить несколько наших армий здесь, в Польше. И, чтобы избежать этого, нам остается только отступить. Планомерно, вывозя все ценное, сохраняя войска для будущих сражений,

но – отступать! И уничтожать все, что не сможем вывезти!

– Валерий Антонович, я не актер захудалого губернского театра, дорвавшийся до бесплатной антрепризы! Как командир группы разведчиков, жду дальнейших указаний и постановки задач.

– Извините, Денис Анатольевич. Сорвался. После этого известия – все на нервах. Насколько я понимаю, планы кампании пятнадцатого года летят коту под хвост.

– Господин капитан, в нашей жизни все болезни – от нервов, один только люэс – от удовольствия.

Бойко недоуменно смотрит на меня, потом через силу усмехается и выдает в эфир:

– Ваша парадоксальная логика иногда ставит меня в тупик, подпоручик. Хотя должен признать, что с такой точки зрения воспринимать события легче. Но это как-то не вяжется с теми чувствами, проявление которых имел честь наблюдать в госпитале...

– Госпиталь – это очень личное, господин капитан. И давайте не будем касаться этой темы без крайней на то нужды.

– Простите еще раз, Денис Анатольевич! И не обижайтесь. Поверьте, я не могу, при всем моем уважении к вам, рассказать все подробности и детали...

– И не надо. Валерий Антонович, ставьте боевую задачу группе, и будем думать, как ее выполнить... А к запланированному разговору вернемся позже, после ее выполнения...

В результате этого разговора, постановки задачи и решения насущного вопроса «Что делать?» мы в полном составе уходим в рейд по германским тылам. Идут все, вооружаемся стандартно: карабины, пистолеты, ножи. Андрейка и Федор тащат свой «мадсен» с запасом патронов. Гриня засовывает в вещмешок импровизированную аптечку, а Михалычу я доверяю очень ценное имущество – фляжку со спиртом. Для дезинфекции и в качестве противошокового. Хотя лучше ее полную обратно притащить, нераспечатанную. Оставляем только лишние стволы и шашки, от которых толку будет немного. Казарму сдаем «на хранение» командиру учебной команды, нас приютившему. Старый штабс-капитан с протезом вместо кисти правой руки понимающе усмехается, глядя на наши сборы.

– Вы все-таки поосторожнее там, Денис Анатольевич.

– Андрей Владимирович, волков бояться – в лес не ходить. Вы присмотрите, пожалуйста, за нашим хозяйством, а мы скоро вернемся.

– Мне бы вашу уверенность, подпоручик... Тьфу-тьфу-тьфу, не буду каркать. Возвращайтесь все! А за хозяйством мы здесь присмотрим...

Линию фронта перешли ночью «на цыпочках». Ждали, пока часовой в окопе закемарит, замирали по пять минут, пока не пройдут немецкие патрули. Я запретил трогать кого-бы то ни было, пока не уйдем вглубь верст на десять. Ушли, добрались до небольшого лесочка и повалились там отсыпаться, выставив дозорных. Мне не спалось, сидел возле микроскопического костерка из веточек, оборудованного в ямке, и думал. О поставленной задаче. Она была достаточно простой: собрать сведения о тех частях немцев, что стоят против участка ответственности нашей армии. Кто стоит, зачем стоит, чем вооружены и так далее... В принципе, задача не такая уж сложная. Пройтись в тактическом тылу вдоль линии фронта, собирая информацию, потом выйти на стыке наших армий и передать данные. Только это все – на бумаге. А реальность согласно старинной русской пословице может изобиловать оврагами. И надо их обойти, желательно без потерь. Немцы – не дураки, могут прикинуть тенденцию пропажи солдат и поставить на нашем пути несколько засад. Поэтому не должно быть явно тянущихся в каком-то направлении следов. Все должно быть максимально хаотично и очень похоже на работу охотников. Тогда никто не догадается ловить у себя в тылу крупную группу разведчиков. Значит, нужно найти место постоянной дислокации и оттуда рассылать боевые двойки на разведку. Вот и ищем на карте это удобное и безопасное место. Ищем и пока не можем найти. Ладно, утро вечера мудренее, даже если вечер продлился до четырех ночи...

Наутро проснулся гораздо позже, чем планировал. Сказал же: разбудить через три часа. То есть в семь. А когда оклемался, солнце уже стояло в небе где-то на девять часов. И мой праведный командирский гнев разбился о честные оловянные глаза дозорных и фразу: «Михалыч сказал не будить до особого распоряжения». Оный же Михалыч, будучи отведенным в сторонку и выслушав все, что его командир думает о самовольных действиях в боевой обстановке, спокойно ответил, что с утра все действия группы, как то: смена дозорных, побудка, завтрак и прочие мелочи уже сделаны под его бдительным присмотром, а вообще-то, «командир должен думать, а не только шашкой махать», процитировав меня и героев фильма «Офицеры» с точностью до смысла. А для того, чтобы думать, нужно немного выспаться. Поэтому он – между прочим, целый вахмистр – и распорядился все утренние мероприятия провести без вмешательства командира, дабы тот, выспавшись, смог придумать, как им супостата лучше одолеть. И что вышеупомянутый вахмистр окажет всю необходимую помощь в обдумывании этого одоления. Сплюнув с досады, попросил этого шибко самостоятельного вахмистра больше

самодетельностью не заниматься, и мы пошли обдумывать план дальнейших действий, где я и озвучил ночные мысли.

– Смотри, Михалыч, судя по карте, мы сейчас – в этом лесочке. А он слишком близко к германской передовой стоит. Надо бы немного подальше в тыл немцам уйти, вот к этому местечку. Там и развилка дорог совсем рядом. И посмотреть, и поспрошать, если кто одинокий бродить будет, гораздо удобней. Да и в самой деревне немцы могут стоять. И лесной массив прямо к околице выходит. Вот туда мы и пойдём, но не сейчас, а так, чтобы с сумерками подойти. Если никого нет, устраиваемся с комфортом, если есть – ночуем в лесу.

– А сейчас надо пару-тройку казаков послать тропку разведать?

– Да, только посылаем две двойки вперед к деревне и по одной вправо-влево в стороны. Осмотреться, определиться. Может, соседи интересные попадутся. Остальные – охранение лагеря и резерв.

– Добро, командир. Сейчас отправлю.

– Собери всех, пару слов им скажу.

Через пять минут бойцы внимательно слушают последнее напутствие:

– Ваша задача сейчас – только наблюдение. Никакого геройства, никакой стрельбы. Незаметно пришли, посмотрели и незаметно ушли. Вопросы? Нет? Замечательно! Проверились, попрыгали, и вперед. Часа через три жду всех обратно. Всех! Понятно?..

К обеду все вернулись назад. Новостей особых не было. По бокам – лес, граничащий с полями. Впереди есть удобный проход по мелкой ложбинке. В самой деревне никого нет. Потому как сгорела полностью. Движения между развалинами не заметили. Но в километре стоит полуразрушенный фольварк, там можно переночевать. Значит, собираем группу и выдаем решение:

– Через час выступаем. Сейчас обед, потом – уборка. Чтобы после вас ни единой мусоринки не осталось. Оставить разрешаю только пару кусков немецкой газеты, использованной по назначению.

Стараниями капитана Бойко с продовольствием нам повезло. Взяли с собой недельный запас сухарей, тушенку и неизвестно откуда взявшиеся на складе бульонные кубики и концентрат какао с сахаром и сливками. В наших условиях – самое то. Быстро, калорийно и даже вкусно. Временами. Тушенка, сухарь, глоток бульона. На десерт – незаменимые чай и сахар вприкуску... Романтика!

К деревне выходим под вечер, когда только-только начинает темнеть и на западе горизонт занимается ярко-алым небесным пожаром с сиренево-дымными полосами облаков. На этом фоне черные обугленные головешки

кажутся пальцами, протянутыми к небу в отчаянной мольбе, и закопченные печи на пепелищах стояли траурными обелисками, памятными знаками чьей-то большой беды.

– Видать, хозяева жгли, когда уходили. – Вздыхает сзади кто-то из казаков. – Или наши порезвились вволюшку...

– Кака разница, лишь бы германцу не досталось, – вполголоса возражает ему невидимый собеседник.

– Дык ведь добра-то сколько сгорело...

Я уже подробно был наслышан о том, что все наши «полководцы» вплоть до дивизионных начальников и полковых командиров считали своим долгом отдать приказ на сожжение всего, что может гореть, при отступлении. И ведь, к сожалению, ничего никому не объяснить!.. Это каким же недоумком надо быть, чтобы сорвать людей с насиженных мест, сжечь у них на глазах дом, где жили, наверное, их деды и прадеды, и угнать с немногочисленным скарбом на восток. И потом надеяться на их лояльность и уважение? Да с такими беженцами никаких диверсантов не надо. Только спичку поднеси, и как полыхнет! А мне в курсантскую бытность такие сладкие песни пели по телевизору про мудрого царя, который не ел, не пил, не спал – все о России-матушке думал. Правильно на Руси говорят: «Бей своих, чтоб чужие боялись!»...

Фольварк был не в лучшем состоянии, но стены двух домов устояли перед огнем. Мы лежали в сотне шагов от них и ждали разведку, которая почему-то задерживалась. Наконец-то из сгущающейся темноты выныривает Егорка и, уже не таясь, направляется к нам с Митяевым.

– Командир, в хатах – никого, следов тоже нет.

– Михалыч, давай всех в большой дом, пусть располагаются, готовятся к ночевке, а потом посмотрим, что там во втором...

Размещаемся, можно сказать, с комфортом. Часть крыши уцелела, поэтому лежбище организовываем под ней, убедившись, что на голову ничего не рухнет. Пока бойцы обустриваются на ночлег, мы идем взглянуть на маленький домик. Тот стоит вообще без крыши, с выбитыми наружу окнами и дверью.

– Не иначе, гранату туда кинули, а, командир?

– Да нет, Михалыч, насколько я понимаю, тут что-то покрупнее рвануло. Граната, я думаю, так крышу не снесет. А вот снаряд – другое дело. И смотри сколько осколков. Не похожи они на гранатные. Ну, да и бог с ним, нам-то это без разницы. Вот здесь, возле окна место хорошее – все подходы из леса видны. Поставим сюда второй пост, и пусть дежурят. Давай прикинем варианты отхода, сектора обстрела по постам.

– Может, на всякий случай еще секрет поставить?

– Не надо, полгруппы не выспится. Так что всем свободным – отбой! А ты, Михалыч, завтра отсыпaeшьcя! До десяти утра. Лично прослежу!..

Глава 22

И ему это почти удалось. Ночь прошла спокойно, и только в предрассветных сумерках второй пост чирикнул «Тревогу». Все-таки тренировки сказываются. И в лучшую сторону. «Дежурный по костру», услышав сигнал, тихонько дотянулся до нас с Митяевым и командиров групп. А те в свою очередь легкими тычками разбудили остальных. Никто не вскакивал, не шумел, все бесшумно взяли оружие наизготовку, рассредоточились и всматривались в отступавшую темноту. Тлеющие головешки в ямке сверху, стараясь не греметь, накрыли заранее приготовленным куском кровельного железа, оставив маленькую щель. Двое казаков по кивку Митяева еле заметными тенями выскользнули наружу, через минуту один вернулся.

– Со второго поста заметили кого-то в лесу. Думают, что человека три, не больше. Сидят у опушки, смотрят на деревню, выходить, наверное, боятся.

– Гансы бы так себя не вели, – шепчет Михалыч. – Пошлем группу?

– Давай, но брать только когда из леса выйдут. И пошли пару в обход, посмотреть: не идет ли кто за ними.

Минут через десять терпение у лесных обитателей кончилось, и они, пригнувшись, попытались прокрасться мимо фольварка в сторону деревни. Далеко, естественно, не ушли. В зыбком рассветном свете было видно, как внезапно за их спинами возникли фигуры в балахонах-лохматках, а вот дальше нас ожидал сюрприз. Двоих казаки спеленали сразу, даром, что один нес штыковую лопату с обгоревшим черенком, у другого в руках был немецкий штык-нож. Упали на землю и больше не поднялись. А вот с третьим получилось не так гладко. Он будто спинным мозгом почувал момент нападения, дернулся в сторону, и атакующий казак пролетел мимо, напутствуемый пинком в копчик. Неизвестный одним движением развернулся навстречу второму, подкатился и подбил противника. Но и встать уже не успел. Подоспевший первый боец прыгнул ему на спину и жестко провел удушение. Второй, пользуясь ситуацией, моментально достал бечеву для вязки, приготовленный кляп, и через десять секунд все было закончено.

К нам подбежал Егорка:

– Командир, взяли троих. Вроде на наших похожи. Гриня с Мишкой их караулят. А так – все чисто.

...У стены лежали три человека, связанные по рукам и ногам. Ну, это Гриня умеет. По моему знаку он с казаком поднимает крайнего, ставит на колени. Потом протягивает мне отобранный штык от маузера и шепчет:

– В карманах и за голенищами у всех пусто.

Шепчу в ответ:

– Достань кляпы, разговаривать будем.

На меня в неярком утреннем свете смотрит заросший, всклокоченный, до черноты грязный мужик в изрядно излохмаченной солдатской форме русской армии.

Так, а ведь мы все в балахонах, формы не видно, карабины немецкие... А вот на всякий случай проверим их на «вшивость». Делаю знак рукой «тихо» Михалычу и начинаю спектакль:

– Вер зинд зи, русише швайне? (Кто вы такие, русские свиньи?)

И смотрим на реакцию. Собеседник широко раскрывает глаза, полные отчаяния, судорожно глотает... Так, товарищ в ступоре. Второй, весь какой-то округлый и мягкий даже с виду, лежит на земле и дрожащими губами что-то шепчет, похоже, «Отче наш» читает, глаза плотно зажмурены – сильно боится.

– Твою ж...!.. Опять немчура проклятая...

Это уже третий, которого заломать сразу не смогли. Внешне – самый опрятный, в смысле, видно, что следит за одеждой, даже сапоги почище, чем у других. Лет тридцать – тридцать пять, коренастый, плечистый, спутанная нечесаная борода, фиолетовый синяк на одной скуле, большая ссадина на другой, хотя мои его по лицу не били. Пронзительный злой взгляд... Столько ненависти в глазах я никогда не видел!

Похоже, не «засланцы». Добро, меняем язык:

– Ну, доброго вам утречка, славяне.

И теперь шесть изумленных глаз смотрят на меня, аж стыдно немного стало. Михалыч приходит на выручку и принимается за допрос:

– Ты кто таков будешь, мил человек? Откель здесь взялся и что делаешь?

– Бомбардир-наводчик шестой батареи семьдесят седьмой артиллерийской бригады Савелий Малышев. Из плена я бегу, трое нас. Сначала убежало с десятков, да немцы по следам собак пустили. Мы-то ручьем в сторону ушли, а остальных – порешили, наверное...

– Когда и где это было?

– Да дня три как тому назад. А где – не знаю. Шли на восход, отсыпались в лесу... А вы кто будете? Вы же наши, расейские?

– А вот это тебе знать пока необязательно. Ты посиди, отдохни

малость, а я с другими побалакаю. Гриня, давай второго, который вам всем чуть не навалял... Ты кто будешь?

– А человек я русский буду! Тока вот не знаю, кто вы есть и как к вам обращаться – тоже мне неведомо!

Пора брать дело в свои руки. Больно уж норовистый собеседник попался. Весь напрягся, будто пытаюсь порвать путы.

– А не боишься так разговаривать с русским офицером? За такое можно и под суд загреметь.

Собеседник даже оскалился по-звериному. Такое ощущение возникло – с волком, загнанным в угол, разговариваю. Вот этого силой не возьмешь. Скорее в глотку вцепится, умирая, но зубов не разожмет.

– Не вижу я тут ахвицеров! Каких-то мужиков в дерюжках вижу, а более – никого!

– Стоять! – Это я уже казакам, которые собрались поучить вежливости грубияна при помощи сапог. – Пока он несвязанный был, не сразу его одолели, а теперь уж чего силу показывать?

Неторопливо расстегиваю свой балахон, показываю погоны:

– Этого достаточно? Теперь будем разговаривать?

– Встал бы во фрунт, ваше благородие, да руки-ноги связаны. Стрелок второй роты первого батальона пятьдесят третьего Сибирского полка Семен Игнатов. Вместе с ними из этапного лагеря бежал.

– Это тебя в лагере так разукрасили? Германцы?

– Не-а, не только. Свои тож постарались. За то, что своровать у ранетых одежду да сапоги не дал.

– Я так подозреваю, им не меньше досталось.

– Руки-ноги не ломал, жить будут, паскуды.

– Ладно. Гриня, развяжи их и давай третьего сюда. Уже намолился за это время на год вперед, наверное.

– ...Ваше благородие! Обозный ездовой шестой батареи семьдесят седьмой артиллерийской бригады Платон Ковригин!

– Да не ори ты так, всех немцев в округе перебудишь. Тебя же обратно в плен и заберут.

– Не, никак не можно нам в плен. Очень уж там плохо. Мы лучше – к своим...

– Он со мной с одной батареи, ваше благородие, – поясняет бомбардир. – Нас тогда пятеро осталось...

– Так, добры молодцы, голодные наверняка? Митяй, твои сегодня кашеварят, добавь одну банку тушенки им на троих и чаю побольше заварите. Завтракаем и идем дальше. – Обращаюсь к бывшим пленным: –

Сразу много не дадим. А то с голодухи наедитесь, потом животами маяться будете, все кусты по дороге обгадите. Да и гансы по запаху без всяких собак след возьмут.

Ели быстро, но без суеты. Михалыч отдал новеньким запасную ложку, и они по очереди быстренько прикончили банку «диетического» продукта из говядины. Ковригин чуть ли не до блеска вылизал ложку, потом, глядя голодными глазами на казаков и скорчив умильно жалкую физиономию, попытался выканючить еще кусок сухаря, но сибиряк его приструнил:

– Платошка, уймись! Сейчас набьешь пузо до отвала, потом и помереть с обжорства могёшь. Я такое в тайге видел, как с голодухи мужики на заимке нажирались, потом от заворота кишок Богу душу отдавали. Тож так хочешь? Терпи! Вона, чай пей.

– Семен, а ты сам откуда родом будешь?

– Я-то сам, вашбродь, из Томской губернии, родом из села Колпашева...

– Ух, ты! Земляк, значит. Я тоже – томич. Доводилось про ваше село слышать. Говорили, богато живете.

– А чё не жить-то, земля щедрая. Обь да Кеть рядом, тайга вокруг богатая. Рыбу артельно ловили, опять-таки к вам в Томск везли. Опять же – кедровый орех, ягоды, грибы. На охоту ходил с малолетства. Как десять годков минуло, меня батя стал в тайгу с собой брать. Заимка у нас своя была. Лося, медведя добывали, пушного зверя били.

К нашему разговору стали прислушиваться.

– А в армию как попал?

– Батя меня женил пять лет назад, женка сама с Новониколаевска. Там и поселились. А когда война началась, меня, как запасного, и мобилизовали. В сентябре четырнадцатого года отправили на фронт, а второго ноября первый бой приняли, который чуть последним не оказался... – Семен испытующе смотрит на меня, потом решается говорить дальше: – Извиняйте, вашбродь, за правду. Командир наш, полковник Свешников, выгнал всех в атаку в чисто поле. Без артиллерии, без разведки, как коров на пастьбу. Германцы нас из пушек и накрыли. До окопов германских дойти даже не успели. Сам-то командир в окопе командовать остался. От полка за три дня человек триста строевых осталось. Свели нас в роту, да в соседний пятьдесят пятый временно отправили. Потом уже пополнение прибыло, снова мы полком стали. Тока вот офицеров старых осталось всего четверо, остальных сразу из школ прапорщиков прислали, – он зло сплюнул на землю и опять взглянул на меня, – молодых да зеленых, пороха не нюхавших...

– Не горячись, земляк. Я понимаю: плен, побег... Но начальство судить – не наше с тобой дело. А к немцам-то как попал?

– Охотников в разведку выкликали, я и пошел. Языка взяли, да, когда обратно ползли, сумел он, подлюка, тряпку изо рта вытолкнуть и на помощь позвать. На нас германцы и навалились, не сумел отбиться. Вот в лагере и оказался, там с Савелием и Платошкой сошелся. Потом, когда разговоры пошли, что в Германию повезут, бежать решили... Ну, а дальше – с вами повстречались...

Новое место дислокации организовали на другом краю леса, примыкавшего к фольварку. Нашли полянку с небольшим ручейком метрах в пятидесяти от края массива, выставили дозорных, затем я собрал всех оставшихся для постановки задачи:

– Слушаем все сюда и смотрим на карту. Через полчаса первая пятерка выдвигается для наблюдения к железнодорожной станции. Гриня, как следует проверь своих. Я и Андрейка идем с вами. За пулеметчика остается Федор. Остальные ждут нас здесь до утра. Михалыч, если мы не придем к рассвету, уводишь группу дальше, вот в этот лесок, там ждете нас до обеда, после продолжаете рейд самостоятельно. Но надеюсь, до этого не дойдет. Дальше, устрой новеньким банно-прачечный день, в смысле – пусть отмоются, приведут себя в порядок – ручей рядышком. С трех сторон не виден, а со стороны дороги – пошлешь пару человек в секрет на время купания. Пусть смотрят за ними и за дорогой.

Оборачиваюсь к «гостям»:

– Вам выход из лагеря запрещен. Мы вам верим, но это – необходимая предосторожность. Даже до ветру вдвоем ходить. Понятно?

И уже Митяеву:

– Посматривай за ними постоянно. Береженого Бог бережет... Все понял?

– Вопросов нет, командир.

– Ну, тогда мы пошли...

Глава 23

Отойдя несколько верст от леса, сделали мини-привал, где обговорили дальнейшие действия:

– Две двойки уходят влево и вправо, маскируются и отслеживают движение поездов на подъездах и на самой станции. Гриня, Андрей, берите себе по одному человеку. Я с оставшимися перехожу «железку», беру под наблюдение мост через реку. Наша задача днем – отследить все поезда, идущие и туда, и обратно. Кто, сколько и куда. И с чем. Обращать внимание на все непонятное и необычное. Посмотреть саму станцию, запомнить, что и где стоит. Осторожней с биноклями, могут «зайчика» немцам пустить. Наблюдать только из тени. Встречаемся здесь, когда сумерки начнутся. Ночью уходим по дороге в сторону фронта, берем трех языков. Узнаём, кто такие, запасаемся оружием и обмундированием для новеньких и уходим в лагерь. Так что гансов подбираем по размеру. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – Гриня и Андрей отвечают хором, остальные кивают головами.

– Тогда разбежались. И удачи вам, казаки!..

«Железку» мы перескочили спокойно. Может, немцы и патрулировали пути, но за двадцать минут лежания в кустах возле насыпи мы никого не заметили. Поэтому быстренько перемахнули через полотно и, прокравшись по кустикам две версты, вышли по речке к нужному нам мосту. Охрана объекта заключалась в том, что четыре ганса торчали парами по разным берегам и лениво перекрикивались друг с другом, дымя своими трубками. За все время по мосту прошло только три поезда: два товарняка и один «солдатский». Когда солнце уже стало садиться и мы собирались уйти к месту сбора, охранники оживились, привели в порядок внешний вид, даже как-то подобрались. Через минуту возле моста остановилась мотодрезина, обложенная мешками с песком, со стоящими впереди и сзади пулеметами. Видно, кто-то из немцев вспомнил хитрости англо-бурской войны и решил по образу и подобию слепить вот такой эрзац-броневик. С этого шедевра военной мысли в тусклом свете ацетиленового фонаря спрыгнул какой-то офицер. К нему тут же подлетел старший наряда (я разглядел в бинокль унтер-офицерские знаки различия на петлицах), вытянулся с докладом. Приехавший задал несколько вопросов, видимо, удовлетворился ответами и отбыл дальше на станцию на своем драндулете. Оставшаяся охрана, оживленно переговариваясь, заняла свои места и смотрела на

приближавшийся поезд. Паровоз, не торопясь, тащил десяток товарных вагонов, украшенных на центральных дверях германскими орлами. Замыкал состав пассажирский вагон, в окнах которого мелькали немецкие пикельхельмы.

А вот это уже интересней! Паровозная бригада – военная. Это, значит, раз. На десяток теплушек – целый вагон охраны. Это, значит, два. И по какой причине может быть такой ажиотаж? Я так думаю, что только по одной – они везут что-то важное или опасное. Завязываем узелок в мозгу на память и делаем запись в блокнотике. И смотрим дальше. А дальше в шесть часов со стороны станции к ним приходит смена. Ночная, удвоенная. Это мы тоже запомним. Слева чуть заметно подползает Егорка и шепчет:

– Командир, может, возьмем сменившихся? Сразу и ночную задачу решим.

– Нет, Егор. Здесь, как я понимаю, что-то важное возят или уже провезли. На мосту пока шуметь нельзя. Разберемся что к чему, тогда уже и повеселимся. Зови Антошку, уходим на точку сбора...

По дороге, правда, пришлось задержаться. Рельсы перешли благополучно, а вот версты через три, перед гравийкой пришлось остановиться. И все из-за того, что на ней притормозили до нас три ганса и один мотоцикл с коляской. Мы уже подобрались почти к самой дороге, как издали донеслось тарахтение моторов и появились германские предтечи байкеров. Семь мотоциклов неслись по проселочной дороге, оставляя за собой длинный пыльный шлейф. Треск моторов становился громче и громче, потом в эту симфонию бензиновых тарахтелок вплелся звук клаксона, исполнявшего сольную арию в стиле «Люди добры! Помогите, кто чем может!». Второй с конца мотоцикл свернул на обочину и остановился. Его «братья» последовали его примеру, и кайзер-байкеры, собравшись у виновника остановки, стали выяснять причину и степень серьезности поломки. Судя по многочисленным наклонам и сидению на корточках экипажа, что-то случилось с мотором. Остальные кригскамрады помогали ремонту своими шутками и гоготом. Это безобразие продолжалось до тех пор, пока самый старший из мотоциклистов не пролаял команду, по которой все расселись по своим седлам, и мотостадо, тарахтя и оставляя после себя клубы пыли и едкого дыма, унеслось в сторону станции.

Неудачники, оставшиеся ждать, наверное, ремлетучку, по очереди выполнили священный ритуал всех водителей – пнули переднее и заднее колеса своего железного коня и стали разводить в двух шагах небольшой костерок из веток, в изобилии валявшихся у дороги. Да, назвав это чудо

техники «железным конем», я сильно погрешил против истины. Мотоцикл, скорее всего, напоминал не полноценного коня, а сказочного конька-горбунька. К чуть-чуть раздувшемуся велосипеду приделали снизу движок от бензопилы «Дружба», подвесили на раму жестяную коробку в качестве бензобака и выпустили на большую дорогу. Но смех смехом, а коляска у него присутствовала, и не одна, а в компании с МГ-08. С моего места были видны даже коробки с запасными лентами.

Немцы время даром не теряют, и вскоре над костром уже закипает котелок. Весь экипаж микровундервафли располагается поближе к огню и ждет, когда можно будет испить кофейку. Ну, это они зря. Не то чтобы нам тоже кофе хотелось, хотя доносившийся запах был заманчив. Только пора уходить на встречу с остальными, а оставлять супостатов в тишине и блаженстве наступающей майской ночи не хочется категорически. Поэтому тихонько ползем поближе...

Егорка брошенным по мотоциклу камушком изображает металлический звук на дороге, прозвучавший неожиданно громко. Вся чужеземная троица тут же приподнимается с насиженных мест, хватается за оружие и начинает вглядываться в темноту. В сторону, противоположную от нас. Плохо вас учили, кайзер-зольдатен, зер шлехт! После света костра вам, чтобы что-то увидеть, проморгаться надо секунд десять, которых у вас уже нет. Короткий, почти бесшумный рывок к огню, захват за козырек каски, рывок на себя, удар другой рукой по горлу. Хруст чего-то внутри, хрип, бульканье. Удар на добивание... Второй немец уже валяется рядом со сломанной шеей. Третий успевает обернуться навстречу опасности, и Антошке приходится «порадовать» его ударом ножа в печень. Все-таки без крови не обошлось, придется отстирывать. Хотя для наших новеньких это всяко лучше, чем их обноски. Быстренько раздеваем гансов, забираем карабины, очередной «люггер» и все, что нам может пригодиться, – документы, жетоны, часы, фляжка со шнапсом... И чуть было не ушли! А байк? Немцам оставлять? Да ни за что!

– Егор, Антон, мотоцикл под откос, тушки туда же!

Лезу в коляску – поискать что-нибудь хорошо горящее. И сразу нахожу большую жестянку с маслом. Отлично! Теперь берем котелок, сливаем туда горючку из бака...

– Командир, а пулемет?!

– А пулемет останется здесь! Нам еще сколько по тылам бродить? Все это время ты его волочить на горбу будешь? Самому жалко, да ничего не попишешь.

Поэтому приводим в действие вариант «ни себе, ни гансам». Хорошо,

что на базе сходил несколько раз в учебку к пулеметчикам. Старые вояки-унтеры быстро научили разбирать и собирать максимку. Так, где тут этот шедевр американского гения немецкого розлива?.. Нажать на защелку, откинуть вверх крышку ствольной коробки, рукоятку послать вперед и удерживать правой рукой. Левой в это время беремся за боевую личинку, рукоять – назад, поднять вверх замок, повернуть на четверть оборота и снять с оси. Передаю железяку Егорке, утопим по дороге в какой-нибудь луже. Так, теперь используем трофейный штык в качестве консервного ножа и занимаемся художественной резьбой по водяному кожуху...

Ну, а сейчас поливаем скульптурную группу сначала маслом, потом бензином. И кидаем спичку. Ух, полыхнуло здорово! Если не считать маленьких нестыковок типа «а чегой-то они, раздевшись, возле моторрада валяются?», подозрения раньше утра у немцев возникнуть не должны...

– Все, уходим!..

При подходе к оговоренному овражку нас окликают условным свистом, и через пару минут мы уже внизу, где в ямке горит «пластунский» костерок, рядом с которым сидит Гриня.

– Командир, все высмотрели, все записали. Последний поезд пришел где-то к половине седьмого. Его германцы загнали в тупик и охрану отдельную выставили. Мы четырех часовых насчитали. Там еще вагоны стоят, но охраняют только эти.

– Видели мы этот состав. Там, похоже, что-то секретное привезли...

Продолжить разговор нам мешает очередной сигнальный свист, на который невдалеке откликаются без промедления. Через несколько минут к нам присоединяется Андрейка с напарником. Они докладывают, что и где видели, и тоже отмечают усиление охраны возле таинственного эшелона.

– Так, братцы. Если поезд загнали в тупик, то, скорее всего, дальше он не пойдет, будет стоять и ждать. Значит, мы имеем пару дней на другие дела, которые будем делать подальше отсюда, чтобы на станции не встревожились. Поэтому тихонько уходим к основной группе и там думаем дальше.

– Командир, а три сгоревших германца на дороге?

– До станции версты три-четыре будет. Расстояние довольно большое, надеюсь, что все обойдется...

К остальной группе добрались далеко за полночь, хорошо, что луна временами подсвечивала. Привычно обменялись опознавательными сигналами и через несколько минут были уже среди своих. Костровой успел разбудить Митяева, который подвесил над углями котелок с водой и с нетерпением ждал новостей. Но сначала доложил сам.

– Вокруг лагеря все спокойно, никто не шастал. Новенькие наши помылись-постирались, теперь отсыпаятся. У Платошки и артиллериста ноги сбиты, я их своей мазью попользовал.

– Это та, которая на топленом сале и пахнет – хуже не придумаешь?

– Командир, ею еще мой дед все раны да порезы лечил. – Михалыч делает вид, что обижается.

– Ладно, лишь бы на пользу пошло.

– Да, я тут с Семеном побалакал немного, серьезный он мужик. Мою мазь трогать не стал, попросился рядышком травок поискать. Знамо дело, пошли вместе. По лесу ходит – у нас не каждый пластун так сможет. Шагает, а ни травинка, ни веточка не шелохнутся, и не слышно ничего.

– Ну, так вы же степняки, к простору привычны, а он – лесовик, считай, полжизни в тайге провел.

– Допытывался про нас, я в ответ – молчок. Так он сам все мне и рассказал. Мол, для партизан – мало нас, оружие только легкое, да и безлошадные мы. Вот и выходит с его слов, что разведкой мы занимаемся, только больно далеко от своих ушли.

Какой умный Штирлиц нашелся! Все-то он подмечает! Прямо, шпиён какой-то. Или просто глазастый сибирский охотник... Ладно, к своим выйдем, – разберемся!

– Травки он свои нашел?

– Нашел, разжевал, к морде прилепил, а часть заварил и выпил, да еще и товарищей своих угостил. Сказал, что завтра красавцем будет. Нам тоже предлагал, да мы от греха подальше отказались. Ладно, вы-то как сходили? Удачно?

– Сходили удачно. Посмотрели на станцию, на мост, на охрану. Сегодня туда странный поезд пришел. Около него даже охрану отдельную выставили. Обратно шли, не смогли разойтись с мотоциклистами. Так что, три комплекта формы у нас есть. Там замаскировали под пожар, но на скорую руку, поэтому завтра отсюда уходим подальше. Через два-три дня гансы успокоятся, тогда вернемся, посмотрим, что сможем с этим составом сделать. А пока пьем чай, и – спать! Утро вечера мудренее...

Глава 24

Утро было не только мудренее вечера, но и оригинальней. Когда уже достаточно рассвело, проснулся оттого, что кто-то звал меня то ли наяву, то ли во сне, причем достаточно оригинальным способом:

«Старлей!.. Денис, просыпайся!..»

«Ну, и что это за глюки такие?»

«Это не глюки, а Денис, которого ты зовешь Первым».

«Доброго вам утречка, милостивый государь! Столько времени молчал, и на тебе – проснулся в самый неподходящий момент. Не мог потерпеть до возвращения? Захотелось в очередной раз в жилетку поплакаться?»

«А вот и не угадал, «номер два»! Давай перестанем пикироваться, и ты слушаешь меня. Это недолго, потом будешь дальше своим храпом майских лягушек пугать».

«О-па! Вот это что-то новенькое. Шутить научились, вашбродь?»

«Ты же сам говорил: «С кем поведешься – так тебе и надо!»»

«Так!.. Не хочу я сейчас соревноваться в изящной словесности. Слушаю внимательно».

«Во-первых, хочу серьезно и искренне сказать тебе «БОЛЬШОЕ СПАСИБО»! В прошлый разговор ты пообещал, что скучно не будет. Я не сразу тебе поверил, все это время просто смотрел, что ты делаешь и думаешь. Но когда начались боевые выходы, то понял, что имелось в виду. И, самое интересное, мне тоже захотелось принимать в этом участие. Умирать я больше не хочу! Хочу воевать по-настоящему, а не торчать в окопах и гонять солдат на пулеметы. Мешать тебе я не собираюсь, буду смотреть со стороны и иногда подавать голос, когда посчитаю нужным. Я не слишком сумбурно объясняю?»

«Нет, все предельно ясно. Типа будешь стоять в сторонке и подсказывать, когда в голову взбредет. Хорошо придумал! А потом тебе надоест, и ты начнешь мне мешать. В результате – сдохнем оба».

«Не угадал. Буду учиться у тебя и в некоторых случаях – страховать. Если ты, например, с дивизионным батюшкой будешь часто общаться, он сразу заподозрит неладное. Простейших вещей не знаешь, фразы не так строишь... Еще перечислять?.. Ты, как православный, должен знать наизусть «Символ веры», «Отче наш» и «Богородицу». Ты все это можешь вот так сразу рассказать? Я уж не говорю про правила политеса и

комплименты дамам».

«Ну, тут ты прав. Не могу».

«Или разговор с кем-то будет важным, а ты не заметишь и скажешь что-нибудь не так. А я в таких случаях буду рядом и подскажу. И вот тебе первая подсказка: вспомни, про что рассказывал Анатолий Дольский, когда твои звездочки обмывали».

«Да этот балабол о чем только не рассказывал. Рот не закрывался».

«Он, в частности, рассказывал про одного польского пана-аристократа... Не помнишь? Где тот пан обитал, а?»

Вот тут я окончательно проснулся. И вспомнил... Правила и нравы офицерской пирушки практически не изменились за прошедшие для меня десятилетия. Чаще всего встречалось два возможных сценария: когда позабыв на время о причине и виновнике торжества, крепко спаянный коллектив распадается на небольшие группы «по интересам», либо общим вниманием завладевает тот, кто заслуженно считается душой компании. Именно таким человеком и был Анатолий Иванович. А разговоры на войне, так или иначе, сводятся к ностальгическим воспоминаниям о маленьких прелестях мирной жизни. В перечень оных непременно входят карты, рыбалка, охота, баня, скачки и, естественно, дамы. Причем очередность обсуждения зависит от личных пристрастий рассказчика и общего градуса компании. Но в данном, конкретном случае Дольский превзошел самого себя, а быть может, и своего знаменитого предшественника, воспетого в стихах Дениса Давыдова, ротмистра Бурцева:

– Помнится, господа, аккурат после юбилея Отечественной войны двенадцатого года, служил я в этих местах старшим адъютантом штаба дивизии. Да, кстати, господин подпоручик, а почему бокал ваш опустел? Непорядок, сейчас исправим... Так вот, командир нашей дивизии был большим любителем охоты и особенно – парфорсной. Говорят, заразился сей страстью еще в академии. И на сим увлечении близко сошелся с местным польским аристократом...

Далее следовал рассказ, как Анатолий несколько раз сопровождал своего командира в весьма приятных вояжах в некий «охотничий домик», который, по сути, был двухэтажным каменным строением, стилизованным под рыцарский замок. Хозяином сего гостеприимного места был граф то ли Взбдышек-Храповницкий, то ли Хрен Его Знает Как Еще, который, по его собственным словам, состоял в родстве с несколькими «фамилиями» Пруссии, Австрии и, естественно, Польши. Впрочем, его гостей гораздо больше интересовали родословные графских охотничьих собак, чем «правдивое» генеалогическое древо самого графа. В стаю их сиятельство

умудрился собрать польских гончих самых чистых кровей и закономерно гордился этим... А находились его охотничьи угодья недалеко от городка Лович – той самой станции, где мы сегодня были. Со слов Дольского, граф даже хвастался, что название местечку было дано в честь охот – «ловитв», которые устраивали его предки...

«Хорошо, «номер раз», мысль интересную подкинул. Давай посмотрим, что получится из нашего дуэта. Но учти: Даша – это только моё! Понял?! Не смей вмешиваться!»

«Да, понял, понял... Мне с женщинами все равно не везет. Так что, тут ты – вне конкуренции. Думай, старлей...»

А думать особенно было не о чем. Покемарив до подъема, я поделился мыслью с Михалычем, и тот ее полностью одобрил. В смысле – сходить, посмотреть. В самом лучшем случае мы могли бы там пару раз переночевать, отсидеться в случае чего, а потом двинуть дальше. В худшем – не для нас, разумеется, – разжиться «источником информации» якобы очень благородного происхождения. В пророссийский патриотизм польского графа я не верил ни секунды.

Аристократы – вообще космополитичная банда, в смысле – каста. Многие не побоялись с российским мундиром носить траурные повязки по германскому принцу. И это было воспринято с пониманием. Как же – бомонд, блин!..

Короче, собираемся и идем на северо-запад, Анатолий говорил тогда про это направление. Опознавательным знаком, опять-таки с его слов, должна быть ветряная установка, вырабатывающая электричество для поместья.

Когда все поднялись и позавтракали, объявляю следующий этап нашего «забега на длинные дистанции»:

– Слушаем все. Сейчас наводим здесь порядок, убираем лишний мусор и выдвигаемся к лесу западнее нашего лагеря. Там обустроиваемся и парами рассыпаемся веером по окрестностям. Ищем место, где есть поле, небольшой лесок и ветряная мельница. Как она примерно выглядит – сейчас нарисую. Рядом с ветряком должен стоять двухэтажный каменный дом. Кто найдет, себя не обнаруживать, к дому близко не подходить. Понаблюдать немного, и назад...

– Ваше благородие, дозволейте обратиться! – Семен уже закончил с переодеванием и решил подать голос. – Мы когда к фронту бежали, видели такое место отсюда недалеко. И дом каменный, и меленка вот такая ажурная с крыльями, и луг огромный рядышком. Возьмите меня проводником, я дорогу запомнил... Ежели доверяете...

Глава 25

За ночь его лицо немного посветлело, синяк спал со скулы, ссадина почти затянулась. То ли травки помогли, то ли здоровья в нем много. Смотрит просяще, но с достоинством. Видно, действительно, хочет помочь.

– Добро, пойдешь впереди с Гриней... И вот еще, – внезапно принимаю решение, наклоняюсь, поднимаю с земли трофейный «маузер», протягиваю сибиряку. Краем глаза ловлю одобрительный кивок Михалыча. – Будем считать, что ты временно прикомандирован к нашей группе.

Семен бережно принимает карабин, ласково, как кошку, гладит цевье, клацает затвором. Потом поднимает на меня вроде как повлажневшие глаза.

– Поверили, значитца... Земной поклон вам за веру вашу... Не подведу...

Чтобы скрыть его и свое смущение, подзываю Савелия и тоже вручаю ему винтовку. Остается безоружным только Платошка. Ну да что-нибудь придумаем... О, штык трофейный ему в руки, чтобы от врага отбиваться!..

Все-таки, если Бог есть, то он – на нашей стороне. Мы только подошли к кромке леса, собирались уже выходить, как откуда-то сверху послышалось очень зловещее стрекотание. Наверное, у меня сработал киношный стереотип, когда, заслышав звук летящего вертолета, все рембы и терминаторы вдруг желают заделаться шахтерами и закопаться куда-нибудь поглубже от такой очень опасной «стрекозы»:

– Воздух! Всем под деревья! Живо!!! Не шевелиться!

Несколько секунд – и все исчезли. Тормоза Платошку, недоуменно хлопающего глазами, чья-то рука, схватив за ремень, буквально зашвырнула в кусты, хорошим тумаком откорректировав направление полета. Над нами, не торопясь, проплывала пара аэропланов. Они шли так низко, что помимо черных крестов и прочих обозначений можно было разглядеть мелкие детали фюзеляжа и крыльев. Нас они не заметили, да и, скорее всего, не искали. Летят по прямой, примерно в нужном нам направлении. Проводив их нехорошими взглядами, мы двигаемся дальше.

До искомого места добрались к полудню, оборудовали дневку, и, наскоро перекусив, я с группой Митяя, ведомой сибиряком, отправился смотреть «коттедж». Проплутав по лесу часа три, мы вышли на этот охотничий домик.

Домик представлял собой двухэтажное строение с остроконечной

крестообразной крышей, крытой красной черепицей. Углы крыши были украшены зубчатыми башенками, которые и придавали дому вид замка. Первый этаж был выложен из неотесанного камня, второй напоминал старинные голландские дома – весь в горизонтальных и вертикальных балках. Парадное и служебное крылечки, и даже торцевой балкон, имели свои крыши. Неплохая, в общем, дачка. Поодаль стоял одноэтажный флигель – наверное, жилье для прислуги, и два длинных деревянных сарая – конюшня и псарня, похоже. Еще дальше, на краю леса, стоял бревенчатый сарай с трубой на крыше и метрах в трех от него – ажурная металлическая конструкция с четырехлопастным пропеллером наверху. Примерно посередине между ветряком и домом, на берегу круглого, скорее всего искусственного, пруда стояла та самая, генеральская и еще не знаю чья, банька, которая сейчас протапливалась, видимо, в ожидании гостей.

Учитывая, что нас тут точно никто не ждет, гости должны появиться в ближайшее время. Будто бы в ответ на мои мысли просигналил клаксон и к крыльцу подъехал легковой автомобиль. Водитель в мгновение ока подлетел к задней дверце, открыл ее и замер в очень интересной позе. Нужно быть очень талантливым, чтобы так совместить строевую стойку с отдаванием чести и профессионально-угодливый лакейский поклон. Первым из автомобиля выходит оберст-лейтенант с объемистым портфелем в руках, после него – гауптман. Продолжая о чем-то разговаривать, они подходят к крыльцу, на котором уже ждет их коренастый усач в охотничьем костюме. Поклонившись, он впускает их в дом, заходит следом и закрывает дверь. Едва они скрылись из виду, к дому подкатывает еще одна машина, на этот раз небольшой грузовичок, из которого высыпается десяток солдат и строится перед крыльцом.

И как это понимать? Это что – почетный караул и охрана в одном флаконе? Ладно, смотрим дальше...

Командует десятком ефрейтор, к которому тут же подходит штабной водила. И куда только девалась прежняя угодливость? Задранный подбородок, правая рука заложена за отворот мундира, левая – за спиной, ноги широко расставлены... Ну, прям, вылитый Наполеон в час триумфа. Правда, тоже с погонями ефрейтора. Жестом, по-королевски величавым, он останавливает своего коллегу и, насколько можно было понять из дальнейшей пантомимы, дает указание выгрузить из его машины вещи офицеров и занести в дом. Данное предложение не вызывает энтузиазма и понимания у оппонента, который, опять-таки судя по жестикуляции, предлагает шоферу заняться этим увлекательным делом самому и не отвлекать по всяким пустякам героические войска кайзера Вильгельма,

которые должны выполнять свою задачу. И ставить эту задачу будет его непосредственный начальник, а не непонятная прокладка между рулем и сиденьем. Во всяком случае, примерно так я представлял беседу, происходившую возле крыльца. А молодец ефрейтор, видно опытного вояку, не гнется перед штабной крысой, хотя понимает, что тот может напакостить...

Спор был разрешен внезапно, и не в пользу штабного. На дороге, ведущей к дому из Ловича, показывается автоколонна. Сначала мотоциклист, затем – грузовик с бочками в кузове, наверняка с горючкой. За ними идет машина с кузовом, отдаленно напоминавшим кунг, за ней – фургон с пародией на антенну на крыше. Скорее всего – радиостанция. Шествие замыкают два тентованных грузовика, последний из которых тащит на прицепе «гуляшную пушку» – полевую кухню, прозванную так немцами за длинную дымовую трубу. Автомобили останавливаются рядом с ранее приехавшим, из них выпрыгивает еще два десятка солдат. Долговязый фельдфебель подходит к спорщикам, выслушивает доклад «своего» ефрейтора, затем поворачивается к несостоявшемуся Наполеону и что-то коротко ему говорит, сопроводив слова недвусмысленным жестом руки, мол: «Работай, негр, солнце еще высоко!» Шофер буквально на глазах сникает и плетется к своему авто. Фельдфебель строит всех прибывших в две шеренги и заходит в дом, видимо, для доклада о прибытии и получения дальнейших указаний.

Через пять минут снова появляется на крыльце, сопровождая гауптмана. Тот, увидев бездействие шофера, что-то недовольно ему выговаривает, показав рукой на дом, после чего отправляется к грузовику. Пока штабной шофер изображает ослика, нагруженного чемоданами, грузовик отъезжает на край луга, солдаты двигаются туда же, и мы становимся зрителями спектакля с рабочим названием «Оборудование полевого аэродрома в минимальные сроки». Рассыпавшись редкой цепью, гансы по команде и под руководством гауптмана прочесывают луг вдоль и поперек, потом достают из грузовика инструмент и начинают огораживать необходимую им площадь, вбивая в землю колья и натягивая между ними веревку с белыми флажками. Выкроив себе квадрат примерно четыреста на четыреста метров, притаскивают высокую лесину, которую закрепляют вертикально с привязанным наверху длинным красным вымпелом, очевидно, для указания летчикам направления ветра при взлете и посадке. После этого четверо самых невезучих начинают таскать на носилках землю и засыпать обнаруженные ямы, остальные ставят большую, минимум на взвод, палатку.

Вот чему у немцев надо поучиться, так это тому, как организовывать работу. Господин фельдфебель сказал копать (засыпать, рубить, таскать и т. д.) – значит, «яволь!» и бегом выполнять. Никаких вопросов типа «почему я?» или «А зачем мне это надо?». Землекопы и земленоссы управились в полчаса. Гауптман все это время просидел на переднем сиденье грузовика, изредка поглядывая на наручные часы и посматривая на небо. После доклада фельдфебеля он еще раз прошелся по полю, видимо, проверяя качество засыпки, и вернулся обратно к автомобилю. Внезапно он встрепенулся, приложил руку козырьком ко лбу и что-то скомандовал своему помощнику. Тот гораздо громче продублировал команду, после которой немцев как ветром сдуло с поля. Теперь и до нас донесся усиливающийся, уже знакомый треск моторов. Два аэроплана вынырнули из-за верхушек деревьев, сделали круг над полем. Гауптман пускает вверх белую ракету, и дедушки люфтваффе по очереди заходят на посадку на правую сторону летного поля. Притормозив где-то посередине, пара заруливает на импровизированную стоянку, где солдаты аэродромной команды разворачивают самолеты в линию. Так, зарисовываем где они стоят, чтобы потом в темноте не пройти мимо. Глядя на эти «этажерки», чувствую острое и непреодолимое желание стать пироманьяком, хотя бы временно... А вот интересно, куда подевалась та парочка, которую мы засекли еще на подходе? Летали на разведку?.. Наверное, да...

Пилоты, совсем еще молодые парни, подходят с докладом к своему начальнику. Улыбаются, гады, шутки шутят. Сюда, на Восточный фронт, их отправляют отдохнуть после тяжелых и изнурительных боев на Западе. А любимый вид отдыха – пулеметный огонь и бомбометание по беззащитным лазаретам и эшелонам, это я теперь точно знаю. А какие нам в свое, перестроечно-будущее время песни пели сладкоголосые дерьмократы! Рыцари неба, честные дуэли, благородство и снисхождение к слабым! Ага, щаз-з!.. Что-то я разволновался не по теме. Задача сейчас – сбор информации, а не вынашивание злобы в отдельно взятом организме. Вот ночь наступит, тогда и будем хулиганить в меру сил и умений. А пока – «прикинулся ветошью и не отсвечивай», как говаривал один смешной сатирик. Вот, кстати, и вторая ракета, еще пара на посадку заходит. Интересно, сколько их всего будет?..

Всего германских икаров прилетело шесть штук. И шесть «небесных колесниц» выстроилось в ряд на краю летного поля. Возле них суетились технари, видимо, готовя самолеты к новому вылету, хотя ночью они вряд ли куда денутся. Но это они так думают!.. Гауптман ушел в дом, летный состав разместился во флигеле, а зольдаты стали обживать свою палатку и

нарезать круги вокруг дымящей полевой кухни. Радисты отъехали на своем авто к ветряку и теперь возились там, подключая аппаратуру к халявному электричеству. Местных аборигенов почти не видно. Егерь-лакей пару раз мелькнул в поле зрения, пара работников возилась возле пруда, да какая-то белобрысая девка проскочила с черного входа до сарая и мигом вернулась в дом, таща большую корзину...

Оставляю наблюдать Митяя с одним казаком и с остальными возвращаюсь на дневку думать и совещаться. Потом все идем в гости к графу... Типа, «заглянуть на огонек». Или самим его разжечь...

Глава 26

После короткого перекуса зову Митяева, Гриню и Андрейку.

– Вкратце ситуацию я вам рассказал. Аэродром надо уничтожить. Сейчас почти вся разведка у гансов на авиации держится. Поэтому идем туда прямо сейчас, чтобы успеть до ночи. Разбиваемся на три группы, у каждой своя задача. Первая – захват хозяина и его гостей. Охрану в самом доме они вряд ли поставят, поэтому со мной идут два человека. Вяжем их, оставляем до поры в доме под охраной.

Вторая группа работает по летчикам во флигеле. Их там шестеро. Гриня, ты со своими блокируешь их в здании, пока остальные будут работать на аэродроме. Местные – тоже на тебе. Там мы насчитали четверых. Тихонько спеленаешь, и пусть лежат. Оружие применять только, если надумают сопротивляться и поднимать тревогу. Да, там могут быть собаки. Возьми с собой порошок на всякий случай.

Михалыч, ты ведешь третью группу. Надо будет сначала снять часовых, потом разобраться с тридцатью гансами. Работать только тихо. По мере возможности действовать без крови, но если не будет другого выхода, – брать в ножи. После того, как закончим с людьми, займемся техникой. Начинаешь действовать одновременно с Гриней.

Андрей, ты один с пулеметом справишься? Твоя задача – контролировать солдатскую палатку. Постараемся взять их тихо, у меня есть кое-какие мысли на этот счет, но в случае чего – делаешь из палатки решето, пока они не выбрались и за оружие не взялись. Мне Федор со своими кулаками нужен для другого. Вот примерно так. Будем на месте, все детали еще раз обговорим. Может, Митька что-нибудь новое заметит. Вопросы есть? Нет? Тогда собираемся и выходим...

На этот раз дошли быстрее. Митяй со своим напарником оказались на прежнем месте. Ничего особенного с его слов за прошедшее время не произошло. Летчикам возле флигеля организовали нечто похожее на летнюю веранду какого-нибудь ресторанчика. Натянули полотняный тент и поставили под ним три столика и стулья. Там эти горячие германские парни и отобедали под фляжку коньяка. Еду приносили две горничные, грязную посуду забирала белобрысая девка, которая работала кухаркой или посудомойкой. Аэродромная команда полакомилась шедеврами полевой кухни, теперь несколько человек копались внутри передвижной ремонтной мастерской, оборудованной в кунге, возле самолетов тоже продолжалась

возня, а остальные занималась дальнейшим обустройством аэродрома...

Михалыч организовал неподалеку маленькую дневку без костра, все готовились к предстоящей ночи, которая будет трудной, но интересной. Я с командирами групп продолжал наблюдать за тем, что творилось на аэродроме и возле дома. Гансы закончили свои дела, над «птичками» натянули тенты и фельдфебель выставил часового, который стал прогуливаться вдоль самолетного строя, освещаемый тусклым светом двух фонарей, висевших на стоявшей неподалеку ремлетучке. Еще один часовой был выставлен возле автомобилей. Так, засекаем время...

Первый немец делает круг за пять минут, второму хватает три. Запоминаем. Теперь ждем смены караула и пока что смотрим в другую сторону... Замечательно! Со стороны леса к флигелю подобраться проще простого. Летуны сидят за столиками, развлекаются картишками, пьют кофе, время от времени прикладываются к фляжкам и весело ржут. О, а вот и горничные, ужин несут героям небес. О чем-то разговаривают, смеются, кокетничают. Но без вольностей со стороны немцев. Наверное, понимают, что планы у дамочек на сегодня уже расписаны старшими кригс-камрадами и, скорее всего, без учета их пожеланий. А вот кухарку пощупать им дозволяется, поэтому бедная после пары шлепков по интересным местам как угорелая несется в дом с горой посуды на подносе. И не похожа она на горничных. Те – явно выраженные паненки, а она – скорее всего деревенская, батрачка, взятая в услужение из милости, типа: «Поддай, принеси, не мешай, пошла отсюда!» Уже смеркается, летчики пошли в дом.

Солдаты сидят у костра, что-то негромко напевая и аккомпанируя себе на губной гармошке и на чем-то струнном, кажется, мандолине. Дождавшись команды «Отбой», втягиваются в свою палатку. Фельдфебель с ефрейтором делают «круг почета» по территории, видно, последнему сегодня предстоит поработать разводящим. После этого выкуривают по папиросе возле угасающего костерка, и фельдфебель тоже уходит дрыхнуть.

Высшее руководство уже вернулось из бани, на первом этаже горит неяркий свет, значит, сидят и развлекаются дальше. Увидев это возвращение, я в очередной раз проникся тяжестью штабной службы... В баню и обратно начальство перемещалось на своем автомобиле. Несмотря на «длинную» дорогу аж в целых пятьдесят метров! Доставив груз по назначению, водила с чувством выполненного долга тоже пошел спать. Теперь уточняем детали...

– Гриня, твоя пятерка заходит к флигелю со стороны леса. Задача, как и говорили, – блокировать летчиков и местных. Они спят в ближнем сарае.

Сделаешь и ждешь, пока отработаем мы с Михалычем. В случае обнаружения – работать тихо, ножами. Огонь открывать в самом крайнем случае. Один выстрел или крик – и конец всей операции. Забери у митяевских парней гранаты. Тебе они могут пригодиться, а им – не к чему. Все понял?

Блеснувшие в улыбке зубы, и утвердительный кивок в ответ:

– Ясно, командир!

– Михалыч, тебе сначала снять часовых, потом отработать палатку. Подрежете растяжки, палатка сама упадет, гансы полезут наружу. На входе поставь Федора и еще кого-нибудь с хорошо поставленным ударом, по паре человек им в помощь с заранее нарезанными веревками. Бить так, чтобы ни единого писка не было слышно. Врезали, оттащили, связали, кляп в рот, потом следующего. Или лучше их всех сразу кончить?

– Я, пока лежал, рассмотрел их. Мужики все в годах, не особо и на вояк похожи. Так, обслуга в мундирах...

– У этой обслуги вон винтовок в козлах хватает, да и фельдфебель с ефрейтором – волки опытные, видно сразу. Так что, давай решать.

– Командир, сделаем тихо, без крови. Я сам с Федором встану.

Митяев при этих словах показывает свою нагайку. Я поначалу пытался запретить казакам брать их на задания, но он парой демонстраций меня быстро переубедил. Да и часовых снимать – милое дело. Видел и неоднократно. Короткий взмах, нагайка обвивается вокруг шеи, не давая крикнуть, рывок назад-вниз, – и все. Нет часового. Есть связанный испуганный человек, лежащий на земле. Видно, и сейчас Михалыч что-то подобное задумал.

– Ну, смотри, главное – чтобы все было без шума. На веревки возьмите ограждение летного поля, флажки вместо кляпов сойдут. Андрей идет с тобой, как и планировали. Если что пойдет не так, гасите немцев прямо в палатке.

– Командир, у меня четыре магазина, хватит всем. – Андрейка вставляет свои «пять копеек». – Потом на месте перезаряжусь, а торбу с патронами мне Федор донесет.

– Я с Митяем и Егоркой иду в дом, когда вы займете исходные и просигналите фонарями. Когда мы закончим, маякну с крыльца. Сигнал обычный. После него начинаете работать одновременно. Вопросы есть? Нет? Ну, тогда – с богом! Выдвигаемся...

Глава 27

Мы подоברались почти вплотную к постройкам и едва не столкнулись с парочкой, озабоченной эротическими проблемами. Хотя озабоченным был только «самец», один из работников графа. Его спутницу я узнал только по смутно белеющей в темноте одежде – та самая блондинка-кухарка. Разговаривали они на местном диалекте, впрочем, понятном всем:

– Иджь сюды!.. Што ты выкабеньваешься? Усё адно пад германцав ляжашь! Дак якая розница, разам больш, разам менш?

– Пусци!..

– Ах ты, курва, кусацца заманулася?!

Видимо, «кусацца» у девчонки получилось, и она рванула во тьме прямо на нас. «Кобелино» рванул следом. Только вот результаты у бегунов оказались разными. Кухарку перехватил Михалыч и, зажав ладонью ей рот, достаточно бережно прижал к земле. Следовавший на большой скорости преследователь не разобрался в обстановке и со всей дури ударил солнечным сплетением мой кулак, летящий навстречу. После чего закономерно перешел в горизонтальное положение и начал учиться дышать заново. Его тут же связали и повернули мордочкой вбок. Так, подождем немного, пока отдышится, и будем разговаривать. А пока поговорим с блондинкой.

Девчонка была еле жива от испуга. Даже в темноте было видно, что лицо у нее такое же белое, как передник. В темноте, конечно, можно ошибиться, но на первый взгляд – лет шестнадцать-восемнадцать, белая рубаха с вышивкой квадратами, темная юбка до пят, из-под которой торчат то ли ботинки, то ли сапоги из кожи грубой выделки. Сидит, колотится крупной дрожью, не понимая даже, что инстинктивно прижимается к Михалычу, будто ища у него защиты. Присаживаюсь на корточки рядом, прижимаю палец к губам, мол: «Тихо!» Потом начинаем разговор. Шепотом.

– Не бойся, мы тебя не тронем. Кричать не будешь? Если нет, кивни.

Целых три кивка, и все очень энергичные. Показываю Митяеву, чтобы освободил ей рот. Девчонка начинает ловить ртом воздух... Наконец-то отдышалась.

– А вы хто будзете, панове?

– Мы – не панове, мы – русские солдаты.

– Русския? А ну, перакрэстись.

Да я перед батюшкой так старательно не крестился. Троеперстием, справа налево.

– Да русские мы, вот тебе крест. Ты-то сама кто будешь?

– Ганна я, у ихнега сияцельства працую. Кухарка, да посуд мыю, яшчэ у пакоях прыбіраюсь.

– А гнался за тобой кто?

– Да Мыкола, егер графский. Ён дауно да мяне прыстае...

Из последующего разговора выяснилась очень интересная история. Помимо попытки изнасилования этому Миколу можно инкриминировать еще шантаж и нанесение побоев. Причем разным людям. Побой он со товарищи нанес русскому офицеру, «взятому в плен» графскими егерями и содержащемуся сейчас на псарне в отдельной клетке. А шантажировал он кухарку Ганну, требуя себе особое расположение в обмен на молчание. Я слушал рассказ девушки внешне спокойно, но внутри клокотала злость. Граф, самка собаки непонятного происхождения, приказал связать и бросить за решетку в прямом смысле этого слова офицера, пробиравшегося к нашим из окружения. Да еще кормить его соленой селедкой и почти не давать пить! Девчонка пыталась тайком дать ему воды, но была поймана этим вот лежащим сейчас козлом Миколой, и перед ней стоял выбор: либо удовлетворить желания егеря, либо получить кнута на той же псарне в наказание. Я не понял! Тут что, возрождение крепостного права в отдельно взятом поместье? Этот хренов аристократ надеется на свою безнаказанность? При встрече надо будет обязательно рассказать ему один из законов Мерфи, о том, что пули не осведомлены, что «старший по званию имеет привилегии»...

Ладно, беседуем дальше. Офицеру чуть позже поможет Гриня, который придет на псарню вязать холуев. А меня интересует господский дом.

– Ганна, а в дом нас сможешь провести?

– Да, только там жа нямецкия афицэры з графам! И Ванда з Ирэнай. Гэта пакаёуки... ну, горничныя...

– Вот эти офицеры нам и нужны. Так проведешь?

– Ага...

Глава 28

Все готовы, всем все понятно, часы сверили, порядок действий еще раз обговорили. Начинаем!.. Я со своими казаками тихонько крадусь в трех шагах за Ганной, которая ведет нас в дом. Псарню уже «держат» двое из Грининой пятерки. Заходим через черный вход и попадаем в коридорчик между кухней и кладовкой. Девчонка берет керосиновую лампу и ведет нас дальше. Оп-па, а вот про это мы забыли. Сапоги довольно громко стучат по полу, несмотря на все старания идти тихо. Останавливаемся, обматываем их тут же найденными тряпками. Дальше пойдем «полотерами». Что-то меня на нервное «хи-хи» пробивает.

Впрочем, так всегда перед боем... Мы уже в холле. Лестница, ведущая на второй этаж, несколько дверей, на стене неярым светом горит пара таких же ламп, как в руках у девушки. В своей простой одежде, в тяжелых, грубых башмаках, она вдруг напоминает мне главную героиню знаменитой сказки – Золушку. Не хватает только чепчика... Ганна тихонько двигается вдоль стены, как вдруг одна из дверей распахивается. Хорошо, что в нашу сторону. Нас окутывает облако женского парфюмерного аромата. Из комнаты выходят обе горничные, одетые достаточно фривольно. Открытые плечи, спина, шелковые юбки для канкана, чулки, туфли, пышные прически, сильный запах ландыша...

– Цо ты тут робишь, паскуда? – Вопрос к нашей проводнице, которая прошла по инерции пару шагов дальше, и теперь дамочки стоят к нам спиной и нас не видят. Это же замечательно!

Синхронное движение, одновременно с Митяем подлетаем сзади, зажимаю рот паненки ладонью, нож уже в другой руке, провожу мерцающим в свете керосинки лезвием перед глазами своей жертвы, чтобы прониклась и не сопротивлялась. Дамочка впечатляется дальше некуда. Обвисает мешком на руке, ноги не слушаются. У Митьки – та же ситуация. Только выпяченные глаза бегают по сторонам и никак не могут остановиться. Тихо заводим их обратно в комнату, парни привычно связывают руки-ноги, кляпы в ротики, помаду размазали, ну да это не беда. Она им в ближайшие сутки больше не понадобится. А может, и дольше. Митька, злодей и маньяк, умудряется «обыскать» дамочек на предмет оружия во всех самых потаенных местах. Естественно, ничего не находит. Кроме небольшого удовольствия. Обе тушки уложены на ковер, отдыхайте, милые. А мы пошли дальше...

Егорка кошкой бесшумно взлетает на второй этаж, через минуту спускается, шепчет:

– Никого, все двери закрыты.

– Добро, идем дальше.

Далеко идти не пришлось. Мы подходим к двери, из-за которой доносятся звуки разговора и музыка, похоже – канкан. Вот сюда-то нам и надо. Тихонько отодвигаю нашу Золушку в сторону. Сейчас мы вам такое спляшем – до самой смерти не забудете! Разговор притих, слышатся шаги, и дверь внезапно приоткрывается. Это – приглашение? Типа: «Заходите к нам на огонек...»? Показываю своим на пальцах «три, два, один»! Заходим!..

Интерлюдия

За полчаса до описываемых событий

Трое мужчин сидели, развалившись в удобных креслах, возле догорающего камина. Комната, где они находились, была похожа на кабинет в каком-нибудь рыцарском замке, правда, без обязательных для последнего сквозняков. Стены, обтянутые гобеленами вместо новомодных обоев, были завешаны десятком картин, в основном портретов мужчин в разнообразных доспехах, и искусно выполненными чучелами кабаньих, волчьих и медвежьих голов. Справа и слева от камина на стене висела большая и достаточно изысканная коллекция оружия. Скрещенные гусарские сабли мирно уживались с похожими на мечи палашами, кинжалы, кортики и шпаги веерами заполняли все пространство стен, ниже висели старинные ружья эпохи наполеоновских войн. Снизу, от пола подпирали эти сокровища стойки, выполненные из мореного дуба, с охотничьими ружьями различных марок. Блики каминного пламени и двух настенных светильников играли на благородных стальных клинках и золотых ножнах, переливались загадочными огнями в драгоценных камнях, украшавших оружие. Возле окна пристроились массивный письменный стол и шкаф с книгами, также выполненные из дуба. Рядом стояло механическое пианино, наигрывающее вальсы Шуберта.

Мужчины сидели вокруг небольшого столика, на котором удобно расположились хрустальный графин с благородным напитком, имеющим все права именоваться «Коньяк», рюмки, ящичек с сигарами, гильотинка и пепельница. На небольшом подносе стояли тарелочки с аккуратно нарезанными кружочками лимона и маслинами.

Хозяин дома, самый старший из присутствовавших, был в охотничьем костюме – вышитой золотом венгерке и бриджах с хромовыми сапогами. Его гости еще два часа назад были одеты в форму офицеров кайзеровской армии, но сейчас были задрапированы в длинные, расшитые драконами халаты.

Аромат сигары, глоточек коньяка, задумчивое разглядывание языков пламени или переливающихся различными оттенками красного углей в камине – все это настраивало на расслабленный разговор, неторопливо текущий сквозь время. В данный момент говорил мужчина лет пятидесяти с лихо закрученными усами, в подражание своему императору. Халат

топорщил небольшой еще живот, которого на службе не было видно только благодаря искусству портного, сшившего мундир. Он обращался к своему спутнику, гладко выбритому, хорошо сложенному блондину лет тридцати пяти:

– Скажите, мой дорогой Генрих, вам до войны не приходилось бывать в России? Нет?.. Ну, мой друг, тогда вы многое пропустили. Мне повезло побывать на праздновании столетия их знаменитой битвы – под Бородино. Да, именно та война, когда мы вместе сломили хребет этому зазнайке Бонапарту. Парады, балы, охота... А какие в Москве Сандуновские бани!.. С несколькими офицерами одного из гвардейских полков мы провели там милый вечер. И там же один из них научил меня закусывать коньяк лимоном в шоколадной крошке, сообщив по секрету, что способ лично изобретен кузеном нашего доброго кайзера императором Николаем Вторым...

Кстати, баня нашего любезного хозяина ничем практически не уступает московским. Поверьте слову знатока. Я за свою жизнь пробовал турецкую, японскую, финскую бани. И могу заявить, что русская баня занимает в этом списке далеко не последнее место. Все-таки, Генрих, эти русские не зря называют Москву Третьим Римом, их термы – это нечто. Но у вас все впереди. После победы вам, несомненно, предстоит вместе с иными славными воинами сопровождать нашего доброго кайзера в его триумфе по покоренной России. Мы пришли в эту страну как хозяева и нам, по священному праву победителей и настоящих германских рыцарей предстоит вкушать удовольствия. Их земли, их богатства и, наконец, их вина, женщины и термы. Древние германцы покорили Рим, и теперь мы должны сделать это с новым, Третьим Римом.

– Простите, мой любезный барон, – подал голос хозяин дома, обладатель расшитой венгерки, – вам с высоты начальника оперативного отдела штаба корпуса, конечно же, виднее. Но я не один год живу в этих краях и знаю этих диких москалей. У них есть пословица: «Не делите шкуру неубитого медведя». Они еще сильны и могут доставить много хлопот доблестным войскам кайзера Вильгельма. Да, кстати, ваше сравнение с Древним Римом навело меня на интересную мысль. У меня находится в плену русский офицер. Этот bastard пробирался к своим после очередного окружения и осмелился просить у меня приюта и помощи. К сожалению, он был вооружен, поэтому пришлось прибегнуть к хитрости. Штабс-капитан был накормлен, напоен, уложен отдыхать. Но, заснув на кровати, он проснулся связанным на псарне, где я держу своих гончих. Его саблю я решил использовать в качестве кочерги для камина. На что-то

большее после пребывания в руках москаля она не годится. – С этими словами он поднялся и, взяв стоявшую в углу шашку с золотистой рукоятью, показал ее сидящим.

Самый молодой мужчина в компании презрительно-брезгливо усмехнулся, но граф, ворошивший угли в камине, этого не заметил.

– Так вот, господа, поскольку прозвучала аналогия с Древним Римом, я считаю, что можно было бы возродить некоторые римские традиции, например, гладиаторские бои. Я завтра же отдам распоряжение, чтобы из моего поместья привезли медведя. И мы посмотрим, кто окажется сильнее: мой зверь или этот московит. Как вам моя идея, господин барон?

– К сожалению, граф, дела службы требуют моего постоянного присутствия в штабе. Я смог принять ваше любезное приглашение только благодаря необходимости проконтролировать передислокацию авиаотряда нашего дорогого гауптмана и передать ему необходимые бумаги и карты. Для нас, офицеров кайзера, воинский долг превыше всего. Все удовольствия мы получим после того, как разгромим русских дикарей. Их командование проявляет такое неумение управлять войсками, что я не сомневаюсь в скорой победе. Кстати, мой дорогой граф, отчего вы не уберете вон ту фотографию? – Барон указал на стоящий на полке шкафа снимок, запечатлевший хозяина дома с группой русских генералов и полковников возле охотничьих трофеев. – Она вам дорога как память? А не кажется ли вам, что подобная ностальгия вызовет ненужные вопросы?

Глаза графа моментально стали холодно-колючими.

– Милый барон, мой патриотизм и преданность Германии и кайзеру не требуют доказательств. Что же касается этой фотографии – каждый приносит пользу Германии на своем месте. Каждый воюет на своем фронте. Этот снимок для меня – тоже охотничий трофей, причем один из самых удачных. Эти глупцы и болтуны и не подозревали, надменно позируя фотографу над поверженными животными, что истинной целью охоты были они сами. Содержание их разговоров очень быстро стало известно в определенных кругах Берлина и Вены. И в немалой степени помогло Генеральному штабу в планировании военных действий. Вы же не будете отрицать, что получали время от времени важную информацию, об источнике которой не могли не догадываться... Тем более, что в большой степени мне помогло одно из изобретений господина Эдисона.

При этих словах ошеломленный оберст-лейтенант произвольно покосился на стоящий на письменном столе фонограф и сделал достаточно неуклюжую попытку «невзначай» прогуляться до окна и проверить, не включен ли аппарат.

Гауптман, воспользовавшись паузой, подошел к камину и взял в руки шашку. Обтерев клинок прихваченной по пути белоснежной салфеткой, высокомерно, тонко и леденяще вежливо поинтересовался у хозяина:

– Ваше сиятельство, вот этот красный крестик на гарде, насколько я знаю, указывает на то, что оружие – наградное, не так ли? Не будете ли так любезны перевести эту надпись на немецкий язык? – С этими словами он протянул графу шашку рукоятью вперед, и в свете углей сверкнули каллиграфические буквы: «За храбрость».

Оберст-лейтенант, почувствовав смятение графа и увидев возможность реванша, подошел к камину и заинтересованно осмотрел клинок. Граф, скривившись, неохотно перевел. Гауптман тем временем продолжил более спокойным тоном:

– Вы правы, господин барон, мне не доводилось бывать в России. Но с русскими я не раз встречался в воздухе. И могу вас заверить, майне хэррен, что они по-рыцарски, честно и храбро сражаются на своих аэропланах даже против превосходящего противника. И пусть их генералы тупы и неграмотны, зато солдаты и офицеры по рассказам сослуживцев сражаются храбро и мужественно. И я думаю, что исход войны от них зависит в такой же степени, как и от решений их невежественного начальства, а может быть, даже и в большей степени, чем мы предполагаем. А еще мне помнятся слова великого Бисмарка: «Превентивная война против России – самоубийство из-за страха смерти». И если мы воюем против русских, то глупо не считать их опасными и достойными противниками... Что же касается якобы плененного офицера, я бы настоятельно рекомендовал вам, граф, передать его германским военным властям для помещения в лагерь для военнопленных согласно его статусу.

– Господа, давайте не будем в этот чудесный вечер рассуждать слишком много о серьезных вещах! – Хозяин быстро попытался выкрутиться из неудобной ситуации. – Сегодня наши волнения должны быть только приятными!

Он поднялся с кресла, подошел к замолкшей пианоле и стал менять перфоменту. После первых звуков канкана подошел к двери, приоткрыл ее и, повернувшись к своим гостям, пафосно изрек:

– Оставим на время бога войны Марса и обратимся к Эросу! Сейчас здесь появятся те, кто помогут окончательно превратить этот вечер в чудесный праздник, исполнят все ваши самые смелые желания и, надеюсь, произведут на вас незабываемое впечатление...

Глава 28

Продолжение

На счет «один» мы и зашли. Внезапно и быстро. Открывавший дверь поймал от меня коленом в ж... спину и решил научиться выполнять самый любимый армейский норматив. В смысле – «Вспышка с тыла!». Люгер в руке, ствол – на сидящих, следом тут же влетают мои парни, тоже с пистолетами в руках. Грамотно, не перекрывая линию огня, обходят меня с двух сторон, еще мгновение, и стволы находятся в опасной близости от ошарашенных немецких мордочек, хозяева которых и не думали совершать какие-то телодвижения. Кроме хлопанья глазами. А что еще будут делать здравомыслящие немцы, если вместо двух «красоток кабаре» в комнате появились три непонятных человека, но с вполне понятным оружием в руках. Три черных дульных среза – достаточно убедительный аргумент сохранять неподвижность. Которая, оказывается, бывает разной.

Лучше всех держался гауптман. Бледный, ошеломленный, но сохраняющий спокойствие, достоинство и, видно по глазам, трезвый рассудок. Сразу всё поняв, он медленно и аккуратно положил шашку на стол эфесом от себя. Грамотный!

Остальные находились в состоянии психологического нокаута, где-то на полпути между истерикой и обмороком. Граф даже не пытался подняться. Ну-с, пора и пообщаться...

– Бляйбэн штандхальтн! Капитулирн! (Оставайтесь на местах! Сдавайтесь!)

И – персонально графу:

– Штейт ауф! (Встать!)

– К-кто в-вы так-кие?.. Чт-то ва-вам н-надо?.. Ка-ка-к сюд-да п-по-опали? – У графа из-за трясущейся челюсти дикция сильно хромала, но общий смысл фраз был понятен.

– Исключительно из вежливости ответу на ваши вопросы. Мы пришли за германскими офицерами и портфелем господина оберст-лейтенанта. А на вопрос «кто мы такие?» можете ответить сами, вы же видите погоны.

– Майн гот... – побледнев, тихонько охает подполковник, мешком оседая в кресло. Зато капитан решает проявить инициативу:

– Я – гауптман Генрих фон Штайнберг. С кем имею честь беседовать?

– Подпоручик Гуров, Денис Анатольевич.

– Вы и ваши люди – партизаны?

– В какой-то степени – да. Не будем сейчас вдаваться в тонкости нашей службы. Все, что вам необходимо знать – вы с подполковником взяты в плен. Обо всем остальном сможем поговорить чуть позже. А сейчас меня интересует только один вопрос – где портфель? И что в нем находится?

Колоть их надо сразу, чтобы не успели опомниться. Кажется, у Богомолова это называлось «моментом истины».

– А если мы откажемся отвечать? Согласно Конвенции мы можем сообщить только имя, звание и подразделение, где проходим службу. – Капитан, оказывается, не только самый храбрый, но и самый хитрый. Торговаться он еще со мной будет! Как говорил Киса Воробьянинов, «Я считаю этот торг неуместным!» И торговаться мы не будем...

– Мне нужен только один пленный. И он будет очень впечатлен геройской и мучительной кончиной своего коллеги от рук русских варваров. Мне все равно, будут на нем погоны гауптмана или оберст-лейтенанта. Выбор за вами.

– А что будет со мной? – Польский аристократ довольно быстро пришел в себя, услышав начавшиеся торги.

– Вопрос не ко мне... – Породистая сволочь при этих словах еще более приободрилась. – А к штабс-капитану, которого приводят в чувство на псарне.

Оп-па, а чего это мы так съежились? И взбледнулось их сиятельству совсем не по-детски. Ну, посиди, посиди, очухайся. Я же все понимаю, тонкая ранимая душа, тяжелые переживания, нечистая совесть, точнее – полное отсутствие таковой... А мы пока продолжим общение с геррами офицерами:

– Повторяю свой вопрос – где портфель?! Чтобы вы не питали иллюзий, скажу сразу – все ваши люди блокированы и на помощь прийти не смогут.

– Если я скажу вам, где портфель, вы оставите мне жизнь? – Да, недолго аристократ переживаниями был занят. Сразу почуял, где можно гешефт сделать... Только вот глазки у него горят как-то нехорошо. Не иначе, пакость какую задумал. Ну, да и мы настороже будем, но показывать это не станем.

– Граф!!! Как вы смеее?! – прорывает истеричным криком подполковника. – Этого никак нельзя делать!!!

И вскинулся бы, да пистолетный ствол, упертый в лоб, мешает. Как бы Егорка лишнюю дырку в немце не сделал.

Капитан тоже напрягся, но с места не двигается. Понимает, что одно

движение – и он превращается в труп. А покраснелся-то как, хоть прикуривай. На груди из-под распахнутого халата виднеются два шрама в виде ромбиков. Наверное, дуэльные, от шпаги... На лице – ненависть и презрение... Пора продолжать спектакль.

– Если вы отдадите портфель, то еще немного поживете на этом свете. И молитесь каждый день, чтобы никогда больше со мной не встречаться.

– Прошу вас, давайте пройдем вон к той картине, – в голосе улавливаются страх и заискивание, граф еще осторожно, но достаточно уверенно двигается к портретам предков. – Там у меня потайной сейф.

Ну, пойдем, посмотрим. Заодно спровоцируем – пистолет в кобуру уберем. Подходим к стене, хозяин нажимает что-то снизу рамы, та откидывается на петлях в сторону, открывая доступ к небольшой металлической дверце, украшенной литыми завитушками с поворотным цифронабирателем, который напомнил сейф фон Борка из последней серии про Шерлока Холмса. Встаю за спиной, делаю вид, что смотрю в сторону стола. Щелчок замка, дверца с лязгом открывается, спина графа становится напряженной, он делает резкий разворот, в правой руке зажат револьвер. Моя правая рука уходит вниз по дуге, удар ребром ладони по запястью, ствол падает, рука возвращается и попадает снизу по челюсти. Ну, ты же не Цезарь, чтобы делать два дела одновременно. Если собрался стрелять – стреляй, зачем еще что-то говорить? Вот и прикусил свой язычок, правда, с моей помощью. И серьезно так прикусил, аж кровь на губах. А теперь и глазки закатывает, на ковер падает. Артист! Показываю рукой Митьке, чтоб связал сиятельного, сам возвращаюсь к столу.

Оберст-лейтенант смотрит на свое хозяйство в моих руках с таким отчаянием, что я невольно начинаю подозревать, что выиграл очень крупный джек-пот. Фон Штайнберг катает желваки на скулах, глаза сузились, руки вцепились в подлокотники с такой силой, что аж пальцы побелели. Нет, так дело не пойдет. Надо их обездвижить. Ставлю портфель на стол, и в следующий миг гауптману внезапно прилетает рукояткой пистолета по темечку. Легонько, для расслабления, – ничего личного. Немец теряет сознание, парни, с ходу поняв, что нужно делать, привязывают летуна к креслу. Надежно так, ручки к ручкам, ножки к ножкам. Теперь пусть попробует дернуться, когда очнется. Второй, глядя на младшего товарища, и не думает сопротивляться. Митяй точно так же привязывает его к другому креслу. Пришедший в себя граф лежит связанный на полу, периодически постанывая. Револьвер я подобрал, так что никакого оружия у них под рукой нет. Значит, можно действовать

дальше.

– Митька, с Егором остаетесь здесь, караулите этих. Смотреть внимательно, мало ли что удумают. Для нас важен только вот этот... – показываю на оберст-лейтенанта. – На него – особое внимание. И на его портфель. Кажется, непростую птичку поймали. Разрешаю при необходимости дать пару раз для успокоения, если ёрзать начнут. Со стола ничего не трогайте! Потом, после операции хоть ведро выпейте, но сейчас – ни-ни!

– Командир, – обиженно гудит в ответ Митяй, – не маленькие, чай, понимаем.

– Я – во двор. Вернусь, постучу обычным сигналом...

Выскакиваю на крыльцо, даю во тьму две вспышки фонариком, потом еще одну. Митяев должен начать работать. А вот погода немного поменялась. Ощущается свежий ветерок, дует от леса в сторону флигеля. Вон, даже крылья мельницы медленно проворачиваться стали с тихим рокотом, который неплохо маскирует наши шорохи. Хорошо, что собак снаружи нет, почуяли бы нас еще на подходе. На небе – несколько облачков, наползающих на ночное «солнышко», и по горизонту темная полоса раскинулась. В лунном свете подбираюсь к флигелю. Будто бы материализовавшись из темноты, появляется Гриня, шепчет, что летуны блокированы, графские холуи повязаны, штабс-капитана нашли и привели в чувство.

– Хорошо, ждите, когда Михалыч закончит, потом – ваша очередь. Я подойду, и начнем.

И что-то меня терзают смутные сомнения. Планировалось обезвредить нижних чинов, сжечь и взорвать все, что только можно, одного из офицеров брать с собой, остальных – в расход. А вот чем-то запал в голову гауптман. Понимаю, что враг, офицер неприятельской армии и все такое... Но, судя по поведению, – человек чести («Homme d'honneur», – шепчет мой двойник тихим ветерком в голове). И резать его, как связанного барана, – рука не поднимется. И отпускать нельзя. И с собой лишнюю обузу не потащишь. Вот ведь ситуация... Ладно, идем к Михалычу, потом решим эту загадку.

Когда добрался до рухнувшей палатки, веселье там почти закончилось. Большая часть немцев лежала вразброс, связанные и безмолвные. Кто не хотел разговаривать, находясь в бессознательном состоянии, кто просто не мог из-за кляпа. Когда в рот запихивают кусок полотна размером полметра на полметра, пусть даже разорванный пополам, особо не поговоришь, даже помычать трудно. Из палатки вылезали последние обитатели. Я аж засмотрелся, как красиво в лунном свете работает этот своеобразный

конвейер. Стоит очередному гансу выпутаться из брезента, как ему прилетает или нагайка по темечку, или мощный кулак под дых. Тут же появляются две пары рук, которые оттаскивают нокаутированного солдата в сторону, еще две-три секунды – и все конечности связаны, кляп во рту. Тем временем появляется очередная жертва, и весь цикл повторяется снова. Наконец, палатка опустела. Все тушки связаны, лежат более-менее компактно, хлопот не доставляют. Михалыч оставляет караулить это мясо трех человек, еще одного – у винтовок, составленных в козлы, и с остальными бесшумно двигаем к флигелю.

Нас встречает вездесущий Гриня, распределяем казаков по периметру, отдельно собирается его пятерка. Иду с ними брать флигель. Ганна сказала, что там пять комнат, летуны по двое разместились в ближних к выходу. Окна темные, света нигде нет. Одна ночная птичка просвистела, что заняла позиции с тыла, другая ей в ответ чирикнула, что спереди тоже все готово. Поднимаемся и крадемся к двери. Перед крыльцом вперед проскальзывает один из казаков, тянет руку к двери, и в этот момент она открывается. На пороге стоит штабной водила в нижнем белье с лампой в одной руке и смятой газетой в другой... ТВОЮ...!!!.. Тихая работа кончилась! Мимо моего уха свистит брошенный нож, но ганс, выйдя из ступора, приседает, захлопывая дверь, и с воплем «алярм!» несется по коридору. Изо всех сил дергаю ручку, которая после этого остается у меня в руке. Дверь закрыта! Внутри дома раздается шум, кто-то падает, что-то разбивается, внезапно распахиывается окно.

Ору, как бешеный: «Ахтунг! Дойче флигенде! Зи зинд унцигельн! Капитулирн!» (Внимание! Немецкие летчики! Вы окружены! Сдавайтесь!)

В ответ – столь привычные русскому уху слова: «Шайзе... швайне... ферфлюхтер...»

Из окна, оглушительно после ночной тишины, бахает выстрел, пуля проходит чуть выше моей головы. Ну, что ж, с дракой вам будет дороже! Скатываемся вместе с Гриней с крыльца в темноту, кричу уже своим: «Огонь!» Слитные выстрелы из темноты несколько охладили пыл немцев. Слышны невнятные вопли на немецком, топот ног и звон разбитого стекла. В одной из комнат из окна вырывается пламя, моментально освещающее все вплоть до мельчайших деталей, которому усиливающийся ветер не дает вырваться наружу. Похоже, там начинается пожар – видны отсветы пламени на стенах. От нас отстреливаются пять человек. Нас они не видят, ориентируются по вспышкам, но и сами для нас оказываются невидимы. Огонь, разгоревшийся в комнате, освещает подступы к зданию достаточно хорошо, штурмовать опасно. Кто-то из казаков неосторожно

приподнимается, тут же из флигеля следует два выстрела, мои отвечают, но сквозь звуки боя я сумел расслышать крик боли. Ранили?! Или хуже? До сих пор в группе не было ранений и смерти. И не хочу я черный список открывать! Пусть лучше гансы сгорят в доме, на штурм не полезем! Их мне не жалко! В горячей комнате что-то глухо шипит. Ко мне подползает Михалыч.

– Командир, немцы круговую оборону держат, сзади тоже не подступиться. Что делать будем?

– Ждать будем, пока не поджарятся или не сдадутся. Пошли пару человек на дорогу, если стрельбу слышали, могут приехать посмотреть.

– Уже послал.

Вот за что я люблю Митяева – иногда так мысли читает, любые экстрасенсы отдыхают... Следующая фраза Михалыча была совсем мирной:

– А чем это пахнуло? Сеном? Откуда?

От этой мирной фразы мне вдруг резко поплохело! В горячке боя всякое, конечно, может показаться, но сено? Втягиваю в себя воздух, принохиваюсь и обливаюсь холодным потом до самых пяток... Порыв ветерка донес еле уловимый запах затхлого, прелого сена! БЛ...!!! Лучше перебдеть, сомневаться потом будем! Срывая голос, ору:

– Всем!!! Бегом на ветер!!! Быстро!!!..

Есть в жизни вещи, которые не стоит подвергать сомнению. Как говаривал в курсантской юности наш курсовой офицер: «Здоровая подозрительность и тяжелая паранойя – суть синонимы!» И в мозгу любого военного человека конца двадцатого века, вбитые накрепко занятиями и тренажами по ЗОМП, при этом запахе вспоминаются несколько строчек из наставления по РХБЗ: «Фосген – бесцветный газ с запахом прелого сена или гнилых фруктов. Обладает удушающим действием. Контакт фосгена с легочной тканью вызывает разрушение альвеол и быстро прогрессирующий отёк лёгких. Антидота не существует».

Рванули навстречу ветру, проскочили метров тридцать, развернулись, рассредоточились. Из пылающего флигеля вываливаются корчащиеся, кашляющие гансы и поспешно отходят, отползают, оттаскивают тех, кто сам не может идти, подальше от пожара. Казаки подскакивают к ним, отбирают оружие, вяжут тех, кто уже очухался. Вот, в принципе, и конец первой серии. Теперь – серия вторая. Собираю своих. На всех – только один раненый. Одному из казаков (его вскрик я слышал в бою) немецкая пуля раскроила спинные мышцы от шеи почти до поясницы. Крови натекло бы много, но перевязать успели вовремя. Значит, недаром гонял их на базе

по оказанию первой медпомощи, в бою все сделали на автопилоте.

Глава 29

Теперь займемся делом. Как когда-то пелось в одной песне, «Первым делом, первым делом самолеты...». Идем смотреть наши трофеи. Аэропланы стоят под натянутыми тентами на границе летного поля. Аккуратные немцы уже успели разгрузить автомобили и отогнать их в сторону. А вот нам теперь их толкать обратно, да и еще запихивать между «птичками». Все, кроме одного грузовика и радиостанции. На грузовике, надеюсь, мы поедem дальше. А в радиофургоне надо будет покопаться на предмет шифров, пусть и самых простеньких.

Казаки на предложение поработать толкачом сначала ворчат секунд десять, но потом соглашаются, что пленных немцев использовать не нужно. По причине того, что если те разбегутся, то ловить их в темноте будет затруднительно. Поэтому германские автомобили при помощи русского мата довольно быстро перемещаются на новую парковку. Затем настает черед бочек с бензином. Одну мы оставили себе в запас на дорогу, остальные пять развезли на специальной тележке с притороченной к ручке помпой для розлива в канистры. Пять бочек на шесть самолетов делится замечательно! Развезли, поставили, с помощью ведер и канистр наполовину опорожнили – облили вражескую технику. Пленных за это время уводят под конвоем за конюшню, пятерых гансов, неспособных идти самостоятельно, тащат под руки их камрады, всех своих отсылаю прятаться туда же. Остаюсь один, отхожу подальше, чтобы не закоптиться, в руках трофейная ракетница. С первого выстрела не получилось, прицеливаемся получше и получаем то, что заказывали. Ослепительно белый шарик ракеты попадает в кузов ближайшего грузовика. Полыхнуло там неслабо, сразу занимаютcя два самолета, через несколько секунд огонь перекидывается на остальные. Зрелище красивое, но небезопасное – взрывная волна от первой бочки сбивает с ног. Так и поджариться недолго!

Пока убегал, получил еще два толчка в спину. Обернулся, увидел стремительно нарастающую сзади стену огня, стартанул так, что, казалось, связки порвутся. И очень горячо возблагодарил Господа за толику везения, данную мне свыше. Остальное веселье наблюдаю уже из-за стены, пытаюсь отдышаться после забега. Вместе со всеми там присутствующими. Правда, эмоции были разными. Немцы настороженно и угрюмо смотрят на два гигантских костра в ночи. Связанные, безоружные, в одном белье, они выглядят жалко и беспомощно. Летчики выделяются среди них

закопченными лицами да болтающимися на шее грязно-белыми шарфиками, которыми они пытались прикрыть лица во время пожара. Холуй-егеря графа сидят на земле отдельной кучкой и выглядят не лучше пленных. Ближайшее будущее представляется им не совсем радужным, судя по испуганным взглядам, украдкой бросаемым на штабс-капитана... Зато казаки, их караулившие, смотрят на горящие самолеты с выражением лица художника, только что закончившего свой шедевр. Ко мне подходит Митяев:

– Командир, я в дополнение к дозору на дороге выставил пост. Не помешает. Вдруг кто-нибудь на огонек заскочит.

– Добро, Михалыч. Как там штабс-капитан? Жив?

– Живой, да только в ногах слабый. Он связанный два дня пролежал, ноги и затекли. Мы его водицей помалу отпаиваем. Просил, когда ты освободишься, к нему подойти.

– Ну, если гора не идет к Магомету... Пошли, посмотрим что там за штабс-капитан.

Мы подходим к сараю, возле ворот которого сидит осунувшийся, изможденный человек в грязной и рваной русской форме. На его принадлежность к офицерскому корпусу указывают только френч и кавалерийские галифе. Все остальное отсутствует. На лице, заросшем щетиной, расслабленно-блаженное выражение, глаза полузакрыты. Создается ощущение раненого зверя, который нашел ухоронку, забился туда и наслаждается отдыхом и неподвижностью. Главное – жив, а раны, забытые усилием воли, затянутся, зарастут. Услышав шаги, он поднимает глаза, собирается встать, но я его опережаю, присев рядом.

– Здравствуйте. Как вы себя чувствуете? Разговаривать можете?

– Спасибо, господин подпоручик, говорить могу. Представляюсь: штабс-капитан Волгин Иван Георгиевич, командир партизанского отряда. Честь имею! – Горькая усмешка, более всего напоминающая гримасу боли, кривит его потрескавшиеся губы, на которых показались капли крови. – Бывший командир бывшего отряда...

– Прошу извинить, но об этом поговорим позже... Кто вас так? Точнее, это было сделано по приказу хозяина?

– Эта сволочь натравила свою дворню на меня, когда я спал. Сорвали награды и погоны, отобрали оружие, документы, личные вещи, сняли сапоги... Держали в клетке на псарне, кормили скудно, пить почти не давали. – Он скрипит зубами, говорит через силу. – Кнутом отходили, как самого последнего каторжника... Он сам приходил смотреть на это, разглагольствовал о том, как после победы германцев мы им рабами

служить будем...

Так... Значит, барин зрелища кровавые любит. Ну, будут ему зрелища! Еще и поучаствует в них по полной программе! Поворачиваюсь к казакам, указываю на егерей:

– Развяжите им рты.

И уже холуям:

– Кто взял вещи офицера?.. Я даю десять секунд для того, чтобы признались. Потом – не обессудьте... Митяй, приготовь скамью и веревки. Нагайки при вас? Хорошо!.. Ну, кто?

Видно, дворовые знали, что такое нагайка и какой эффект на здоровье она оказывает. Потом кто-то выдавливают:

– Вось ён, Микола, брау... Усё захапау...

Поворачиваюсь к «виновнику торжества»:

– Где вещи?

– Паночак!!!!.. Миластивы!!!!..Ня бейце!!!!.. Усё аддам!.. Христа ради!.. Тутачки усе, пад стрэхай!..

– Конечно, отдашь, куда ж ты денешься. И Бога не поминай, паскуда. Он тебе не поможет. Кузьма, развяжи его, обыщи и веди за вещами, куда покажет. Если дернется, пару «горячих» ему нагайкой выпиши.

В карманах егеря нашлись карманный «Буре» с треснувшим стеклом циферблата, золотой нательный крестик, портсигар с гравировкой «За отличную стрельбу в присутствии Их Императорских Величеств». Из сарая к ним добавилось все остальное – сапоги, портупея, фуражка.

– Ордена где?

– Так, граф узяу...

– Так как же ты, урод, осмелился руку поднять на русского офицера? Кнутом бить, а?

– Так як жа? Сам их сияцельства прыказау...

– А своя голова не думает? Ну, так мы это быстро исправим. Кузьма, Антон, вяжите его на скамью.

Даже в мерцающем свете пожара было видно, как побелело лицо, на лбу выступила испарина. Егерь бухается на колени:

– Памилуйце!.. Людзи!.. Памилуйце!!!

Казаки подтаскивают его к скамье, укладывают, распускают путы, затем заново связывают руки и ноги под скамьей. Микола уже не умоляет, а только тихонько подвывает на одной ноте. Остальные егеря испуганно отодвигаются как можно дальше от места экзекуции, съеживаются, стараясь быть незаметными. Тоже, наверное, вину за собой чувствуют. Да, и у графа нормальные не служили бы. Только такие же мерзавцы, как и сам

хозяин.

Кстати о хозяине. Мы тут в Робин Гудов играем, а надо дело делать. Оставляю Гриню за старшего, и идем с Михалычем в дом. В комнате почти ничего не изменилось. Немцы и граф на прежних местах и в прежних позах. Егорка держит их всех на прицеле, а Митяй деловито, не торопясь, проводит экспертную оценку коллекции, висящей на стене. Снимает по очереди клинки, критически их осматривает, потом либо вешает обратно, либо кладет на стол. Там, рядом с портфелем, уже лежит шашка с ножнами и рукоятью, полностью выполненными из серебра. Красивая вещь! Черненное серебро с замысловатыми узорами матово бликует на свету. К шашке добавляется такой же кавказский кинжал. Так они же сделаны одним мастером, видно, в пару. Рядом ложится еще одна шашка в богато отделанных прорезным золотом кожаных ножнах...

– Митяй, помимо того, что выберешь, прихвати еще пару-тройку поблестяще и подороже, пойдут на подарки штабным.

Казак молча кивает в ответ и снимает со стены очередной экспонат. Так, тут процесс трофеизации идет полным ходом, не будем мешать специалисту. Меня больше интересует сейф, который остался открытым и сиротливо ждет своего исследователя. Переступаю через графа, который что-то невнятно шепелявит по-польски, во всяком случае, «пся крэв» и «курва москальска» я различаю вполне отчетливо в этом потоке глухих и шипящих звуков. Смотрим внутрь. И что мы видим? Часики карманные. И зачем они в сейфе лежат? Дороги, как память? Нет, сбоку ма-аленький такой объективчик виден. Нажимаем пипочку – щелкает... Фотоаппарат! Скорее всего шпиёнский. Ясно, идем дальше. Шкатулка. С российскими орденами. Ну, вот эти гражданские я еще могу представить у хозяина на груди, но офицерский Георгий! С треснувшей и чуть закопченной эмалью! А рядом – Владимир с мечами. И еще несколько. Что-то из этого, скорее всего, у штабс-капитана отобрали. Надо будет спросить. Так, а это что? Деньги – пусть остаются в сейфе. А вот и папочка пухленькая, с бумажками. А на бумажках – закорючки, похожие на арабское письмо... Или – на стенограмму! Вот этим надо поинтересоваться.

– Что это такое? – Подношу листы к лицу графа. В ответ – молчание. Так дело не пойдет. Звонкая оплеуха, голова болезного крутанулась из стороны в сторону. Немцы, вывернув шеи, следят за нашим, пока непродуктивным, диалогом. Еще одна плюха. Молчание. Ну, не хотите похорошему, будет как обычно.

Оттягиваем воротник венгерки, находим на основании шеи точку между ключицей и мышцей и легонько нажимаем. Вопль, граф старается

отползти, не понимая, что палец все равно движется быстрее. Достаточно, отпускаем.

– Повторяю свой вопрос. Что это такое?

В ответ только всхлипы. Нажимаем еще раз.

– Я скажу!.. Всё скажу!!!

Еще бы ты не сказал. Сам на тренировках проходил такое, когда болевой порог повышали. Напарник жмет, а ты терпишь. Так и соревновались, кто дольше выдержит. Граф – не выдержал. Наверное, не тренировался. Даже про прикушенный язык забыл, шпарит, пономарь на службе.

– Что это?

– Это – стенограммы разговоров с... моими гостями.

– О чем велись разговоры?

– Мы обсуждали некоторые вопросы, касающиеся состояния русской армии.

– То есть, насколько я понимаю, ты подпаивал тех чиновников и генералов, которые приезжали поохотиться, и они разбалтывали секретные сведения. Так?

Граф очень внимательно следит за моим пальцем, точнее, за тем, чтобы он не приближался. Наконец выдавливают из себя:

– Так...

Во как! А наши доблестные контрразведчики высылают эшелонами евреев только по подозрению в шпионаже. Вот кого ловить надо! Всякую титулованную мразь, которая забыла, что такое Родина. И высылают сразу в Магадан или на Таймыр, моржей с белыми медведями дрессировать. Ладно, возмущаться потом будем.

– Где ключ к текстам?.. Еще добавить для большей откровенности?

– Нет! Не надо! Он – в папке под обложкой!

Смотрим. Пара листов есть. Хорошо.

– Чьи ордена в шкатулке? Не говори мне, что ты получал военные награды. Не поверю. Так что, побереги здоровье и отвечай на вопрос.

– Там... У меня раньше еще офицеры останавливались...

– Ага, и забывали ордена в бане или спальне. Штабс-капитан был ведь не первым, а? Где они? – Легонько нажимаю на «кнопку правды».

– А-а!.. Их было двое... Их... Похоронили...

Ну, ты и сволочь! Титулованная сиятельная сволочь с австрийскими, польскими и еще неизвестно какими корнями! Род, наверное, от Иуды ведешь! Твоих предков надо было в колыбельках душить, чтобы ты, урод, родиться не смог!

Еле сдерживаюсь, чтобы не сломать шею этой твари. Ничего, недолго тебе осталось, полчаса, не больше. Ладно, пока остынем и посмотрим, что там за подарки в портфеле у оберст-лейтенанта. Он, кстати, какой-то квелый, глаза пустые и бессмысленные. Шок? Ну да, это – по-нашему. Берем портфель, открываем, достаем... и обалдеваем! Первая же карта – зона ответственности германского корпуса со всеми нанесенными подразделениями. Вот это – ДА!!!.. Это что, мы уже задание выполнили? Можно дырочку в кителе вертеть?

К действительности меня возвращает ехидный голосок-шелест Дениса Первого:

«Ты сначала «клюкву» на шашку получи!»

Все данные, которые нам нужны – вот они, на карте! А ведь внутри – целый ворох бумаг. Так, это, скорее всего, полетные задания. Типа – что и где посмотреть. И замечания на немецком... В общем, рейд можно заканчивать. Информации – море. Пора собираться домой...

Глава 30

От состояния эйфории меня оторвал Михалыч, ласково поглаживающий в руках шашку, только что снятую со стены. По сравнению с другими, она выглядит достаточно скромно. Рукоять из слегка потемневшего от времени серебра с красивым кавказским чернением, слегка изогнутый хищный клинок, по которому бегут причудливо изломанные линии. На первый взгляд – красивая старинная вещь.

– Командир, это же гурда! – Вахмистр похож на ребенка, которому дали в руки игрушку, о которой он давно мечтал. – Знаменитая чеченская шашка! Ей же цены нет!

– И что в ней знаменитого?

– Мой дед говорил, что гурда может перерубить любой другой клинок, что даже панцири турецкие ей не помеха. Не сломается, не затупится, после этого платочек шелковый разрежет. Давай попробуем!

Жалко разочаровывать человека, да и самому интересно.

– Что рубить будем?

Михалыч оглядывается в поисках металлической «жертвы», берет бронзовый подсвечник, отставляет в сторону. Мой взгляд находит две немецкие сабли, лежащие на подставке. Это, скорее всего – гауптмана и оберст-лейтенанта, знать бы еще, где чья. А какая нам на хрен разница-то? Беру в руки первую попавшуюся, достаю из ножен, киваю Митяеву, мол, давай! Он примеряется к шашке, пару раз прокручивая в руке клинок. Гурда разгоняется в нескольких почти незаметных глазу восьмерках и петлях и обрушивается на золингеновское лезвие. Жалобное звяканье, на пол падает обломок сабли. Митяев осматривает шашку, расплывается в довольной улыбке. Накидывает на нее салфетку, аккуратно тянет от середины к острию. Ткань, не пройдя и половины пути, распадается на две половинки.

– Ни царапинки, ни щербинки!

Я внезапно вспоминаю эпизод из романа Вальтера Скотта, когда султан Саладдин и Ричард Львиное Сердце хвастаются своими клинками. По восточным понятиям лучший клинок – тот, который перерубит что-то несопротивляющееся. И араб легко рассекает своей саблей подушку...

– Ублюдочные варвары! Хлопы! Быдлаки немытые! – прорывает в истерике графа. – Вам руки отрубить надо, которые дерзнули коснуться этого оружия!

Видно, предстоящая потеря части коллекции заставила его забыть об инстинкте самосохранения. Или он всерьез надеется после всех своих фокусов остаться в живых? Вот это он зря. Очень даже зря! Впрочем, Михалыч с ответом не задерживается:

– Я не знаю, кем были твои деды, мои всегда вольными казаками ходили, а не холопами. Могли за такие слова убить и были бы в своем праве. Да и батюшка им грехи эти враз отпустил бы...

Граф, услышав отповедь в таком стиле, немного поостыл.

– Батя мой говорил не раз: «Что с бою взято, то – свято!» А дед, когда я еще казачонком малым был, учил меня, несмышленишка: «Чтоб взятый с бою клинок служил тебе верой и правдой, его надобно напоить кровушкой прежнего хозяина»...

Оп-па, а чтой-то графу так взбледнулось? Не иначе, проблемы со здоровьем приключились. Или приключатся в ближайшее время. Пока наблюдал за светлейшими метаморфозами, пропускаю начало мастер-класса от Митяева. Увидел только двойной всплеск клинка у головы, и на пол упала часть графской шевелюры. А над ушами образовались две небольшие лысинки. Оказывается, мой Михалыч – куаффер, то бишь парикмахер, правда, слегка своеобразный. Но очень креативный. В памяти всплывает байка из будущего про «байконурского цирюльника». Ее рассказывал наш «старый зубр», подполковник Сарычев, в свое время отбарабанивший на полигоне двадцать лет и приехавший в Сибирь отдохнуть от жары. С его слов, на «Десятке» жил старый гражданский парикмахер, страшный выпивоха, но супермастер. От постоянного употребления «шила» у него тряслись руки, и ради некоторого количества адреналина к нему ходили бриться. Работал он только опасной бритвой, и когда клиент был готов к процедуре, старик стоял перед ним с бритвой в трясущейся руке, выжидая момент. Потом следовал резкий взмах рукой, и щека была выбрита, наступала очередь другой стороны...

По мере осознания происшедшего изменения имиджа поляк сначала по-пороссячи взвизгнул, потом громко испортил воздух и, судя по всему, бриджи. Наверное, непроизвольно. Вряд ли разумный человек стал бы использовать отравляющие вещества раздражающего действия в замкнутом помещении. Приходится открыть окно, чтобы проветрить комнату.

– Мы служим своему Отечеству. А ты служишь тому, кто заплатит больше. От шпиона нельзя ожидать верности. Так кто из нас холоп? И кому следует чего-то там отрубить?.. Да, и рубить мы не будем. Там, во дворе на лавке твой Микола ждет нагаек. Ты будешь следующим. А чтобы твоя шляхтецкая гордость не пострадала, мы лавку застелим ковром. Это – по

вашим обычаям? А потом в этот же ковер и завернем, прежде чем закопать...

– Командир, смотри, какое ружье чудное! – подает голос Митяй, показывая на стену. – Приклад какой-то круглый, да вот в сумке еще два – запасные, что ли? О, еще железяки какие-то...

Ну-ка, ну-ка... Да сегодня просто праздник какой-то! Целый День Подарков! Сначала – портфель, теперь – замечательное ружье. Пневматический многозарядный штуцер Жирардони! Тот самый, за который Наполеон приказал стрелков казнить на месте. Иными словами – почти бесшумное оружие, бьющее на сто пятьдесят – двести шагов мягкими свинцовыми пулями калибра тринадцать миллиметров. И самое главное – магазин на двадцать пуль!

Вот это мы точно берем с собой! Даже если он неисправен –отремонтируем. С помощью технических достижений начала двадцатого века. На каждый австрийский штуцер найдется русский Левша. И будет у нас «глухой» ствол. Длинноват, правда, но это – не страшно...

Все замечательно, но надо заниматься делом. Гауптман уже пришел в себя, поэтому фразу дублировать не надо:

– Господа, вы сейчас переоденетесь в свою форму и пойдете с нами. В гостях хорошо, но пора собираться домой.

И уже на русском языке:

– Митяй, Егорка, отвяжите от кресел, потом пусть переоденутся и – во двор. Смотрите внимательно, фокусы всякие могут быть.

Оп-па, а оберст-лейтенант на ногах-то и не стоит. Совсем бедняга изнервничался. Так мы далеко не уйдем. Надо его в чувство привести. Тем более, что лекарство под рукой, то есть на столе. Беру рюмку, наливаю до краев коньяком, протягиваю штабному.

– Выпейте! Это приведет вас в чувство.

Немец смотрит на меня непонимающими глазами, механически выпивает «лекарство», давится кашлем, зато глаза становятся осмысленными.

– Егор, и этого вонючку прихвати...

Да, чуть не забыл! Поворачиваюсь к графу:

– Где оружие и награды штабс-капитана? Быстрее, а то терпение кончится!

– Шашка на столе, ножны – вон там, в углу... Ордена – в шкатулке... – испуганный аристократ торопливо докладывает, наверное, не хочет еще раз попасть под раздачу. – Наган вы уже забрали...

– Герр гауптман, где документация на аэропланы?

Фон Штайнберг стоит, расправив плечи, насколько это позволяют связанные руки, и, вздернув подбородок, высокомерно смотрит на меня. Ну, что ж, поиграем в «гляделки». Только не долго... Поняв, что своего я добьюсь все равно, отвечает:

– Все документы в автомобиле радиостанции, в сейфе... Надеюсь, вы поймете меня, как солдат солдата и выполните мою просьбу... Если мне суждено умереть, пусть это будет пуля, а не петля и не нагайки...

Ой-ой-ой, какие мы гордые! Не хочется мне что-то гауптмана на тот свет отправлять раньше времени...

– У нас будет время еще поговорить об этом. И у вас не будет причин быть недовольным моим решением. А теперь – идемте.

Беру шашку, ножны, ордена и выхожу со всеми. Через пять минут мы во дворе. Там ничего практически не изменилось. Пленные сидят на земле, ждут своей участи. Егерь на скамейке неподвижен и тих. Спит, наверное... Штабс-капитан сидит на том же месте, сняв китель, и неизвестно откуда взявшаяся Ганна аккуратно обтирает ему избитую спину. Увидев меня, Волгин отстраняет ее. Чувствуя особенность момента, надевает форму с уже прикрепленными погонами, встает, пошатываясь.

– Иван Георгиевич, это – ваше? – протягиваю ему шашку, наган, ордена. Вижу, как предательски задрожал подбородок, на глаза навернулись слезы... Бережно, как новорожденного, штабс-капитан взял шашку на руки, потом очень нежно погладил золотистую рукоять с маленьким алым крестом на гарде, вытянул клинок на треть из ножен, приложился к нему трясущимися губами...

– Ласточка моя милая!.. Вернулась ко мне... Не захотела покидать хозяина... Спасибо тебе...

Это может казаться мистикой или простым совпадением, но лезвие после этих слов полыхнуло алым отблеском догорающего пожара. Стоявшие рядом казаки отвернулись, Митяев резким движением смахнул слезу с лица. У меня отчаянно щипало в носу, и я стоял с каменной мордой, не мигая, чтобы тоже не прослезиться... Непослушными руками положил ордена и револьвер в фуражку.

– Денис Анатольевич, я – ваш должник. А в роду Волгиных долги всегда отдают... Спасибо вам...

– Полноте, Иван Георгиевич! Какие долги могут быть между русскими офицерами в военную пору!..

Так, лирику заканчиваем, а то пауза затянулась, начинаем экзекуцию.

– Этому уроду, – показываю на растянутого Миколу, – что поднял руку на офицера Российской армии, всыпать двадцать «горячих». Останется жив

– значит, повезло сволочи. Михалыч, распорядись!

Митяев подзывает двоих казаков, те достают нагайки. Не-а, сволочи не повезет! Не выдержит. И поделом.

Поворачиваюсь к графу и обращаюсь по-немецки, чтобы поняли все:

– Твой холуй сейчас получит плетей за то, что по твоему приказу поднял руку на русского офицера. Скорее всего, он умрет. Тебя же, как германского шпиона, ждет другая участь. Как говорят в таких случаях наши союзники англичане: «Вы будете повешены непременно за шею и провисите так, пока не умрете, да смилуется Господь над вашей заблудшей душой». Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Граф мешком оседает на землю, кто-то из казаков оттаскивает его к стоящей неподалеку сенокосилке и привязывает к импровизированному «якорю».

– Начинайте!

Нагайка со свистом полоснула по спине егеря. Он отчаянно изогнулся, быстро засучил связанными ногами, пытаясь унять боль. Я ожидал дикого вопля, но слышно было только невнятное мычание. Рот, скорее всего, кляпом заткнули, чтобы не нарушал майскую ночную тишину... После пятого удара тело безжизненно обвисает, и дальнейшее было уже делом техники. Михалыч посылает одного из своих развязать двух егерей, чтобы те убрали тело с лавки. Напуганные зрелищем, они очень быстро утаскивают тушку куда-то внутрь сарая.

Теперь займемся графом. Оборачиваюсь в его сторону и замираю как вкопанный... Его нет!.. В смысле у сенокосилки от него только обрезки веревок остались. Сбежал, тварь! Тревогу-то он не поднимет, в его возрасте бегать по ночному лесу – удовольствие еще то. Но и наказание должно быть исполнено!

На границе полумрака и тьмы еле видно мелькает его спина. Уйдет же! И попасть в него сейчас оч-чень проблематично. Но пока начальство думает, подчиненные действуют. Ветерок, на счастье, сдул с луны остатки очередной тучки, стало чуть светлее. Кто-то в полутьме выскакивает на несколько шагов вперед, чтобы глаза не слепило отблесками пожарища, вскидывает на ходу винтовку, тут же бахает выстрел. Бегущая вдалеке фигура падает. Только сейчас различаю стрелявшего – Семен, сибиряк, найденный в фольварке. Находка, что ни говори, отличная. Во тьме, с первого выстрела попасть в бегущую цель, и ведь не случайно. По поведению видно – знает, что попал. Видит мой взгляд, подходит.

– Вашбродь, дозвольте кого в помощь, щас приволокем обратно.

– Ну, земляк-сибиряк! Отлично стреляешь! Как умудрился не

промазать?

– Я, вашбродь, в темноте вижу чуть хуже, чем днем. На охоте с батей научился. А в тайге кабан да лось могут и не дать второго выстрела... Да этот и поприметней был. Тока вот пулю жалко на такую тварь...

Глава 31

Вот, вроде бы все дела сделали. Автомобиль на ходу проверили, бочку с горючкой «пленные» холуи любезно закатили в кузов. Далее последовали наши нехитрые пожитки, «все, что нажито непосильным трудом» – ящик гранат, то бишь эрзац-авиабомб, мешок с затворами от винтовок (выкинем по дороге), пистолеты немцев – маузер К-96 в деревянной кобуре, принадлежавший ранее фельдфебелю, и два офицерских «игрушечных» маузера-1910. Жалко, что люгеров у них нет. Свое место занял металлический ящик из радиофургона, в котором лежат шифровальные книги, документация на самолеты, графская папочка и заветный портфель оберст-лейтенанта. Рядом, кинув на пол кузова пару одолженных в доме тулупов и перинку, казаки бережно укладывают раненого.

Под боком у него лежат завернутые в портьеру ружье, шашки и кинжалы. В том числе и те, что пойдут на презенты начальству. Далее следует ящик консервов и остальные «плюшки». Хозяйственные казаки обшарили все в поисках полезного и, самое интересное, кое-что нашли. В штабной машине из багажника достали странный агрегат, немного напоминавший то ли водолазное оборудование, то ли изолирующий противогаз. Кожаный шлем с круглым иллюминатором, забранным решеткой, баллон с надписью «Sauerstoff» (в голове опять шепот двойника – «кислород»), цилиндр, присоединенный к шлангам, еще какая-то металлическая хрень...

Это они, типа, в пруду дайвингом хотели заняться? Или я чего-то еще не знаю? Надо будет в лагере расспросить пленного, зачем ему такой девайс. Отдаленное сходство с противогазом вызывает некоторое опасение. Оберст-лейтенант уже в кузове, привязан к крюку, забитому в борт предусмотрительным Михалычем. Штабс-капитан забрался сам, хоть и кривился от боли.

Теперь надо что-то решать с нашей помощницей. Оставлять ее тут нельзя – изведут или замордуют. Отвезти к родне, если таковая есть поблизости. А если нет? И, кстати, где она сама?

Ганна стоит в пяти шагах от меня. Поймав мой взгляд, нерешительно подходит поближе.

– Пан офицер! Нельга мяне тутачки заставацца, гэтыя прыбьюць! Вазьмице да сябе! Усё робиць буду – и кухарыць, и сцираць, усё, што кажьце!..

– Ганна, я для тебя не «пан офицер», а... Денис Анатольевич. (А как еще она может ко мне обращаться? Командиром называть? Ха-ха три раза...) А с нами идти – далеко и опасно. У тебя поблизости какая-нибудь родня есть? Может, тебе у них остаться?

– Дядечку командир! Богам прошу, вазьмице!.. У мяне тут тольки дзядька живе, ён на чыгунке працуе. У яго сямья вяликая, я абузай буду! Вазьмице, дзядечку!..

Сама чуть не ревет, племяшка новонайденная. Видать, услышала, как ко мне казаки обращаются и решила тоже подлизаться в надежде, что не откажу. И ведь, правда, плохо ей тут будет после нашего ухода. А, ладно, где наша не пропадала! Если к дядьке не пристроим, возьмем с собой... Ну, вот и этот вопрос решили. Остается последний...

Ветер все же разогнал облака, появившаяся луна дает неплохую подсветку. Мертвенно-серебристый лунный свет вкупе с рдеющими багровыми углями пожарища освещает толпу пленных, караульных казаков с карабинами наперевес. Ощущаю себя режиссером какого-то абсурдно-сумасшедшего спектакля. Достаточно одного-двух слов, и вся эта куча людей умрет. Казаки приказ выполняют. Только вот нужен ли он здесь и сейчас? То, что люди называют чуйкой или интуицией, категорически была против. И, наверное, была права...

Пленные гансы занервничали, чувствуя скорую развязку. Слышатся перешептывания, кто-то читает молитву, кому-то не сидится спокойно, начинает ерзать. Гауптман что-то вполголоса говорит им, наверное, призывает продемонстрировать силу тевтонского духа перед русскими варварами. Придется его разочаровать. Я не буду отдавать приказ о расстреле. В бою – совсем другое дело. Убей или будешь убит. А здесь они даже на солдат не похожи. Толпа немцев в возрасте под сорок, в одном белье, связанные, дрожащие то ли от ночной прохлады, то ли от нервов, они вызывают чувство жалости, а не ненависти. Не вписываются абсолютно в образ врага. До утра все равно никто тревогу поднять не сможет, а мы тем временем будем уже далеко...

Гауптман видит мое приближение, снова, как в коттедже, расправляет плечи, стараясь выглядеть достойно в свой последний момент. Лицо бледное, на лбу блестят капельки пота, но не трусит. И даже хочет что-то сказать...

– Герр лейтнант! – перевирает на свой германский манер мое звание. – Я благодарен за то, что смогу умереть, как солдат... Если вас не затруднит, в кармане кителя записка с адресом... в Германии... Прошу переслать через Красный Крест...

Не давая ему договорить, поворачиваю спиной к себе и перерезаю веревку на руках, повинувшись мелькнувшей, как молния, мысли:

– Вы можете дать мне слово офицера, что не будете воевать с нами?

От столь неожиданного предложения немец замирает как вкопанный, на лице отражается внутренняя борьба...

– Я... Я не могу... не могу этого сделать... Я давал присягу моему кайзеру!.. Я не могу ее нарушить!..

– Герр гауптман, нечасто можно встретить на поле боя честного и достойного противника, которым, как мне кажется, вы являетесь. Ваше поведение это доказывает. Поэтому примите совет: позаботьтесь о своем отряде. Аэропланы уничтожены, но люди живы. И вы поставлены ими командовать.

– Но... Вы же сказали, что вам нужен только один пленный...

– Да, поэтому оберст-лейтенант уезжает с нами. А вы остаетесь. И вот еще что... Скорее всего, во время пожара ваши пилоты получили отравление. Сейчас они чувствуют себя нормально, но через несколько часов возможно ухудшение. Они будут задыхаться, единственное, что сейчас может им помочь – давайте им дышать кислородом. Кажется, у вас в машине была газовая сварка. Их нужно укутать во что-то теплое, давать пить горячий чай и не беспокоить попусту. В доме развяжите горничных, они вскипятят воду.

– Откуда вы это знаете? Вы – медик?

– Нет, когда я лежал в госпитале, к нам приезжал профессор медицины, поклонник английского писателя Артура Конан-Дойла. Вы не читали его «Отравленный пояс»? Так вот, столичное светило решило проверить на практике действие кислорода на надыхавшихся газами. Оказалось, что помогает, если не переборщить.

– Чем они могли отравиться?

– Вот это вам лучше узнать у своих подчиненных. Скажу только, что ядовитый газ пахнет прелым сеном или подгнившими фруктами...

– Фосген?! Но откуда?.. – Он поворачивается к пленным, отыскивая кого-то взглядом. – Отто, что произошло во флигеле?

– Мы легли спать, потом этот штабной идиот – шофер – заорал «Тревога!» и уронил лампу в коридоре. Начался пожар в крайней комнате, где складывали имущество. Там лежали огнетушители, и мы с Дитрихом стали тушить огонь...

– Идиоты – вы, а не шофер! Этими огнетушителями нельзя пользоваться в помещении! Сопляки! Я же вам это не раз говорил!

А быстренько гауптман пришел в себя! Сейчас, когда гансы озабочены

разборками, самое время нам исчезнуть. Можно даже по-английски, не прощаясь... Но не получится. Немец поворачивается ко мне.

– Герр лейтнант! Я, гауптман Генрих фон Штайнберг, восхищен и поражен как вашим военным искусством, так и проявленным благородством! Я благодарен вам за милосердие в отношении моих подчиненных и меня лично! Эту встречу я постараюсь запомнить на всю оставшуюся жизнь!

Пора затыкать этот фонтан красноречия. Я понимаю, что товарищ в состоянии эйфории, но нам надо спешить. Еще немного, и начнем брататься и дружить домами и империями...

– Герр гауптман! Я рад нашему знакомству, пусть и при таких обстоятельствах! Повторюсь, в вашем лице я встретил достойного и честного противника, соблюдающего рыцарские законы! Немецкий солдат всегда славился своим мужеством, еще со времен Фридриха Великого. И достойно противостоять ему мог только русский солдат. Но, увы, от этого противостояния выигрывают только островные банкиры... Даст бог, когда-нибудь при встрече мы не станем в боевую позицию, а просто отсалютуем друг другу... – Щелкаю, насколько это возможно в траве, каблуками, кидаю руку к фуражке. – Подпоручик Гуров. Честь имею!.. Прощайте, герр гауптман!..

Глава 32

До старого лагеря у фольварка добрались уже засветло. Было опасение, что по дороге нарвемся на кого-нибудь из немцев, но все обошлось. Обустроились, машину замаскировали ветками и кустиками, выставили посты, отдельный – к немцу и ящичус документами. Быстренько перекусили, попили чайку, и все свободные завалились спать. Ночка была бессонная и не сказать, чтоб спокойная.

Проснулся от аппетитного запаха, вызвавшего громкое бурчание в животе и целую гамму кулинарных ассоциаций. День перевалил уже за половину, народ потихоньку поднимался, приводил себя в порядок. Ганна возилась возле костра, на котором кипело сразу несколько котелков, издавая тот самый аромат. Вокруг нее, стараясь помочь, крутились трое казаков помоложе и Федор.

Бывший кузнец, потерявший брата, все это время ходил угрюмый и молчаливый, несмотря на то, что с виновниками он не без нашей помощи рассчитался с лихвой. А тут вроде как повеселел немного. Сидел возле костра и что-то оживленно говорил нашей «шеф-поварихе», которая сновала туда-сюда, пытаясь приготовить из тушенки и германского «железного» пайка какой-то кулинарный шедевр. И небезуспешно, опять-таки судя по запаху и оживлению среди бойцов. Наш сибиряк тоже внес свою лепту в этот процесс. Отнёсшийся к Ганне скорее по-отечески, походил с кем-то из казаков по округе и притащил к обеду в качестве витаминной добавки два хороших пучка молодой зелени.

– Вот, держи, красавица, к обеду медвежьего лука малость нарвал.

– Ой, дзякую! Гэта ж – чарамша! А чаму вы яе мядзведжым лукам назвали?

– А потому, что у нас в Сибири ее так зовут...

Лежу вот, смотрю и диву даюсь, как общение с женским полом на людей влияет. Вот если бы Михалыч или даже я сам послал бы кого-нибудь из этих умников за водой, пошли бы, но недовольно ворча и спотыкаясь нога за ногу. А тут стоит этой, в сущности еще девчонке спохватиться, мол «Ой, хлопцы, а вады-то няма! Трэба принесці!», как возле пустых котелков уже очередь стоит из добровольцев. Так все гуртом и ломанутся к ручью, забыв о том, что «в гостях» у немцев находимся. Они же перед тем, как к костру подойти, даже побрились своими оборотнями, чтобы произвести впечатление на даму! Как бы ни пересобачились между собой, пойдут ведь

разборки в группе...

Ладно, как говорила одна дамочка с фамилией О'Хара: «Я подумаю об этом завтра». Негромко свищу, привлекая внимание «поварят», показываю два пальца, а потом – кулак. В смысле, идут двое, причем один другого страшует, а остальные сидят и не чирикают. Понятливые оказались, еще не все мозги гормонами затуманены. Встаю, обхожу лагерь – вроде все в порядке. Подхожу к костру, усаживаюсь на чурбачок. Ганна неуверенно улыбаясь, обращается ко мне своей коронной фразой, от которой все начинают ржать:

– Дзядечку камандзир, пачакайце хвилинку, зараз будзе усё гатова.

– Ганна, я для тебя – Денис Анатольевич, – пробую еще раз вразумить это чудо природы. – Понятно?

– Зразумела, дзядечку камандзир... Дзенис Анатолич...

Ну, вот как с этим бороться? И эти клоуны по земле от хохота катаются. Мысленно машу рукой на все эти нюансы.

– Ты говорила, что у тебя где-то поблизости дядька родной живет, так?

– Да, ён на чыгунке працуе абходчыкам. Жыве пад Ловичам, у слабаде.

– Тебя приютить он не сможет?

– Не ведаю, дзядечку камандзир. У яго жонка да дзве дочки. А працуе толькі ён. Трэба з ним гаварыць.

– Тогда давай ближе к вечеру и сходим к нему, поговорим. Как темнеть начнет, так и пойдем. В любом случае мы тебя не бросим... А сейчас покорми, пожалуйста, всю эту братию, пока время есть...

А я тем временем попробую побеседовать с нашим штабс-капитаном. Хотя и чувствую, что беседа будет не совсем приятной и для меня, и для него. По поводу того, как он умудрился потерять свой отряд.

Волгин сидел чуть в стороне, аккуратно, чтобы не потревожить раны, прислонившись к стволу старой сосны, на «перине» из сухих прошлогодних иголок. И в этих же иголках бесцельно ковырялся веточкой, думая о чем-то своем.

– Не помешаю, Иван Георгиевич? – Присаживаюсь рядом на мягкую хвою.

– Вовсе нет, Денис Анатольевич.

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, уже лучше. Вахмистр мазью поделился, правда, она вонючая, зараза. А этот, беглец... Семен, кажется, какой-то травы заварил, дал выпить вместо чая... Но я так понимаю, вы хотите поговорить о том, как это так со мной все случилось? – Штабс-капитан бросает на меня взгляд и тут же отводит глаза. – Отдельные подробности, извините, не буду

рассказывать, а так... При штабе армии формировался партизанский отряд, ныне эта идея у всех на слуху. Написал рапорт, дали мне под команду полусотню казаков под командованием хорунжего и отправили в тыл к германцам. Мы разгромили пару обозов, да так легко все получилось, что уверились в своей безнаказанности и неуязвимости...

Через пару дней остановились на постой в какой-то польской деревушке, припасы пополнить. Ну, а казачки под это дело решили гульнуть. Пытался их приструнить, но не получилось. С гонором они все, мол, свое начальство имеется, все распоряжения – только через хорунжего. А он – тот еще фрукт... В общем, перепились, да разодрались с местными. То ли из-за реквизированного сена, то ли баба какая-то приглянулась. С грехом пополам утихомирились, а ночью, откуда ни возьмись, германцы пожаловали. Может, кто-то из местных привел... Просыпаюсь – вокруг стрельба, выскочил во двор, ничего не понятно, лошадь из конюшни кто-то увел, казаков моих не видно... Через огороды в лес подался, дождался утра, в деревне уже колбасники, пошел искать своих, целый день бесполезно пробродил... Решил идти к линии фронта, да вот у графа... задержался... Вот скажите, Денис Анатольевич, у вас же тоже казаки в отряде, и все распоряжения выполняют беспрекословно. Как вам удалось этого добиться?

– Ну, не знаю, как-то не задумывался над этим... Даже не могу вот так сразу ответить на ваш вопрос... – Нашел время штабс философию разводить!.. Хотя для него этот вопрос, наверное, действительно важен. А у меня с казаками просто так сложилось, вот и всё... Ладно, соскакиваем с темы. – Иван Георгиевич, а почему вы, насколько я понимаю, артиллерист, ведь закончили Михайловское училище, – и вдруг подались в партизаны?

– Да, я служил старшим офицером батареи. – Волгин вновь смотрит на меня, на этот раз испытующе. – Не сошелся во мнениях с штабными по вопросу снабжения... надеюсь, вы меня понимаете? А потом поддержал огнем атаку пехотного полка, чем нарушил приказ не расходовать более десяти снарядов в сутки. В результате последовавших за этим разборов счел за лучшее написать рапорт. И стал партизаном... Правда, неудачным...

– Ну, Иван Георгиевич, лиха беда начало. У меня это тоже первый рейд, честно скажу, что пока не уверен, сможем ли благополучно выскочить к своим. Но мы очень постараемся...

Солнце уже клонилось к закату, когда мы пошли знакомиться с дядькой. Мы – это Ганна, я, Егорка и Федор, который вдруг напросился с нами. Да так настойчиво просился, что аж неудобно стало отказывать.

Интересно, что такое с ним вдруг приключилось? Уж не влюбился ли часом?

Михалыча оставил за главного в лагере, еще раз предупредил, чтобы за пленным и документами смотрели в оба. Это – наш главный приз, и не дай бог, с ними что-нибудь случится. Обещал к полуночи вернуться. Вот теперь идем-крадемся к Ловичу. Путь недалекий, но идти надо осторожно, немцев здесь достаточно.

В слободу зашли, когда уже порядком стемнело, до этого полчаса лежали в кустах, смотрели, что и как. Вроде ничего опасного. Теперь наша красавица идет по улочке, а мы следом крадемся. Насчет красавицы я не преувеличил. В лагере после обеда она стала проситься к ручью сбегать, типа котелки помыть, самой сполоснуться, в порядок одежду привести, а то перед дядькой стыдно будет. При слове «сполоснуться» глаза загорелись почти у всех, от желающих проводить отбоя не было. Кобели, коты мартовские! Пришлось прибегнуть к старой испытанной фишке. Прошу Митяева назвать число от одного до семи, потом как в детской считалочке пересчитываю желающих. У всех на лице жутчайшее разочарование, только Федор, на которого «почему-то» выпал жребий, стоит красный, как вареный рак. Так что пошли они к ручью, провожаемые завистливыми взглядами, что даже Михалыч не выдержал и сказал вполголоса пару ласковых своим станичникам насчет того, что и кому он оторвет, если дурные мысли будут мешать службе. Так что, когда парочка вернулась, все в лагере занимались своими делами и на них внимания не обращали. Глядя на их дефиле, негромко пропел экспромтом:

Нэсе Ганна воду,
Коромысло гнэцця,
А за нею – Федор,
як барвінок вьэцця.

Девушка поставила котелки с водой, села у костра сушить мокрые волосы и через минут десять стала похожа на одуванчик. Но девчонка действительно симпатичная...

Наша симпатяга подходит к невзрачному бревенчатому домику, уверенно открывает калитку. Там раздаётся оживленное тьяканье, потом скрипит дверь, и мужской голос ворчливо предлагает собачке соблюдать тишину. Мы незаметно пристраиваемся у забора и слушаем разговор.

– Дзядька Михась, то я, Ганка!

– Ты откуль узялась, плямяшка? Граф з кухні выгнаў?
– Не, дзядька Михась, яго больш нету, працаваць няма гдзе. Вось я да вас і прыйшла...

– Так куды ж ён дзеўся? Да сябе у памесцье падаўся?

– Забілі яго...

– Як забілі?.. Хто?..

Мы с Ганной договорились, что она дядьке скажет правду, а там посмотрим на его поведение. Если будет прогонять, уйдем, не здороваясь. Если будет возможность поговорить, будем общаться. Судя по всему, дядька был крепко озадачен новостями. Девушка говорила, что он хороший, но только критерии этой хорошеи у нее и у нас разные. Но гнать ее со двора он вроде не собирается.

– Давай, Ганка, заходзь у хату...

– Дзядька Михась... я не адна прыйшла... Там людзи чакаюць, пагутарыць хацяць...

– ...Якия людзи?..

– Тые, што графа забілі... То яны мяне да вас прывялі...

Несколько секунд длится молчание, чувствуется, что человек размышляет, потом он принимает решение:

– Зави гасцей у хату...

Глава 33

В доме было тесно и непривычно. До сих пор мне не приходилось бывать внутри «живых» домов. Развалин видел предостаточно, с жильем они имели мало общего. А тут – дом. Бедный, на грани нищеты, но достаточно чистый, деревянный пол выметен, стол накрыт льняной скатеркой, лавки, полки на стенах, две кровати, застеленные лоскутными одеялами, и даже небольшой иконостас с почерневшими от времени иконами. Заметно, что все было сделано своими руками, надежно и добротно. Заводских изделий было всего три – шкаф с потрескавшимися от времени филенчатыми дверками, зеркало на стене и керосиновая лампа, которая и освещала скудным светом все помещение. Кстати, а рядом с зеркалом висят вырезанные из какого-то журнала фотографии Николая II и всей царской семьи. И ведь не убрал, когда немцы пришли. Это уже о чем-то говорит...

Почти остывшая печка давала еле ощутимое тепло. Рядом с ней – женщина лет сорока в простой крестьянской одежде – юбка, рубаха да косынка. Наверное, хозяйка, дядькина жена. К ее юбке прижимается девчушка лет двенадцати, теребящая в руках соломенную куклу. Вторая, постарше, с другой стороны, держит мамку за руку. Сам хозяин, тоже одетый по-домашнему, стоит чуть впереди своего семейства. И все настороженно смотрят на нас.

– Здравствуйте, люди добрые. Мир вашему дому. – Надо разряжать обстановку.

– Дзень добры, панове... – Хозяин не знает, как себя вести, прихожу ему на помощь. Поворачиваюсь к иконам и крещусь. Федор с Егором, замешкавшись на долю секунды, делают то же самое.

– Мы Ганну, родственницу вашу привели. Ей там оставаться опасно стало, обидеть могли, вот мы и проводили к родне.

– А вы сами-то кто такие будзете?

Хороший вопрос. Сказать, что мы – солдаты русской армии? Опасно. Девчушки еще несмышленные, сболтнут подружкам, несмотря на строгий родительский запрет, – кто его знает, чем это обернется. Форму нашу не видно, поверх «лохматушки» одеты, значит, просто так мимо гуляли, вот и зашли в гости.

– А мы – люди обычные, русские, к своим идем. Вот, по пути, к графу завернули на огонек, да огонек тот слишком сильно разгорелся, погорело

там много всего, да и граф от огорчения помер...

– Чего же это граф так огорчился?

– Нас увидел, когда не надо, вот и огорчился до смерти. – Пора раскрывать карты. Времени в обрез, политесы разводить некогда. – Ганна у вас может остаться, или она с нами дальше пойдет?

– Што ж гэта мы на ногах гаварым? Сядайце, госци дарагия. Маць, накрывай на стол.

Хозяйка двинулась к печке, чтобы достать оставленную на завтра еду. Ага, мы их еще объедать будем? Щас! Знали куда шли, захватили с собой мешок с припасами.

– Хозяйка, не спеши, мы к вам со своим угощением... – После моих слов Федор, тащивший мешок, ставит его со стуком на скамью, развязывает тесемки. А я продолжаю: – Продуктов хотели ей оставить, время-то сейчас голодное. Извини, дядька Михась, но давай к делу. Так сможете ее приютить?

– Так мы ж ее не гоним, тока як яна здесь будзе? Хата, сами бачыце, якая. Летам яшчэ як-нибудь, а зима прыйдзе? Ганка, ты ж да мяне як дочка трэцяя, апасля як бацькоу схаранила. Тольки ж куды я цябе спаць пакладу?..

– Та я ж ведаю, дзядка... – Ганна и рада повидаться с родней, и неловко ей стеснять их, а самое главное – вынуждать отказывать в гостеприимстве. – Негде мяне у вас...

Да я и сам вижу, что это – не вариант. Значит, придется брать девчонку с собой... Возьму!.. Вот костями лягу, а будет у нашей группы персональный повар!..

– Хорошо, хозяин, вижу, что не от хорошей жизни отказываешь. С нами она пойдет, там пристроим как-нибудь. А продукты заberi, тебе они пригодятся. Только смотри, тут германские консервы есть, банки спрячьте как следует, не дай бог кто-нибудь дознается. Тут еще сахарку немного, сала копченого шматок – подарок от графа.

Ах ты черт! У графа в сейфе деньги оставались, и чего не взял? Мародерки испугался? Сейчас бы оставил людям, жить все полегче было бы! Не сообразил, растяпа!.. Стоп! И правильно, что не взял! У графа только крупные купюры были, Михась тут же погорел бы при обмене или попытке что-нибудь купить. Но есть вариант! И называется он – заначка. Мне Бойко в рейд дал запас денег из своих фондов. Вручил пачку потертых, засаленных купюр. Наибольший номинал – десять рублей. В основном это – рубли и пятерки. Отдельно – маленький мешочек с несколькими десятками золотых и серебряных монет. И при этом еще в шутку цитировал Филиппа Македонского: «Осел, нагруженный золотом,

возьмет любую крепость». Вот мы оттуда и возьмем немного... Набираю десяток монет и отдаю хозяину...

– Ганка, а ты нам ласунков привязла? – младшая девчонка, оживившись, теребит за руку свою кузину.

– Не, Алесенька, я ж адтуль сбязала, не да ласунков мяне было.

А эти самые «ласунки», в смысле – гостинцы, мы сейчас и сообразим. Наш сухпай с подачи капитана Бойко был представлен почти всем ассортиментом, который присутствовал на армейских складах. Среди них нашлось место и паре десятков кубиков спрессованного порошка какао, смешанного с сахарной пудрой и сухим молоком. Чем не гостинец? Лезу в мешок, достаю кулечек и протягиваю Ганне:

– Угости своих сестренок!

Девушка дает им по кубику, остальное кладет на стол. Девчонки сначала недоверчиво лижут кубики, потом младшая, распробовав вкусняшку, запикивает ее в рот и замирает с довольной улыбкой. А затем Егорка выдает такое, что я выпадаю в осадок. Достает из кармана и протягивает девчонкам плитку шоколада! Смотрит на меня, густо краснеет, но потом я наблюдаю его озорную улыбку и слышу отмазку:

– В комнате у графа взял посмотреть, да забыл на место положить...

Сластена! Все вокруг мародерят, один я, как дурак, честный. Ну, я тебе устрою амнезийку. Но потом... А сейчас есть один очень важный вопрос, который надо решить с хозяином.

– А скажи мне, пожалуйста, дядька Михась, что сейчас на станции делается?

Хозяин насмешливо прищуривается, разглаживает свои вислые усы:

– А не пра той ли эшелон, яки в тупике стаиць, пытаеце? Так нам туды хода няма. Як ён прыйшоу, так германы усих са станцы павыганяли, даже инжанерав. Сядзим вось па хатам, чакаем, кали нас абратна пустяць. А пакруг эшелона гэтыга часовыя ходзюць. Чэцвера. А штое там унутри – не ведаю.

– А на станцию незаметно пройти как-нибудь можно? Так, чтобы эти часовые не увидели? Ты ж там все ходы-выходы наверняка знаешь как свои пять пальцев.

Дядька Михась держит паузу, потом решается:

– Прайци можна, ёсць там трапинка, пра якую ни германы, ни наша начальства не ведае. Ины раз вядро вугля там пратаскиваем... Тольки на што яно вам? Вы ж што-нябудзь запалице аль взарвеце, а мы потым жывымі будзем? Станцыя ведзь пад бокам...

– Не переживай, дядька Михась, мы тихо придем, посмотрим и тихо

уйдем. Покажешь тропинку?

– Ну што з вами рабиць? Пойдзем... Маць, ложыцца адпачываць, а мы прагуляемся...

Глава 34

Прогулялись мы по темной улочке, плавно перетекшей в обещанную тропинку, приведшую минут через десять к забору станции. Дядька Михась осторожно ощупывает доски в заборе, потом что-то поворачивает, раздвигает две доски и образовывается небольшой лаз.

– Дальей на каленках, – слышен его шепот.

Осторожно втискиваюсь в черную дыру, опускаюсь на карачки и таким способом проползаю в каком-то туннеле метра четыре, потом вываливаюсь вслед за железнодорожником на открытое место. За мной появляются Егорка и Федор.

– Эшелон вось там стаиць, – шепчет Михась, – праз две пути, у тупике... Я здесь застанусь.

Нахожу во тьме его руку, вкладываю в нее один из фонариков, взятых с собой.

– Пользоваться умеешь?

– А то як жа.

– Будем обратно ползти, мигни нам, чтоб мимо не промахнулись... Все, мы пошли.

Тихонько, на ощупь крадемся к вагонам, залгаем, увидев свет фонарика, двигающегося мимо нас. Первый часовой... Неподвижно лежим и смотрим. Ага, а вот и второй нарисовался. Третий и четвертый, наверное, с другой стороны. Шепчу на ухо Егорке:

– Дождись, когда разойдутся, нырни под вагон, посмотри остальных гансов.

Он снимает сапоги, исчезает во мраке. И тут со стороны вокзала появляется еще один фонарик. Замерли! Не шевелимся!.. Федор все прекрасно понимает, превращается в монумент. И у него, и у меня ножи наготове, спрятаны лезвием в рукав. Работать надо будет по-тихому. Фонарик тем временем приближается, часовой окликает идущих традиционным «Хальт!», потом рапортует разводящему о том, что все в порядке. Так это смена часовых пожаловала! Замечательно! Восхитительно! Изумительно! У нас в запасе будет уйма времени, пока поднимут тревогу. Главное, чтобы Егорка себя не выдал...

Смена прошла без замечаний и происшествий. Разводящий увел своих караульных, а через пару минут появился Егор.

– Там с другой стороны еще двое, сходятся на середине поезда.

– Хорошо, здесь – то же самое. Нырнем под вагоны, чистим сначала ту сторону, потом эту.

– Командир, можно я с этой стороны сразу двоих сниму? Я смогу, справлюсь. – Это уже Федор инициативу проявляет.

– Подождешь, пока там сработаем, потом мы тебя здесь подстрахуем. Понял?

В ответ кивок...

Мы с Егоркой уже под вагоном, гансы вот-вот сойдутся, потом пойдут обратно. Тут мы их и приземлим. Шаги все ближе и ближе... Сошлись! Один пожаловался на тяжелую жизнь без курева, второй буркнул в ответ что-то типа: «Свое иметь надо!», но пообещал, что через два круга даст разок затянуться из трубки. Бардак, а не несение караульной службы! Впрочем, мы не позволим им портить здоровье никотином. Еле ощутимый хлопок по ноге, и Егорка отползает вправо на три метра. Я делаю то же самое. Гансы разошлись, считаем шаги... Вот приближаются, сошлись, поворачиваются, пошли обратно... Работаем!

Выныриваю из-под вагона, левой рукой захват сзади за шею, одновременно удар ногой под коленку, немец заваливается на меня, правая рука с ножом круговым движением летит к груди противника, клинок с тихим хрустом входит в тело, укладываем тушку на землю, вытираем нож, оглядываемся. Егорка тоже своего часового успокоил. Навсегда...

Вокруг тишина, никто ничего не увидел и не услышал. Это есть хорошо! Заползаем обратно под вагон, двигаем к Федору. Дождавшись нас, он ждет, пока часовые сойдутся в одной точке, и как только они начинают поворачиваться, выныривает из-под вагона, хватая обеими руками гансов за шеи и, резко подавшись назад, сталкивает их лбами друг с другом... Раздается звук, похожий на удар кия по бильярдному шару, немцы – на земле, выскакиваем с Егоркой, удар ножом на добивание. Всё!.. Ну, кузнец, он и в Африке – кузнец. Сила есть, – ума не надо. Хотя это – не про Федора...

Теперь можно посмотреть, что там такого интересного внутри вагонов. Которые закрыты на замки и опломбированы... Но, как известно, против лома нет приема. Даже если в качестве оного использовать только что найденный карабин Маузера. Легким движением руки замок приходит в негодность, дверь тихонько отодвигаем в сторону... И что? В свете фонарика видны какие-то баллоны, сложенные на деревянных поддонах в три ряда. Что в этих баллонах может быть ценного?..

Я понял, что это такое!.. И моментально покрылся холодным потом! В этих баллонах – отравы, скорее всего хлор, может с примесью брома. Если я

правильно помню занятия на кафедре ЗОМП. Нам тогда рассказывали про недостаточную эффективность химических снарядов и про газобаллонные атаки... Мать!.. Мать!.. Мать!.. Что делать?!.. Устраивать большую бяку – нечем и, главное, – нельзя! Рядом буквально в километре – мирные жители... Дядька Михась, его жена, дочери... Ганна... Соседи, простые мирные люди... Им это за что? Лес рубят – щепки летят? Ни фиги! Не будет этого!.. Только вот что делать сейчас?! Кажется... Кажется, я знаю, что делать!

– Егор, Федор, быстро вскрыть все вагоны! Только тихо! Один работает, второй страхует! Бегом!

Так, когда ползли, видел по дороге кучку то ли мела, то ли извести... Ага, нашел! Теперь фонарик в руки, и упражняемся в граффити... Через пять минут на дверях всех вагонов появились надписи «Ахтунг! Минен!» (Внимание! Мины!), а на самом последнем вагоне от себя лично добавляю еще две строчки: «Ферштэен зи винке? Унмэрклихэ рэхер» (Вы намеки понимаете? Неуловимые мстители)...

Теперь надо быстрее отсюда сваливать, только по-умному. Быстренько идем обратно, дядька на месте, сидит себе и волнуется.

– Михась, где самый слабый забор на станции? Примерно в том направлении. – Показываю рукой в сторону фронта. – Надо ложный след сделать.

– Ну, так, ось там, гдзе склады стаяць. Прамиж ними только калючка нацянута. И да дароги близка. Зараз да стрэлки, потым улева и да забора.

– Тогда сделаем так: вы с Федором уходите лазом, мы с Егором идем с этой стороны. Там на месте свистом опознаемся. Делаем проход в колючке, потом – на дорогу, а там пусть нас ищут хоть до Рождества...

– Добре... Так мы палезли...

Дядька Михась ушуршал в свой лаз, за ним исчез и Федор. А мы прикрываем «дверку» в свободный мир и идем по названному маршруту – до одиноко стоящей стрелки, потом налево. Один раз пережидаем, затаившись под вагонами, пока пройдет патруль, и добираемся наконец до складов. Забор – десять ниток колючей проволоки, натянутой между бревенчатыми стенами. Н-да, до Великой Китайской стены этому «произведению» далеко. Однако, судя по натопанной тропинке, тут кто-то регулярно ходит. Знать бы еще кто!

Затаиваемся, замираем, осматриваемся по сторонам, ждем сигнала с той стороны. Через несколько минут в кустах зашуршало, раздается тихий, знакомый «чирик». Егорка отвечает, из кустов появляется Федор. Показывает знаками, что нужно подождать. Добро, ждем – и не зря...

Минуты три спустя слышатся шаги и мимо нас топают пара немцев, патрулирующих периметр. Вжимаемся в какую-то яму, благо, она в тени от склада. И в момент, когда гансы уже почти скрылись в темноте, на той стороне что-то хрустит! Да твою ж!.. Патруль возвращается, винтовки уже наготове. Останавливаются перед забором, вглядываются в кусты, подсвечивая фонариком... Сейчас заметят наших – и кранты!.. Надо валить этих любопытных сволочей!..

Рука уже нащупывает рукоять ножа... Группируемся... Сейчас!.. И тут внезапно раздается дикий кошачий мяв! Тут же что-то шуршит в стороне! Все происходит так неожиданно, что весь от макушки до пяток покрываюсь огромными такими мурашками... Немцы аж подпрыгивают на месте, как только не выстрелили – ума не приложу! Потом в ночной тиши в два голоса раздается длинная и очень эмоциональная характеристика семейства кошачьих отряда хищных млекопитающих. Причем слова «шайзе», «бешёерт кетсе» и «аршлох» были самыми невинными и вежливыми. Поупражнявшись в красноречии и поняв, что адресат уже далеко и вряд ли их слышит, гансы, пересмеиваясь, шагают дальше... Ф-фух-х!.. А спина-то вся мокрая!.. Из кустов снова появляется Федор. Даже в неярком лунном свете вижу его радостно-довольный оскал. Вот, значит, какой у нас котик завелся... Кстати, а хорошо придумал, молодец! И получилось очень натурально! Ладно, все эмоции – потом...

Нашариваю на земле какую-то железяку, похожую на кочергу, просовываю под нижним рядом колючки. Федор подхватывает ее с той стороны, синхронно тянем вверх... Тихонько лопаются один ряд, натягивается второй, – все, хватит! «Котяра» перехватывает проволоку, я ставлю железяку распоркой. Полметра вполне достаточно, чтобы пролезть. Егорка ползет первым, я – следом. Так, теперь кочергу убираем, кладем неподалеку. И не на виду, и найти легко. Ныряем в кусты, натыкаемся в темноте на Михася.

– Усе добра?

А голосок-то дрожит, тоже напугался.

– Да, уходим, – шепчу в ответ.

– Ходзем, только асцярожна, тутачки лужа мазуты, хтосци разлиу.

А вот это – хорошо! Снимаем наши «тапочки-тряпочки», макаем в мазуту, выбираемся на дорогу. Кидаем их в канаву в противоположном направлении. Типа, мы туда ломанулись. Пока гансы раскachaются, пока найдут проход в колючке, пока доберутся до тапок – уже и утро будет. Собак розыскных на станции нет, пока привезут, по дороге не один десяток сапог пройдет, и наши следы затеряются гарантированно...

По дороге не могу удержаться и задаю мучающий меня вопрос:

– Федор, что это было в кустах? Ты где ночью кошку раздобыл?

Этот приколист в ответ чуть не ржет:

– Командир, это я с детства умею кошек передразнивать. Когда с брательником малые были, жили по соседству с лавочником. Он злой был, с батей, с мамкой постоянно лаялся. Вот мы и выучились кошек передразнивать. Как стемнеет, мы к забору подкрадемся и начнем мяукать. Евонный кобель чуть цепь не рвет, хозяин орет на пса, ну, чтоб тот заткнулся. А мы обождем немного и снова мяукать. И так раз несколько за вечер...

– И что, так лавочник и не догадался?

– Ну, когда понял, натравил своего пса на нас с мамкой. Тока я уже у бати в кузне молотом махал, силушка появилась. Одной рукой закрылся от зубов, другой в лоб псу и засадил. Ему одного удара хватило.

– Да уж тебе под руку попадаться – дураков нет...

Дошли нормально, на прощание еще раз проинструктировал дядьку Михася о молчании, и чтоб дочкам своим то же самое разъяснил:

– Смотри, Михась, малые твои сболтнут что-нибудь подружкам про гостей да шоколад – и пойдет гулять молва.

– Та ни, никому яны не збалтнуць. Тут жа усе – паляки, з нами ня знающа. Маи деуки только удваём и гуляюць... Пан офицер... – Видя, как я морщусь, поправляется – Ваша благородзе!.. Не забижайце Ганну!..

Предмет разговора стоит рядом с Федором, потихоньку утирая мокрые глаза.

– Я ее никому не дам обидеть! – В темноте скорее чувствуется, чем видится, что Федор краснеет от своих слов. Вот это да! Типа «Ромео плюс Джульетта» объявились? Михась смотрит на него, потом достает из кармана какой-то сверточек, протягивает Ганне:

– Вось, Ганка, калечка да цепка срэбная, тваёй мамки. Прыданным цябе аддала... Тут жа папера з царковнай книги аб нараджэнні.

– А благословишь, дядька Михась? – Голос у Федора напряженно звенит, даром, что шепотом общаемся.

– ...А пра тое у яе самой пытай. Яна у сябе вальна. Як сама скажыць, так и будзе...

Ну, нашли время!.. Вот выйдем на нашу сторону, тогда и играйте в «лямур-бонжюр-тужюр» хоть до посинения... Со стороны станции раздается шум, взывает ручная сирена, вспыхивает прожектор, луч начинает лихорадочно скакать из стороны в сторону. Потом раздается несколько выстрелов...

Ганна обнимает дядьку на прощание, оставляя, наверное, на его рубаше два мокрых пятна от слез. Жмем по очереди руку Михасю и исчезаем в темноте...

Глава 35

В лагере в двух словах рассказываю Михалычу о наших приключениях и заваливаюсь спать. Мне с утра еще баранку крутить. Она хоть и размером раза в два больше, и крутится довольно легко, но чтобы чуть-чуть повернуть, надо три-четыре полных оборота сделать. Плюс механические тормоза, да еще только на задних колесах. Такое понятие, как экстренное торможение, в природе пока не существует. Чтобы агрегат «нехотя» притормозил, надо упереться ногой в педаль, затылком – в заднюю стенку кабины и изо всех сил разжимать эту область пространства, вспоминая при этом как можно больше нецензурных выражений. И это все – на российских дорогах. Одно утешает – гвоздей можно не опасаться, резина на колесах литая, без покрышек и камер.

Как рассвело, Митяев послал пару казаков на разведку, те вернулись с очень плохими вестями. На развилке дорог обосновался немецкий пост. Проверяет всех идущих и едущих. Пока казаки наблюдали, в сторону фронта прошла без проверки только одна машина с солдатами. Ее старший показал какую-то бумагу гансовским «гаишникам», и его быстро пропустили. Значит, немцы уже очухались и принимают ответные меры. Дороги они перекроют, а вот будут ли прочесывать лес? Вряд ли. Это же сколько народу надо снять, перевезти, развернуть в цепь и т. д. В Великую Отечественную, насколько я знаю, этим занимались специально надрессированные части, а не простая пехота. Есть ли сейчас такие?.. Егеря?.. Так их мало, и здесь их нет по данным Бойко... Ладно, посмотрим.

Как ни жаль, но автомобиль придется бросить. В неисправном состоянии, конечно. Минут пятнадцать издеваюсь над движком, переводя агрегат в состояние «ремонт не подлежит», затем, проверив готовность группы к маршу, даю команду на выдвижение. Двигаться теперь будем медленно и осторожно, пешком. Зато по лесу вдоль дорог можно идти и днем. В ядре группы – наше «сокровище» в виде оберст-лейтенанта, навьюченного вещмешками, и его конвоира, затем – двое казаков с секретным ящиком, который тащат по очереди. Далее идут штабс-капитан, Ганна. Федор, впрягшийся в носилки спереди и двое казаков, попеременно работающих тягловой силой, сзади. Кузнец от подмены отказался, обещал сдюжить. За ними – Платоша, навьюченный оставшимися вещмешками, бомбардир, нагруженный пневмоштуцером и свертком с трофейными клинками. Сзади замыкает шествие Михалыч. Впереди и сзади – парные

дозоры, по бокам – по три казака россыпью.

Головной дозор идет в полусотне шагов, мы потихоньку топаем следом. Вскоре натываемся на просеку, идущую почти параллельно дороге. Пока разведчики уходят посмотреть, всем остальным – привал, отдышаться и малость передохнуть. Разведка возвращается, по их словам просека чистая, никого нет... Еще час хода, и снова привал.

И опять находим себе приключения на известное место. В стороне от дороги, недалеко, раздаются винтовочные выстрелы, потом в эту «музыку» вписывается пулемет, в небо взлетает красная ракета. Казаки реагируют моментально. Пару секунд – и все «пассажиры» уже в лесу, в кольце ошестинившихся стволами бойцов, которые незаметно слились с лесом. Тут же беру Семена, Гриню, оставляю Митяева за главного, и бежим выяснять, что там за фейерверк. Место действия оказалось ближе, чем я думал. Метров через триста лес заканчивается, видна грунтовка, автомашина и спины гансов, лупящих частым огнем по кому-то невидимому на лугу, разделяющем лес и дорогу с другой стороны. Оттуда отвечают редкими выстрелами, видны несколько лошадей, носящихся без всадников. Дистанция до немцев смешная – метров пятьдесят. Двое методично обрабатывают луг из пулемета, остальные ведут стрельбу из винтовок. Трое – под машиной, четверо отползли вправо на десяток метров, устроились в глубокой канаве возле дороги. Стреляют азартно, по любому движению в траве.

Девять гансов... А почему бы, собственно, и нет? Тыловое охранение отсутствует, что очень недальновидно с их стороны. Только один, самый умный, наверное, пару раз оглядывается назад на кромку леса. Остальные хотят за грохотом выстрелов услышать треск веток у себя за спиной? Нью-ню! А вот мы сейчас тихо подойдем, чтобы не отвлекать людей от развлечения. Показываю цели. Семену – пулемет, Грине – троицу под машиной, себе оставляю правое крыло. У меня – люгер и наган, пятнадцать выстрелов. Хватит на всех, и еще останется.

Проползаем вперед метров тридцать, привычный «чирик» в паузе между выстрелами. Начинаем! Несколько секунд бега, два выстрела, кувырок в траву. До гансов несколько метров, промахнуться ну очень трудно! Еще четыре раза бабахает «люгер», тушки лежат неподвижно. Краем сознания замечаю какую-то необычность на земле, но нельзя останавливаться. Ухожу кувырком влево, смотрю, как там мои. Гриня двоих под машиной успокоил, третьего вытащил на свет божий и вяжет ему ручки. Семен, видимо, сразу с места снял обоих пулеметчиков. Лежат они, болезные, обнявшись за «максимом». Кстати, трофейным, то бишь нашим.

Сначала прилетело первому номеру, второй, видимо, попытался его оттащить, да так и остался лежать, получив свою пулю.

Выстрелы затихли и с противоположной стороны. Значит, можно начинать диалог.

– Эгей! Есть там кто-нибудь живой?!

Тишина, никто не отвечает; кроме хромающей лошади в отдалении, никого не вижу.

– Не стреляйте! Если есть кто живой, отзовитесь!

Проходит секунд двадцать, собираюсь уже идти на луг, как вдруг раздается ответ:

– Сами-то кто таковые будете?!

– Так, православные, вылезайте, идите сюда, будем знакомиться! Германцы уже кончились!

Чуть в стороне поднимается из травы папах, замирает, потом рядом с ней появляется голова. По виду – казацкая. Чуб, усы... Казак поднимается на ноги, оглядывается назад, потом сторожко идет к машине. Выхожу из-за кузова, немного страшновато, но, похоже, стрелять больше не будем. «Переговорщик» подходит, видит офицерскую фуражку, козыряет, затем оборачивается к лугу и оглушительно свистит, с характерным таким переливом.

Из травы поднимаются несколько человек, один, видимо, раненый, припадает на одну ногу. Жду, пока не подойдут поближе. Все – казаки, старшим – черноволосый урядник с роскошными усами. Винтовки – стволами вниз, но наготове. Семен и Гриня стоят сзади, подстраховывая меня, и одновременно держат фланги. Если что, помогут. Урядник мнетя, не зная, кто перед ним и как к нему обращаться. Придется прийти на помощь. Медленно, чтобы не спровоцировать, расстегиваю лохматку, показываюсь во всей красе, представляюсь первым – не до церемоний:

– Подпоручик Гуров.

– Так что, вашбродь, Первого Донского казачьего генералиссимуса Суворова полка урядник Петряев. Состоим в партизанском отряде штабс-капитана Волгина.

Оп-па, тесен мир! Те самые казаки, которые погулять в деревне решили? А потом под немецкие молотки попали? Ну-ну, вояки... Ладно, разборки потом.

– Урядник, сколько с тобой человек и что вы тут делали?

– Десяток нас остался, за харчами на дорогу подались, хорунжий послал. Нас германы пощипали, так он ранетый в лесу с остальными. А мы отправились провиант добывать.

– А командир ваш, штабс-капитан Волгин, где?

– Так эта... Как на нас в деревне германцы напали, так и пропал он. Таперича хорунжий старшим.

Пока разговариваем, из леса появляются еще четверо. С лошадьми. Итого, вместе с урядником, девять. А где десятый? А, не мое это дело...

– Петряев, не в службу, а в дружбу, пошли верхами пару казаков за поворот дозором. Не ровен час еще кто нагрянет.

Урядник спорить не решается, да и не в его это сейчас интересах. Поворачивается к своим:

– Сашко, Матвей! На-конь, и на поворот! Ежели кто тама появится, тревогу подымете!

Двое названных взлетают в седла и уносятся вдаль. А мы теперь посмотрим, что тут интересного в машине, и с пленным побеседуем.

– Гриня, ты кого там вязал?

– Да гефрайтера поймал, видно, у гансов старшим был. Тащить?

– Не надо, сам подойду. Ты, пока я с ним общаться буду, посмотри, что в кузове интересного есть.

Пленный в ступоре, не понимает до конца радикального изменения своей судьбы. Развязываю ему рот и тут же слышу:

– Ферфлюхтер руссише! (Проклятые русские!)

Ну, ты тут мне еще ругаться будешь! Твоя задача сейчас бояться и говорить правду. Поэтому тычком в печень привожу ганса в более адекватное для исповеди состояние и, сооротив зверскую морду лица, рычу прямо в ухо:

– Наме?! Регимент?! (Имя?! Подразделение?!)

И тут же добавляю еще раз... О, подействовало!

– Оу-у!.. Гефрайтер... Иоганн... Кляйзе... Сорок девятая дивизия ландвера...

– Кто давал сигнал красной ракетой? Что он означает? Говори!

– «Обнаружил противника! Все ко мне!»...

Так, уже интересней! А насчет всех – тут давай подробней.

– Кто должен появиться? Ну! Быстрее!..

– Взвод кавалерии...

– И все?

– Да, здесь больше никого нет...

Меняем прицел, следующий удар прилетает ребром ладони по шее. Полежи, отдохни. Не знаю, правду ты мне сказал или нет, нам все равно отсюда надо сваливать как можно быстрее.

Пока беседовал, Гриня нашел в кузове еще один «максим», семь

коробок с лентами и ящик патронов к маузерам. Казаки тем временем поймали своих коней, безлошадными остались двое. Да еще вытянули на дорогу тело одного из своих. Три пулевых ранения в грудь, ровной строчкой, – пулеметчик сработал. Итого, из десятка один убитый и двое раненых. Тому, что хромал, повезло – чиркнуло по бедру, ничего важного не задело, а вот второй поймал пулю в руку возле локтя, кость, похоже, перебита, кровь остановили, сделали лубки из веток, но долго без доктора не протянет. И без обезболивающего тоже. Надо будет ему спиртику плеснуть, когда немогогу станет.

– Вашбродь, гляньте! – Семен бесшумно подошел сзади и протянул мне одну из винтовок. Так вот что я заметил, но не додумал в горячке! На маузере стоит оптический прицел! Вот это подарок! Беру в руки, прикладываюсь, целюсь – оптика замечательно увеличивает все детали, пространство скачком приближается к глазам. Очень полезное приобретение! Отрываюсь от винтовки, отдаю Семену:

– Пока к нашим не выйдем, отвечаешь за нее, у тебя – не пропадет...

Глава 36

Меня обрывает конский топот на дороге. Оборачиваюсь и вижу дозорных казаков, несущихся к нам.

– Германцы! На дороге с полста конных!

Урядник слегка растерянно смотрит на меня, тут же нахожу вариант решения задачи.

– Петряев, всех, кто может – в седло! Как гансы появятся, делаете вид, что автомобиль раздували, и сматываетесь от них! Вы же знаете, что такое ложное отступление!

– Вашбродь, а вы?

– А у нас два пулемета. Гриня, бери «максим», Семена в помощь, и вон за те кустики. Возьми пару коробок с лентами, мало ли что. Как до во-он той березки доскачут (на глаз до нее метров двести), начинай. Я из другого пулемета поработаю, прямо из кузова. Петряев, дай мне одного казака вторым номером да спрячь раненых за машиной. Отскачите метров сто и потихоньку возвращайтесь. Все понятно?

Лезу в кузов, подкатываю пулемет к открытому заднему борту, обкладываю ранцами для маскировки. В кузов, кряхтя, забирается раненый в ногу казак.

– Вашбродь, дозвоьте помогу. Я в пулеметной команде ранее служил.

– Ты ж раненый.

– Та рана лежать да ленту направлять не помешает.

– Ну, давай, укладывайся да заряжай...

Германцы появляются из-за поворота неожиданно, и уже на хорошей скорости. Значит, заметили дозорных и решили познакомиться с ними поближе. Ну, давайте, храбрые германские парни. Урядник со своими очень натурально изображает поспешное бегство от неотвратимого возмездия. Немцы, видя, что добыча хочет ускользнуть, прибавляют скорости. Над головами мерцают клинки, даже отсюда слышны вопли «Хох!!!». Растянулись вдоль дороги, несутся как оглашенные. Три секунды, две, одна. Есть! Первые ряды поравнялись с березкой! Гриня из кустов лупит длинной очередью, через секунду присоединяюсь к нему. Передние ряды смешиваются, падают. Вспоминается цитата из Лермонтова: «Летят на землю кони, люди...» Задние пытаются затормозить, развернуться. Пулемет бьется в руках, ритмично выплевывает смерть из ствола, промахнуться трудно. Цель групповая, да и дистанция детская. Ствол вязко

двигается слева направо, потом прицел чуть выше, и в обратную сторону. А потом вдруг не в кого стало стрелять. Пощелкивает разогретым металлом водяной кожух пулемета, на дороге – кучи лошадиных и человеческих тел, кто-то еще дергается, бьется в агонии. Натурально картина из Апокалипсиса...

– Все, вашбродь, нет больше германцев. Все полегли. – Мой второй номер щерится в довольной улыбке. – Ловко вы их!

Возвращается урядник со своими бойцами, на лицах смешанные чувства – удивление, радость, недоумение, мол, как можно за неполные три минуты положить полусотню кавалеристов. А вот и можно. Всего-то нужно – пара пулеметов и удобная позиция...

– Петряев, пошли своих кончить германцев, только смотри, осторожней, мало ли там какой недобиток найдется. Гриня, сходи с ними, собери жетоны. И люгеры, там их штуки три будет.

Пять минут, и все наши дела здесь окончены. Пора двигать к своим. Смотрю на часы – с момента, как мы ушли с привала, прошло семнадцать минут. Так, надо что-то делать с казаками Волгина.

– Урядник, бери пару человек, пойдём с нами, остальные пусть прячутся и ждут вас здесь. Винтовки можете затрофеить, но пулеметы я вам не дам, – экспромтом цитирую «Белое солнце пустыни». – И автомобиль не трогайте. Он еще пригодится...

Никогда не думал, что увижу наглядное пособие на тему «Глаза на лоб вылезли». Именно так и смотрелся урядник Петряев, когда увидел перед собой якобы погибшего штабс-капитана Волгина.

– Ваше благородие, так вы живы?!

– Да, Петряев, живой. Спасибо вот подпоручику Гурову, вызволил... А что с остальными? Сколько вас осталось?

– У нас, вашбродь, тридцать семь казаков, из них семеро раненых, трое – тяжело. Шестеро в деревне остались... Нас хорунжий в лес увел, потом вот сюда поближе перебрались. Харчей совсем нет, пошел вот с десятком на дорогу, да на германцев нарвались.

– Наскочили на машину-ловушку, – вступаю в разговор. – С виду – обычный автомобиль, а внутри – десяток гансов с двумя пулеметами. Видно, после наших шалостей на станции взбудоражились. Да и гауптман из поместья уже должен был выбраться, наверняка доложил по команде. Так что, надо принимать решение, Иван Георгиевич. Или вы с нами уходите, или остаетесь партизанить самостоятельно.

– У меня, по словам урядника, семеро раненых... Даже не знаю, Денис Анатольевич...

– Я пока тоже не принял окончательное решение, Иван Георгиевич. У меня раненый, некомбатант и, самое главное, очень важный пленный с кучей секретных документов. Мне бы сейчас тихой мышкой к своим проскочить незаметно, да пока не получается. Машину и кавалеристов скоро искать начнут, всех на уши поднимут. Отсиживаться нет смысла, завтра еще плотнее перекроют ходы-выходы. Хотелось бы автомобиль использовать, но слишком заметно. Хотя до линии фронта – километров десять-двенадцать, если внаглую прорываться, – есть шанс.

– Денис Анатольевич, у меня есть предложение. Вы забираете моих раненых, на автомобиле как можно дальше продвигаетесь к линии фронта, а я со своим отрядом постараюсь прикрыть вас с тыла. Если обнаружат, свяжем боем, отвлечем, дадим хоть сколько-нибудь времени, чтобы вы ушли. Если все получится, уйдем дальше по тылам. Нет, следом за вами выскакиваем к своим. Как вам такое решение?

– Хорошо, Иван Георгиевич, я согласен. У вас пулеметчики есть? Я один пулемет отдам, выюком повезете.

Волгин одобрительно кивает, и мы начинаем сниматься с привала. Выходим к машине, там повторяется картина внезапно-радостно-виноватого узнавания пропавшего командира. Пока мы готовим автомобиль к дороге, Волгин отправляет нескольких казаков ловить уцелевших немецких лошадей, а сам едет за остальной частью отряда. Когда они возвращаются, машина спрятана на ближайшем съезде в лес, отдельной кучкой сложены все консервы, которые были у нас и в немецких ранцах. Себе оставили только по банке тушенки на человека. Если Волгин уведет своих дальше в рейд, они им пригодятся. Рядом – один из трофейных пулеметов, три коробки с патронными лентами. Все наше богатство – пленный, ящик с секретами, тюк с трофеями – уже в кузове. Там же раненый казак. По прибытию отряда Волгина к нему добавляются еще семеро, из них трое лежачих. Прибывшие казаки быстро разбирают «подарки», но на еду не набрасываются, сказав, что на ходу по паре галет сгрызут, и ладно.

Выдвигаемся, когда солнце только начинает клониться к западу. Десять километров. Два часа прогулочным шагом. Пятьдесят шесть минут согласно НФП в режиме марш-броска. И бесконечно долгое ожидание всевозможных пакостей и подлянок во время движения. Пока, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, все идет нормально. За два часа преодолели километров шесть-семь. Головной дозор пока не поднимает тревоги, казаки Волгина неторопливо трусят в сотне метров за машиной; мои орлы, что не поместились в кузове, едут на трофейных конях. Где-то тут должен быть

неглубокий овраг, тянущийся почти до наших позиций. Разведка сейчас усиленно его ищет. Доберемся до него, считай, уже пришли...

Глава 37

Но, как говорится, хочешь рассмешить Бога, поведай ему о своих планах. От кромки леса слева от нас отделяется с полдесятка всадников, скачущих наперерез. Наших тут быть не может по определению – значит, гансы! Прибавляем скорости, насколько это возможно. Казаки Волгина разворачиваются в сторону противника, быстро набирают скорость. Те шарахаются обратно к лесу, на ходу сдергивая карабины. Раздаются первые выстрелы. Мои казаки рассредоточиваются полукругом сзади автомобиля, прикрывая собой самое ценное – кузов с пленным и ранеными.

От леса в нашу сторону скачет уже около сотни кавалеристов. Волгинские казаки пытаются отстреливаться на ходу, но их слишком мало для отпора. Машина, воя мотором, прыгает на кочках, качается из стороны в сторону. Раненым в кузове сейчас ох как хреново, но вариантов нет. Единственная надежда на обезболивающее. Там, в кузове, его – целая фляжка. Расстояние пока велико для прицельного огня, побережем патроны. Впереди появляется разведка, машут фуражками, привлекая внимание. Подскакивают к мчащейся машине, орут на скаку: «Там овраг! Чутка влево!»

Доворачиваю руль, давлю на газ изо всех сил. Часть немцев скачет наперерез, оставляя против волгинских казаков заслон. Машина влетает в низину, мои втягиваются следом, оглядываясь на немцев. Впереди видны чахлые кустики, проскакиваем мимо них, проезжаем еще метров пятьдесят... и мотор глохнет! Выскакиваю из кабины, ору: «Все здоровые – из машины!» Собирается вся моя группа – часть пешком, часть – верхами. Оглядываюсь назад, на спуске в ложбину появились всадники в фуражках, значит – волгинские.

– Михалыч, бери троих верховых, твоя задача – доставить пленного и ящик с документами к нашим.

– Командир, я со своими останусь...

– Вахмистр! Выполнять!!! – повышаю голос, потом уже тише. – Михалыч, да пойми ж ты, я должен быть уверен, что немец с ящиком попадет к нашим во что бы то ни стало... А мы их здесь задержим и помотаем. – И совсем тихо: – Ганку с собой заberi...

Митяев пристально смотрит на меня секунд пять, что-то решая для себя, потом козыряет, что случается крайне редко, поворачивается к группе:

– Антон, Михайло, Юрко! Грузим германца, ящик и девку. Уходим

верхами. Живо!

Связанного пленного офицера, как барана, перекидывают через седло на заводную лошадь. Ничего, переживет их немецкое благородие. Другой казак прихватывает ремнями ящик с бумагами позади себя. Третий, не слезая с коня, подхватывает тоненько пискнувшую Ганну в седло. Федор суется было вперед, но встречает мой взгляд и отступает.

– Так, братцы, толкаем машину, пока возможность есть. На руках мы раненых не унесем.

Казачи без слов упираются в кузов, подлетает Волгин со своими, кричит:

– Германцы уже недалече!

Тем временем трое его казаков разматывают арканы, притороченные к седлам. Затягивают петли на передке автомобиля, ставят своих коней буксировать спереди. Три коня и десяток казаков – хорошая тяговая сила. А мы сейчас займемся другим.

– Андрей, Федор, Семен, ко мне!.. Андрей, ты с «мадсеном» – на ту сторону, Семен, туда же, вторым номером. Федор, ты тащишь «максим» наверх. Будешь со мной. Смотрите за оврагом и поверх его. Все, разбежались!

На бегу кричу Волгину:

– Мы будем прикрывать сверху оврага! Иван Георгиевич, уводите остальных! Метров через триста поставьте свой пулемет, только чтоб нас не перестреляли!..

Хватаю коробки с лентами, бегу догонять Федора. Этот здоровенный лосяра навьючил пулемет на шею и прет бульдозером наверх. Даром, что в железяке с полста килограммов. С другой стороны Андрей с Семеном уже выбрались и нашли себе укромное местечко. Ну, теперь и мы – за кустики, и ждать гостей. Минуты через три появляются первые кентавры «made in Reich». Идут, как волки по следу. Настороженно и неотвратно. Если их командир – не дурак, то пошлет по обоим скатам дозоры. А если дурак, тем хуже для него. С нашей стороны достаточно плотный кустарник, так что дозор будет двигаться громко и не быстро.

Гансовский командир оказался умным. На другой стороне грохнул выстрел, следом – три короткие очереди. Андрейка с Семеном начали. Доворачиваю ствол в сторону кустов, они тут же раздвигаются, жму на гашетку – ганс с конем рушится вниз со склона. Рядом Федор прикладывается к винтовке. Выстрел, лошадь потащила обратно повисшего седока. Андрейка перетащил «мадсен» ближе к скату, экономными очередями отпугивает основную часть немцев. Жаль, что я не могу сделать

то же – станкач, он и есть станкач. Три самых храбрых ганса карабкаются по склону к Андрейке, чтобы задавить огневую точку. А вот тут и мы поможем! Короткие очереди, две тушки катятся вниз. Третьего, на секунду высунувшись, снимает Семен.

К нам вроде никто не лезет. Осторожно выглядываю, смотрю вниз. Немцы отступили за кусты и спешиваются. Пора и нам исчезнуть. Свищу на ту сторону «Отход», ныряем с Федором в кусты, утаскиваем пулемет. Метров через сто находим новую удачную позицию, занимаем ее. Дыхание со свистом вырывается из легких, пот льет ручьями. Неподалеку раздается «чирик» – Андрейка с Семеном тоже нашли себе местечко, обозначают себя. Машу рукой в ответ, устраиваемся на новом месте. Минут пять-семь мы отыграли. Из оврага со стороны немцев взлетают две красные ракеты. Наверное, подмогу вызывают. Скоро начнется «вторая часть Марлезонского балета». В тишине проходит несколько минут, вдруг краем глаза замечаю движение справа в кустах. Гансы! Тихо подобрались, хотят обойти! До них – рукой подать, метров десять всего. Хорошо, что мы в лохматках. Показываю Федору, мол, оставайся с пулеметом, сам тихонько ползу к гостям. Их – трое, напряженно осматриваются по сторонам. А мы заползем сбоку. «Люгер» – в руке... Семь метров... Пять... Еще чуть-чуть... На той стороне слышатся выстрелы, немцы смотрят туда. Три выстрела, перебежка, еще три для контроля... Все...

Интересно, где сейчас моя «конно-механизированная группа»? И где Михалыч?.. Хотя в том, что он доберется, – сомнений нет. Больше тревожит обоз с ранеными. Надеюсь, Волгин сможет дотащить их до своих...

Глава 38

Как видно, Наполеон был прав, рассуждая как-то раз о том, что Бог всегда на стороне больших батальонов. Сзади загудела земля. Обернувшись, вижу конную лаву. Около сотни всадников, разогнав коней, несутся к ложине. Да, действительно, атака кавалерии – зрелище не для слабонервных! Мимо проносятся несколько наиболее отчаянных, вырвавшихся вперед. Поднимаюсь с земли, машу рукой, чтобы заметили. Рядом встает Федор.

Передовой дозор, хищно подобравшись в седлах, начинает гарцевать в отдалении. Карабины – в руках, глаза внимательно ощупывают местность. Берем пулемет, спускаемся вниз к подъехавшему офицеру – коренастому драгуну с лихо закрученными усами а-ля Буденный. Рядом появляются Андрейка и Семен. Четыре человека, два пулемета. Убитых – ноль, раненых – ноль. Всегда бы так!

Драгун спрыгивает со своего коня, идет навстречу. Подхожу, представляюсь:

– Подпоручик Гуров, штаб Второй армии.

– Девятнадцатого Архангелогородского драгунского полка поручик Потанин. Ну, здравствуйте, подпоручик. Мы – за вами. Остальных уже подобрали.

Оборачивается к своим, командует:

– Коней сюда!

Нам подводят пятерку заводных. Быстро вьючим пулемет на лошадь. Андрейка взлетает в седло – соскучился казак по ветру! Федор с Семеном тоже в седлах. Неловко следуя их примеру, у меня же опыта наездника – два месяца. Пехота-с! Драгуны втихаря перемигиваются и усмеваются. Трогаемся с места, двигаемся шагом, потом переходим на тихую рысь. В смысле, мы, пехтура, едем рысью, драгуны же носятся вокруг, поглядывая на нас и ехидно скалясь. Только Андрей не может удержаться, уносится вперед поиграть в догонялки с каким-то унтером. Непорядок, конечно, ну да пусть отведет душу. Драгунский командир едет рядом, пряча усмешку, потом и он не выдерживает:

– Ну, что, подпоручик, не растрясло?..

Через полчаса нас благополучно доставили в расположение эскадрона. Слезая с лошади и шагаю к виднеющемуся возле коновязи почти уже родному трофейному «пепелацу». Вижу двух казаков в кузове,

охраняющих все наши сокровища – от пленного до тюка с трофеями. Рядом расположилась вся группа. Кто валяется на траве, кто травит байки с приютившими нас кавалеристами. Отходняк-с, однако. Увидев нас, появляется Михалыч, улыбается:

– С прибытием, командир! Раненых уже забрали, остальные все на месте. Что дальше делать будем?

– Домой ехать будем, только вот автомобиль заведем...

Нас прерывает подбежавший молодой солдат:

– Вашбродь, вас их благородие господин ротмистр к себе приглашают! Чаю испить!

Снимаю лохматку, привожу себя в порядок и иду к командирской палатке, возле которой уже дымит самовар. И откуда только взяли? С собой, что ли, таскают?

Знакомлюсь с ротмистром Уваровым, штабс-капитан Волгин тоже здесь, возле костерка. Денщики организывают что-то типа пикника на траве, мы же пока перекуриваем и присматриваемся друг к другу.

– Не расскажете, Денис Анатольевич, что за важный такой пленный у вас в автомобиле, что казаки к нему на выстрел не подпускают?

– А Иван Георгиевич вам ничего не рассказал, Владимир Сергеевич?

– Нет. Молчит-с и улыбается. Наш разъезд прискакал, говорят, – там казаки автомобиль толкают, штабс-капитан, который с ними, – легкий поклон в сторону Волгина, – просит помочь. Мол, германцы преследуют. Я полуэскадрон в седла поднял, – и вам на выручку отправил.

– Пленный – оберст-лейтенант, начальник оперативного отдела штаба Третьего резервного корпуса.

Ротмистр даже удивленно присвистнул:

– Вот повезло, так повезло! Где же вы его нашли-то?

– Недалеко, под Ловичем. Встретили, пригласили в гости. Он, конечно же, отказывался, но мы были очень настойчивы. И вот мы – здесь. Осталось проблему с транспортом решить. Наш почему-то не хочет дальше ехать.

– Неподалеку отсюда стоят обозники. Я видел у них парочку авто. Пошлю сейчас кого-нибудь к ним с просьбой помочь. – Ротмистр отходит отдать распоряжения. Пока его не было, появляется поручик Потанин.

– Ну что, господа, почаевничаем? Или желаете чего-нибудь покрепче?

– Нет, спасибо, Антон Петрович. Ни малейшего желания, да и нельзя пока. Нам еще до штаба сегодня добраться надо.

– Ну, как знаете. Кстати, Денис Анатольевич, что там, в штабах, слышно? Когда наконец воевать начнем как следует? Вы же ближе к

начальству обретаетесь, расскажите.

– Знаю не больше вашего, со мной секретами никто не делится. Прорыв Макензена в Горлице, говорят, приведет к тому, что придется и нам отступать, чтобы не быть окруженными...

Стратегические рассуждения прерывает громкий свист «Все сюда!». Несусь к машине, возле которой уже толпятся драгуны, пробиваюсь сквозь толпу. В центре – Федор, сзади него – казаки, взявшие Ганну в кольцо. Стоят внешне расслабленно, но видно, что готовы к бою. Рядом Михалыч невзначай так нагайкой поигрывает. Напротив – двое драгун, машут руками, орут, поддерживаемые товарищами. Сейчас в драку полезут. И тут же на травку и лягут. Надрывая горло, ору:

– Отставить!!!

Вроде перекричал, толпа отступила. Прохожу в центр, задаю самый невинный вопрос: «А что, собственно, случилось?» – и получаю на него развернутый ответ, содержащий не только события последних минут десяти, но и развернутую морально-нравственную и физиологическую характеристику действующих лиц и их ближайших родственников. Причем и с одной, и с другой стороны. Страсти опять накаляются. Придется принимать радикальные меры.

– Всем молчать!!! – короткая фраза заставляет всех притихнуть. Задаю вопрос еще раз, обращаясь к своим.

В ответ слышу полную трагизма историю о том, что девушка по имени Ганна замаялась сидеть в кузове, да и понадобилось ей отлучиться в... кусты. Решив, что находится среди друзей, она отправилась в вояж вполне самостоятельно. Что, конечно же, не прошло незамеченным для двух драгун, которые были озабочены не служебными обязанностями, а физиологическими потребностями и, за неимением других развлечений, предложили ей увлекательную прогулку на троих по близлежащим окрестностям. Отказавшись от подобного удовольствия, Ганна вернулась обратно, но избавиться от излишнего внимания не удалось. Тут, как назло, появился Федор, который решил... Короче говоря, или в мире имя женщине – коварство, или на войне все мужики очень быстро тупеют, стоит им увидеть юбку.

Тем временем появляется Потанин, удивленный моим исчезновением. С лету врубается в ситуацию и решает помочь:

– Скворцов, Тюрин, если не понимаете нормального языка с первого раза, я дам время подумать. Обоим – по четыре часа под ружьем. Устроит? Доложитесь взводному. Всем разойтись! Денис Анатольевич, там командир вернулся, просит на чай...

Да, наверное, если в армии и есть что-то эротичное, то это – дисциплинарные взыскания. Так было, есть и будет...

Через час, напоенные чаем (мои все-таки с драгунами помирились и тоже почаявничали), дождались автомехаников, которые исправили машину, и отправились дальше, отблагодарив хозяев парой «люгеров», типа на долгую память...

Глава 39

Наконец-то въехали во двор штабного особняка. Оставив всех возле машины, бегу искать Валерия Антоновича. Господин капитан изволят находиться в кабинете и вместе с Дольским и Ломовым что-то негромко обсуждают. Увидев меня, вся троица удивленно приподнимает брови. Типа картина «Не ждали». Раскланиваюсь:

– Здравствуйте, господа! Здравия желаю, господин капитан! Разрешите доложить, группа с задания прибыла.

– Здравствуйте, Денис Анатольевич. Признаться, удивлен, не ждал вас так скоро. Что-то случилось?

– Нет, Валерий Антонович. Группа задание выполнила. В качестве языка взят в плен начальник оперативного отдела Третьего резервного корпуса. При нем – портфель с картами и документами. Также захвачена документация летного отряда и шифровальные книги германской радиостанции. Аэропланы и автомобили уничтожены. Наши потери – один раненый, эвакуирован с группой. После этого счел задачу выполненной, принял решение возвращаться. Во время отхода совместно с партизанским отрядом штабс-капитана Волгина были уничтожены экипаж машины-ловушки и кавалерийский взвод противника. При прорыве через линию фронта были встречены драгунами Девятнадцатого Архангелогородского полка. Благодаря ротмистру Уварову и его молодцам сумели дойти без потерь. Пленный и документация находятся в трофейном автомобиле во дворе.

Присутствовавших коллег выводит из оцепенения фраза Бойко:

– Анатолий Иванович, распорядитесь насчет пленного. Документы отправьте сюда. Петр Иванович, сие по вашей части. Готовьтесь, будем изучать добычу. Денис Анатольевич, доложите подробней. Вы что, умудрились разгромить германский штаб?

– К сожалению, не сподобились. Пленный и вся документация были захвачены в охотничьем домике какого-то графа, который предоставил его в распоряжение германского авиаотряда.

– Вот как?.. – Капитан Бойко непроизвольно бросает взгляд на дверь, за которой скрылся Дольский, встает и начинает расхаживать по комнате. – Сидите, сидите, Денис Анатольевич. Мне так удобнее думается. Продолжайте, пожалуйста.

– Техника отряда уничтожена. Но есть одно щекотливое

обстоятельство. Командир гауптман фон Штайнберг с личным составом был взят в плен. Но по окончании операции по ряду причин пришлось предоставить им свободу.

Валерий Антонович останавливается и пристально смотрит на меня:

– Объяснитесь, подпоручик. Причины, которые заставили вас принять такое решение?

– Германцы почти все попали в плен в бессознательном состоянии. Расстреливать их я не стал, тем более, там присутствовали гражданские. Часть пилотов получила химическое отравление при попытке потушить пожар. Не исключен летальный исход. Тащить с собой полсотни пленных – значило бы погубить группу и провалить операцию. Мы и так с трудом оторвались от преследования. В отношении германцев руководствовался, в частности, Памяткой русскому солдату и соображениями о том, какой шум в мире поднимет германская пропаганда, если всплывет факт расстрела пленных русскими войсками. Не говоря уже о том, что акция возмездия за замученного солдата была бы дискредитирована.

– Хорошо, докладывайте дальше.

Далее подробно рассказываю обо всем случившемся за последние несколько суток. В конце добавляю самое, на мой взгляд, важное:

– Судя по содержимому эшелона, в ближайшее время возможна газобаллонная атака по нашим позициям. Считаю необходимым выявить подходящие для этого места и подготовить артиллерию, чтобы уничтожить баллоны до их применения. Немцы будут ждать подходящих погодных условий...

– Если бы она еще была, артиллерия. Пушек кот наплакал, снарядов почти нет...

– Валерий Антонович, для подрыва эшелона не было взрывчатки. Тем более, рядом со станцией находится поселок с мирными жителями. Облако могло накрыть их. И я бы еще учитывал возможность ответных карательных действий немцев против местных путейцев.

– Хорошо, Денис Анатольевич. Я, в принципе, согласен с вашими доводами. Но последнее слово – за начальством. – Он показывает пальцем в потолок. – Есть еще какие-нибудь соображения? Нет? Тогда можете отправляться в распоряжение. Баня, обед, и – спать. Завтра утром жду ваш рапорт...

Глава 40

На следующий день я дал своим отдохнуть и привести себя в порядок. И тут же к нам пожаловали гости. В лице Валерия Антоновича и молодого незнакомого прапорщика. В ответ на мои объяснения, почему никто не бегают, не прыгает, не дерется и не стреляет, капитан Бойко понимающе кивнул и усмехнулся:

– Денис Анатольевич, я прибыл к вам не для проверки. Во-первых, позвольте представить прапорщика Оладьина. Сергей Дмитриевич откомандирован в вашу группу. Со временем, надеюсь, станет вашим заместителем. А то вам, наверное, будет трудно справиться с полусотней человек...

Жму протянутую руку, представляюсь:

– Подпоручик Гуров, Денис Анатольевич. Извините, Валерий Антонович, а откуда и какими чудесами появятся тут эти полсотни?

– Начштаба вчера после ознакомления с содержимым портфеля, что вы привезли, был похож на ребенка, которому на именины подарили вожделенный велосипед. Поэтому пообещал увеличить группу. И на юридические тонкости рейда только махнул рукой. Мол, такой пленный с такими документами стоит гораздо больше. Я же свою и вашу точку зрения уже доложил командующему, со ссылкой на Походную памятку русского солдата и необходимость противодействия германской пропаганде. Он согласился с моими доводами, тем более, что... Впрочем, об этом чуть позже. Пока что вводите Сергея Дмитриевича в курс дела, показывайте свое хозяйство. Я думаю, что полчаса вам хватит?

– А что за спешка? Есть новое задание?

– Экий вы быстрый! Нет, мне по служебной необходимости нужно посетить госпиталь. Надеюсь, вы догадываетесь какой? А, учитывая вашу недавнюю контузию и принимая во внимание жалобы на состояние здоровья, – усмехаясь, смотрит на меня, – намерен отправить вас на консультацию к врачам.

Вот стоит благодетель и издевается!!! Нет слов, одни буквы, да и те – нецензурные! А он еще и продолжает:

– Я думаю, двух дней вам будет достаточно? Представьте вашего заместителя личному составу и собирайтесь. Я – на автомобиле, жду вас...

Еще никогда не свистел «Тревогу» с таким энтузиазмом. Все, кто был в казарме, с оружием вылетели на улицу, быстро построились. Причем по

полной форме. Михалыч с правого фланга усмехается и вроде бы даже подмигивает. Быстро довожу до всех о «пополнении», распускаю строй. Подзываю Митяева и прапора:

– Вы уж извините, Сергей Дмитриевич, но на эти два дня старшим оставляю вахмистра. Не обижайтесь, но у нас своя специфика, а вы – человек новый. Увидите, что и как делается, присмотритесь к людям, побеседуете с ними. А там и я приеду.

– Денис Анатольевич, господин капитан меня уже немного ввел в курс дела, да и предупредил, что подразделение особое и отношения – тоже. Прямо-таки какой-то осназ получается.

Я выпадаю в осадок от фразы и даже на секунду забываю собираться. Это – как? Он – тоже? Смотрю на него недоуменным взглядом. Он отвечает мне таким же. Ладно, разберусь после приезда. Сейчас главное – Даша!

– Вот и чудненько. Михалыч, сегодня – как договорились: отдыхаем, приводим себя в порядок, отсыпаемся. А завтра – тренировки в полный рост. Тройку беглецов пока не трогай, неизвестно, будут они с нами или нет. А остальных – гонять и гонять.

– Добро, командир, сделаем...

Так, теперь быстренько собираться! Натягиваем на себя все парадно-выходное, надраиваем сапоги, и – вперед! Сажусь на заднее сиденье к Валерию Антоновичу, водитель трогается с места... По дороге отдаю любимому начальнику рапорт о проведении рейда и папочку с графскими стенограммами, которую вчера не рискнул передавать при свидетелях. Мало ли, кто там замазан. В двух словах объясняю, что и как, Бойко сразу врубается в ситуацию:

– Денис Анатольевич, больше об этом – никому ни слова. До тех пор, пока не расшифруем записи...

Хорошо, меняем тему. Тем более что есть более насущные и срочные дела:

– Валерий Антонович, у меня есть несколько вопросов насчет дальнейшего расширения группы.

– Слушаю вас, Денис Анатольевич. – Бойко отрывается от своих мыслей.

– Хотел спросить, могу ли я оставить в группе бежавших из плена солдат, которых мы встретили? Разумеется, с их согласия. Один из них, сибиряк, – отличный стрелок, охотник. Хочу попробовать его снайпером. Второй в русско-японскую служил бомбардиром-лаборантом, то есть должен разбираться в снарядах, взрывателях и прочей опасной химии. Если получится, в группе будут снайперы и подрывники.

– Простите, а зачем? Вы же группу готовите для работы на коротких дистанциях. – Взгляд у Бойко серьезный и пристальный. – Хотите менять тактику? Или есть еще какие-то причины?

– Других причин нет. Хочу разнообразить формы воздействия на немцев.

– И как это будет выглядеть?

Я, конечно, помню про то, как Зайцев со товарищи в Сталинграде воевал, но ведь это рассказывать нельзя. Попробуем более обтекаемо:

– Замаскированная группа снайперов может за минуту выбить прислугу артбатарей, затормозить на дороге обозную колонну, а потом с помощью остальной группы расстрелять ее, сорвать атаку пехоты, уничтожив командиров. Вспомните, какой потерей стала гибель Нахимова при обороне Севастополя. Естественно, снайперы должны работать под прикрытием.

– Интересно рассуждаете, Денис Анатольевич. У нас над этим никто еще не задумывался. Да и германские снайперы больше в одиночку воюют. Хорошо, я подумаю над этим.

– За счет кого будет расширяться группа? Казаки, конечно, отличные бойцы, но нужны еще и технические специалисты. Чтобы можно было заминировать дорогу и подорвать ее в момент прохождения вражеской колонны, например, или рассчитать подрыв склада с боеприпасами. Нужны артиллеристы, которые смогут использовать захваченные орудия, нужны несколько человек, умеющих водить автомобили и мотоциклы...

– Остановитесь, Денис Анатольевич! У меня возникает ощущение, что вы эту войну хотите в одиночку выиграть. Я же не золотая рыбка из сказки господина Пушкина. Где, по-вашему, я найду таких специалистов?

А у меня ответ уже есть, осталось только убедить начальство:

– Снайперов можно поискать хотя бы в Сибирском полку, пусть мой Игнатов поговорит с земляками. А технарей взять из вольноопределяющихся, студентов технических университетов.

– Ну, во-первых, Игнатов еще не ваш, его переубедить надо. Я с сибирскими стрелками общался, они себя за отдельный род войск чтут, к пехоте никакого отношения не имеющих. И вольноопределяющиеся – народ тоже с гонором. Попробуйте, а там видно будет.

– Хорошо, Валерий Антонович. Теперь – последний вопрос. Подскажите, как можно беженку, Ганну, при группе оставить.

Начальство смотрит на меня недоуменно, потом изрекает:

– Насколько я понимаю, дама, которая волнует ваше сердце, служит сестрой милосердия в госпитале, куда мы, кстати, сейчас следуем. Тогда

мне непонятна причина, по которой просите за эту девушку. Объяснитесь, пожалуйста.

– Если бы не ее помощь, был бы не один раненый, а больше. Там, в охотничьем домике, она нам очень помогла.

– Все равно не понимаю причину, по которой вы за нее хлопчете.

– Во-первых, у нее всей родни – тот самый дядька с семьей, да и те остались под немцем. Если мы сейчас ее кинем, девчонке остается два варианта – либо в бордель, либо на паперть христарadniчать. А во-вторых, один из бойцов, Федор, к ней неровно дышит.

– И что с того? Денис Анатольевич, вы же все-таки не сваха, а офицер.

– Он обладает огромной физической силой, прошел подготовку, умеет убивать даже без оружия, голыми руками. После смерти брата замкнулся, ожесточился. Представляете, что будет, если слетит с катушек?.. А тут Ганну увидел, вроде сердцем оттаивать начал... К тому же она была у графа кухаркой. При группе ее оставить, пусть занялась бы кухонными и прочими бытовыми делами.

– И ваши орлы будут питаться лучше, чем начальство? – Валерий Антонович уже улыбается. – Шучу. А вообще, есть у меня к вам разговор серьезный. Но, чуть позже, когда окончательно буду к нему готов. И вы поспокойней будете. А то, как гимназист, на сиденье от нетерпения ерзаете. Скоро уже прибудем, потерпите...

Глава 41

Уже в городе соображаю, что надо бы не с пустыми руками заявиться в гости. Заворачиваем к Лейбе в кондитерскую. И тут же нарываюсь на приключение. Залетаю в зал и наблюдаю картину маслом. Несколько посетителей за столиками с интересом наблюдают представление «Воспитание нижних чинов офицерами русской армии». Возле прилавка стоит солдат, напротив него – корнет, судя по погонам, и одновременно – придурок, судя по выражению мордочки. А она довольно живописная. Представьте себе мелкого приказчика в стиле «Чего изволите-с?». Пухлые щечки, губки бантиком, усики колечками закручены, глазки вот-вот из орбит вылезут. Рядом с ним обретаётся мамзелька. Не мадемуазель, не барышня, а именно – мамзелька. Стоит себе с видом очень оскорбленной невинности и с интересом ждет, что же будет дальше. А дальше недоразумение в корнетских погонах размахивается и отвечает солдату хорошую оплеуху. Да еще и орет при этом:

– М-мерз-завец!!! Вон отсюда!!! С-скотина!!! Здесь нижним чинам не положено!!! Оставил кулек и пошел, стервец!!!

Вот это уже интересней. То, что солдатам запрещено бывать в заведениях, где продают спиртное, – это я знаю. Только у Лейбы из спиртного – максимум рюмка ликера к кофе, и простому солдату это – не по карману. И без интереса.

Так, б... Стоять!!! От удара с солдатской головы слетает фуражка, голова мотается в сторону, и я узнаю... Петровича. Санитара из госпиталя, который меня гулять выводил после контузии. Ну, ни хрена себе! Вот это уже мне оч-чень не нравится!.. Не представляю, что же такого мог тот учинить, чтобы такой скандал вызвать.

Пока все это думаю, оказываюсь перед корнетом и перехватываю руку, занесенную для следующего удара. Тот, не ожидая подобного поворота событий, еще больше пучит глазенки. А вот не дам продолжить удовольствие. Петрович, он мне – не чужой. В голову приходит старый незабвенный «Эскадрон гусар летучих». Цитирую:

– Сударь, вы ударили моего боевого товарища! Извинитесь!

Немая сцена. Для всех. Петрович сзади меня, кряхтя, поднимает упавшую фуражку. Ступор прошел, корнет срывается на фальцет:

– Он не имеет права здесь быть! Быдло окопное!

А мы сейчас посмотрим, кто тут быдлом будет. Навечно! Включаю

тумблер «Дур» в положение «Вкл».

– Что?! Вы кого, меня, фронтовика, быдлом окопным назвали?!

– ...Не-нет!

– Повторяю! Извинитесь перед солдатом! Он ничего не нарушил!

– Он – хам! Сволочь! Скотина!

Так, меня этот громкоговоритель уже достал. Популярно объясняю этому... чуду в погонах, где, когда и перед кем он будет отрабатывать командный голос. Слова конца двадцатого века произнесены в лучшем стиле начала онтого. Повторяю последний раз:

– Извинитесь!.. Нет? Хотите поединок?

Ответная пощечина уже от меня. С виду – обычная, но если слегка согнуть расслабленные пальцы «лодочкой» да попасть в нужную точку, где лицевой нерв близко к коже проходит, то это уже совсем другое впечатление. Корнет улетает на пол между стойкой и мамзелькой, включившей свою сирену на полную. Жду минуту, когда тот наконец сможет сориентироваться в пространстве и подняться:

– Секундантов будете присылать? Меня найдете в госпитале. Буду ждать.

Что-то мне подсказывает, что никакой дуэли не будет. Как и продолжения разговора.

Оборачиваюсь к замершему Лейбе:

– Хозяин, мне вот этих эклеров полдюжины.

Беру сверток, расплачиваюсь, забираю Петровича, и выходим из заведения. Уже в автомобиле старый «дядька» поведал нам, что госпиталь расформировали, раненые солдаты скинулись копейками, попросили его, Петровича, сходить купить чего-нибудь сладенького для «сестричек». А в кондитерской он взял шоколадных конфет на все деньги, а потом подошел господин корнет с дамой, которая, увидев эти конфеты, возжелала непременно их, несмотря на уверения хозяина, что таких больше не имеется. А может, именно поэтому. А их благородие господин корнет потребовал оставить покупку и убираться из заведения, не слушая объяснений. И навесил оплеуху. А тут и господин подпоручик появился. И что спасибо их благородию преогромное за то, что выручили старого солдата...

Утешаю Петровича, что никакого спасибо не надо, и тут до меня доходит!!!.. Госпиталь расформировали!!! Когда?! Куда?!

Толкаю водителя:

– Давай быстрее! Не успеем!..

До госпиталя домчались очень быстро. Взлетаю на крыльцо,

уворачиваюсь от выходящих людей. Вот и кабинет Михаила Николаевича, одновременно стучу и распахиваю дверь.

– Доктор, здравствуйте!..

Михаил Николаевич отрывается от написания каких-то бумаг, видя мое состояние, сразу берет быка за рога:

– Голубчик, Денис Анатольевич, рад вас видеть... Дарья Александровна с полчаса назад на вокзал уехала. Эшелон еще не отошел, наверное. Поторопитесь!.. Только потом заскочите ко мне, пожалуйста! Всенепременно!

Эти слова я услышал уже в коридоре. Даша уезжает! Куда?! Где ее потом искать?!

Вылетаю во двор, чуть не сталкиваюсь с Бойко, кричу водителю:

– Заводи! На вокзал! Быстрее!

Летим по улице, распугивая прохожих и собак. Перед вокзалом, как назло, затор из телег, чем-то нагруженных. Выпрыгиваю из машины, бегу на перрон. Где ее искать? Толпа беженцев осаждает эшелон, вокруг настоящее столпотворение, островок порядка создают городовые с солдатами, оцепив один из вагонов СВ. Кое-как протискиваюсь через людское море, озираюсь по сторонам. Где же ОНА?.. Вижу какую-то даму вдалеке, прибавляю ходу. Продираюсь через полубезумную людскую массу, все ближе и ближе к заветному вагону... Не она!..

Бегу дальше, впереди маячат две дамские шляпки. Протискиваюсь в том направлении. Еще немного, еще пару десятков метров! Скорее чувствую, чем вижу – ОНА!!! Её движения, жестикуляция, прическа! Рядом с ней стоит еще одна девушка. И они вдвоем спорят с каким-то шарообразным господином в чиновничьем мундире. Чиновник изображает Наполеона в час величия, что-то цедит через губу. Вылитый Весельчак У в фильме «Гостья из будущего». Рядом с ним – сопровождающее лицо. В количестве одной тушки. Какой-то subtilный хлыщ в таком же мундире с презрительно-ехидной ухмылкой обретается рядом. Подбираюсь ближе, уже слышен Дашин негодующий, возмущенный голосок:

– У нас бронь на два места в этом вагоне! Как вы смеее?

И ответ шныря, масляным взглядом обволакивающего девушек. Причем так, что вторая медсестричка инстинктивно пытается спрятаться за мою милую... Убью гаденыша!

– Барышни! Нам нет дела до вашей брони! Мы должны уехать в этом поезде! Освободите проход! Прочь с дороги!

Ну ни... себе!!! Это что тут такое происходит?! Вперед!.. Пробираюсь почти вплотную. Еще пару метров!

– Сударь, я вам повторяю, у нас бронь, подписанная начальником станции! Это – наши места!

Шнырь пытается взять девушек под локотки и отвести в сторону:

– Мамзели, господин титулярный советник выполняет особое поручение губернской управы! И нам начхать на ваши бумажки! Отойдите!!!

Так! Я уже рядом! Что делать?..

Пока мозг думает, руки моментально принимают решение. Шашка, молнией блеснув на солнце, упирается в стенку вагона, отделяя чинушу от входа. Потом поворачивается лезвием в сторону скандалиста и замирает в нескольких сантиметрах от его шеи. Точнее – от того места, где она должна находиться. Вот это кабанище! Как в том анекдоте: «Метр шестьдесят на метр шестьдесят на метр шестьдесят. Где будем делать талию?» Вместо шеи – гирлянда из второго, третьего и остальных подбородков. Морда бледнеет, заплывшие жиром глазки фокусируются на блестящем лезвии. Сзади слышится:

– Ах!.. Денис!..

Небольшое движение рукоятью, суперколобок от испуга дергается назад, открывая рот и распространяя вокруг коньячное амбре, отшатывается, роняет саквояж и рушится на перрон. А баульчик-то опечатанный. Сургучными печатями. Интересненько!.. Сопровождающий шнырь собирается что-то вякнуть. О, а тут уже родимой беленькой запахло! Так и остается с раззявленной хлебoreзкой, увидев мою любезную улыбку. Если, конечно, этот кровожадный оскал можно так назвать. Пока куча сала, краснея до зрелопомидорного цвета, пытается подняться с помощью своего подпевалы, поворачиваюсь к НЕЙ.

– Здравствуйте, Дарья Александровна!..

Чинуша уже на ногах, пытается помешать разговору:

– Эт-то что значит?! Как вы смеете?! Кто вы вообще такой?!

До отхода поезда осталось совсем чуть-чуть, а эта сволочь беззастенчиво крадет у меня драгоценные секунды! Убью!!! Сейчас ты у меня получишь!

– На каком основании собирались занять места в поезде? Ваши бумаги!

– Да я... У меня... Я, титулярный советник Бибики... Я выполняю распоряжение столоначальника губернской управы! Я старше вас по чину! Извольте соответствовать!!! Я этого так не оставлю! Да я вас под суд!..

В праведном чиновничьем гневе шарик с салом пытается топнуть тумбообразной ногой, но попадает по своему саквояжу. Замки и печати не

выдерживают подобного издевательства, и багаж открывается, вываливая часть содержимого на перрон. Газеты, бумажки, всякая дребедень... Оп-па, вот это номер!.. Из одного конверта высыпается около десятка фотографий... ну как бы это сказать-то... откровенно непристойно-интимного содержания. Под занавес с печальным звоном выкатываются и заканчивают свое существование на шпалах две бутылки Шустовского.

– Это и есть ваше поручение от столоначальника, господин титулярный советник?

– ...

– Убирайтесь отсюда, или разговор продолжим в жандармском управлении!

Все, бобик сдох. В смысле, Бибик. Сладкая парочка достаточно быстро исчезает в людском водовороте...

– Денис! Милый! Откуда ты здесь?

– Дашенька, ехал к тебе в гости... А вот приехал на проводы!

– Наш госпиталь расформирован, мы с подругой возвращаемся домой, в Гомель. Ой, прости, я вас не представила! Моя подруга Маша. Мария Егоровна Николаева...

Где-то я уже слышал это имя. Смотрю на девушку, в голове проносится прогулка в госпитале, когда привезли раненых, и Даша ведет свою подругу согреться кофейком... И санитарные двуколки на дороге, медсестра перед сопливым германским лейтенантом... Она тоже узнала меня, вцепилась в Дашин локоть:

– Вы?!

– Добрый день, мадемуазель. – Обращаясь к Даше, объясняю: – Мы уже знакомы. Правда, мимолетно.

– Дашенька, это – ОН!.. Тогда, на дороге!.. Я же тебе рассказывала!..

Четыре широко распахнутых глаза смотрят на меня. Чувствую, что начинаю краснеть...

– Милые дамы, вам пора садиться в вагон. Поезд скоро тронется. Позвольте, я помогу с вещами.

Беру их саквояжи, пропускаю обеих в вагон. В тамбуре стоит пожилой проводник, обращается к нам, глядя в поданные бумаги:

– Пшепрошам, миле паненки! Ваши месцы – двудзаць четвярто и двудзаць пято.

Провожая по проходу до самых мест, убираю багаж. Все, рукам работы не осталось. Наступает минута прощания...

Даша уже отошла от неожиданного известия, успокоилась.

– Почему ты мне ничего не рассказывал?

– Про что, любимая?

– Про случай с Машей! Она тогда в волнении не запомнила, как тебя зовут, мы после гадали, как найти спасителя, хотели даже через Михаила Николаевича просить капитана Бойко, чтобы он помог нам в поисках...

Ну да, он бы помог... Нарочито смущенно улыбаюсь.

– Извини, Дашенька! Не мог рассказать. Это – военная тайна!

В ответ получаю маленьким, но крепким кулачком по плечу. Но в глазах – радость и веселье:

– Врун! У тебя не должно быть никаких тайн от меня!

– Мадемуазель! А как же присяга? И тайна исповеди?

И опять кулачок попадает в меня.

– А что, есть повод исповедаться?

И снова – кулачок. И не подумаю уворачиваться! Всю жизнь терпел бы такие побои, только чтоб ОНА была рядом! Но мое счастье было разбито голосом станционного дежурного, проходившего мимо вагона:

– Отправляемся через пять минут! Займите свои места!

Даша грустно смотрит на меня, в уголках глаз появляются маленькие капельки влаги, тихонько шепчет:

– Денис, мой хороший, я буду ждать тебя...

– Любимая моя, где я тебя найду?

– Я возвращаюсь к родителям, буду работать в новом госпитале княгини Паскевич. Запомни мой адрес: улица Павловская, дом девять.

Осторожно беру ее маленькую ладошку в свои лапы, медленно подношу к губам... Как же я не хочу уходить отсюда!!!

– Я обязательно приеду!.. Обязательно!..

– Сейчас поезд тронется... Иди...

Стою на опустевшем перроне напротив ее окна. Даша прижимает ладонь к оконному стеклу, накрываю через стекло ее ладошку своей рукой. Звон станционного колокола, гудок паровоза, поезд трогается... Иду, потом бегу вместе сдвигающимся вагоном, пока не кончается перрон. И долго смотрю вслед уходящему эшелону...

Глава 42

Настроение по возвращении в госпиталь испортилось. Все вокруг напоминало о Даше. И о том, что я ее теперь нескоро увижу. Словно с кровью оторвали от души что-то самое важное, самое драгоценное. То, без чего жить не хочется...

На автопилоте поднимаюсь на второй этаж, захожу в кабинет Михаила Николаевича. И вижу там капитана Бойко. На столике возле дивана – чашки и сверток с эклерами, которые я в суматохе бросил здесь. Пахнет свежесваренным кофе. Но запах чужой, у Даши получалось гораздо лучше...

– Присаживайтесь, Денис Анатольевич. – Бойко стоит у окна, выглядит каким-то слишком сосредоточенным и напряженным. Или мне это только кажется? – Есть серьезный разговор.

– Слушаю, Валерий Антонович. Какова тема беседы?

– Э-э, молодой человек, кажется, вы не совсем в своей тарелке, – вступает в разговор доктор. Капитан, как по команде, подходит вплотную и протягивает стакан с водой. Движение получается каким-то дерганным, часть воды выплескивается мне на протянутую руку.

– Ох, простите, Денис Анатольевич...

Беру стакан, делаю глоток. Михаил Николаевич снова берет инициативу в свои руки:

– Я, как врач, порекомендую вам успокоительное другого рода.

С этими словами ставит на стол бутылку коньяка и рюмки. Сейчас лучше бы стакан водки, и отключиться. Беру наполненную посуду, механически выпиваю, абсолютно не чувствуя вкуса. Мои собеседники переглядываются. Ну, что там еще за разговор?

– О чем вы хотели поговорить?

– У меня к вам, Денис Анатольевич, всего один вопрос. Но он очень важный... Кто вы на самом деле, господин подпоручик?

Оба внимательно смотрят на меня. И ждут ответа. Серьезно так, настороженно ждут.

– На самом деле, это как? Я – Денис Анатольевич Гуров, в настоящее время имею честь быть офицером Российской армии. Воюю во Второй армии Северо-Западного фронта, о чем вам, господин капитан, отлично известно.

– Денис Анатольевич, я имею все основания задать этот вопрос.

Поэтому прошу вас ответить честно: кто вы?

Да что ж ты привязался, как банный лист к... тазику. Какие еще основания?

– Валерий Антонович, не сформулируете ли вопрос точнее?

– Ну-с... хорошо. Коль вы настаиваете, я оглашу некоторые факты и умозаключения. Я беседовал с командиром роты, где прапорщик Гуров проходил службу до контузии. Он охарактеризовал вышеупомянутого господина в нескольких словах: «Ни рыба, ни мясо». Ничем не выделялся, инициативу не проявлял. По его мнению – гражданский шпак, неизвестно зачем отправившийся на войну. Авторитетом ни у других офицеров, ни у солдат не пользовался. Бродил по окопам, пытался ловить шальные пули, что вызывало смех и пренебрежение. Был контужен при артобстреле, отправлен в госпиталь.

Далее, отец Александр, человек очень проницательный, отметил вашу необычность в вопросах веры. По его словам, вы, Денис Анатольевич, играли роль верующего, но настолько поверхностно, что это сразу бросалось в глаза. Ошибались в таких пустяковых вопросах, где даже гимназист младших классов дал бы правильный ответ. Можно, конечно, стать атеистом, повзрослев, но некоторые вещи делаются автоматически с детства. Как, например, поклоны батюшке во время службы, сложение пальцев в троеперстии или ритуал поведения на исповеди. Вы же просто неумело копировали поведение подчиненных.

Поэтому я связался через своих коллег из контрразведки с жандармским управлением в Томске и попросил опросить знавших вас людей. Кстати, родителям после выписки из госпиталя вы не отправили ни одного письма, хотя до этого писали регулярно. Они уже стали подозревать, что их сын погиб или попал в плен. Кстати, графолог, сравнив ваш почерк до и после контузии, уверял, что написаны документы разными людьми.

Так вот, все опрошенные отзывались о Денисе Анатольевиче Гурове как о неплохо образованном, благовоспитанном молодом человеке, одаренном студенте, романтическом юноше. Но абсолютно гражданском человеке! Который и в армию пошел, чтобы решить свои личные проблемы. Никаких выходов, никаких конфликтов. Стопроцентный интеллигент-гуманитарий. И, попав под разрыв снаряда, человек вдруг становится совсем другим. Проявляет инициативу в создании особой группы, воюет так, что знающие люди только удивляются и руками разводят. Последний рейд – тому яркое подтверждение.

Ваше отношение к нижним чинам тоже бросается в глаза. Даже самые ничтожные прапорщики военного времени изо всех сил желают называться

«их благородиями». Вы же требуете от своих солдат чуть ли не панибратского обращения. Никому из обычных офицеров не пришло бы в голову мстить за какого-то неизвестного солдата, чей брат попался им на глаза. А вы разрабатываете и, самое главное, отлично проводите показательную экзекуцию. После этого все в группе чуть ли не боготворят вас. А сегодняшний вопрос о девушке-беженке? А самосуд над графским егерем и самим графом? А ошибки в разговоре? Вы иногда начинаете разговаривать совсем другим языком. Русским, но все же другим... Хотя пьете, как истинно русский.

Валерий Антонович отпивает кофе и смотрит вопросительно на меня. Черт, оказывается накосячил, и достаточно много. Ладно, будем отбиваться...

– Вы меня в чем-то подозреваете? Да, рос тихим благовоспитанным юношей, попав на фронт, растерялся, и только контузия помогла понять, что такое война. После нее в голову стали приходить все мысли, которые вам докладывал. И замечу, ни разу еще не подвел. Священник – тоже человек, и тоже может ошибаться. Что же касается подчиненных, то они такие же люди, как мы. И если я веду их в бой, то должен быть в них уверен. Вспомните лермонтовское «Слуга Царю, отец солдатам». Графский егерь – остатки романтического робингудства. Насчет почерка – после контузии изменилась моторика пальцев.

– Я, признаться, стал подозревать вас в принадлежности к какой-то революционной организации, но потом понял, что не прав. Но вы – все-таки другой человек. Согласитесь, Денис Анатольевич, у меня есть основания для беспокойства. Одно дело, когда есть сомнения в стабильности модуса операнди командира небольшой группы и совсем другое, если речь идет, например, о кандидате на должность командира роты. Особой роты. Вот я и хочу, чтобы вы развеяли мои сомнения.

– Позвольте, господа, я вас перебую, – подает голос Михаил Николаевич, до этого сидевший молчаливым наблюдателем. – Денис Анатольевич, я по смежной специальности – психиатр и могу авторитетно заявить, что при контузиях, конечно, бывают изменения в моторике и поведении, но не на таких глубинных уровнях сознания. Если отбросить в сторону всякую мистику, создается впечатление, что в тело прежнего Гурова вселился другой человек.

И еще, первые несколько дней в госпитале вы были без сознания и бредили. Причем бред был таким странным, что меня позвали послушать. Это были не бессвязные слова, а вполне конкретные фразы. Но смысл их ни мне, ни Валерию Анатольевичу непонятен. Я записал несколько для

памяти. Может быть, поясните нам, что это такое?

На стол из кармана халата ложатся несколько листков. Читаю... и... охреневаю! Профессорским почерком написано: «Товарищ майор, дежурная смена второго отдела... Куб-контур в семиградусной зоне... Сеанс управления по ноль-ноль-третьему окончен... Поправки в шкалу времени введены... Относительная нестабильность пять на десять в минус двенадцатой...» ПРИПЛЫЛИ!..

Медленно и очень осторожно, как очень хрупкую вещь, кладу листочки на стол. Глаза собеседников, кажется, просверлят меня насквозь. Валерий Антонович напряжен, готов вот-вот вскочить... Таким же медленным движением наливаю в рюмку коньяк, выпиваю...

Ну и что делать? Отбрехиваться дальше? Типа, не понимаю, о чем вы? Думай, голова, думай!..

Чтобы потянуть время, достаю папиросу из портсигара, взглядом испрашиваю разрешения старшего по званию. Получив его, закуриваю. Ну, и что делать будем? Если играть в несознанку или рассказывать сказки о снизошедшем откровении свыше, то остаюсь странным младшим офицером с непонятными мыслями-тараканами в голове, который пока дает неплохой результат. А дальше? Втемную капитана использовать не получится, будут вопросы. Причем чем дальше, тем больше... Валерий Антонович – не тот человек, который удовольствуется сумбурными объяснениями. Генштабист, аналитик, ему все нужно разложить по полочкам. Всякие двусмысленности и недоговоренности только усилят подозрения...

Дым колечком в потолок, взгляд туда же... Еще одна затяжка... Ох, начальственное терпение испытываю! Сейчас как взорвется господин капитан!.. Мало не покажется!..

Хорошо, если рассказываю все начистоту, что будет? Или сочтут сумасшедшим и отправят в дурдом, или поверят. Пусть и не сразу. Особенно, если смогу на вопросы четко ответить, не размазывая кашу по тарелке. А если Бойко поверит, он сможет подключить все свои возможности, их не может не быть. Цель-то у нас одна. И стоим мы по одну сторону баррикады...

Последняя затяжка... Ну и что делать будем?.. Как ни крути, второй вариант лучше. Не считая опасности попасть в гости к Наполеону или другим веселым обитателям желтого дома...

По глазам вижу, пауза затянулась... Вдох, выдох и как с обрыва в реку...

Глава 43

– Хорошо... Я понимаю, что это будет выглядеть почти невозможным... но, пожалуйста, доктор, не зовите санитаров со смирительной рубашкой... Я – не сумасшедший... Я... Я – Журов Денис Анатольевич, одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения... Старший лейтенант военно-космических сил Российской Федерации... Как и зачем сюда попал – не знаю...

Немая сцена. Собеседники смотрят на меня очумелыми глазами, потом уже Валерию Антоновичу требуется коньячный допинг, а доктор переводит взгляд поверх меня куда-то в пространство. Сидит так минуты две, потом, словно очнувшись, обращается к Бойко, который уже успел выглянуть в коридор на предмет отсутствия лишних ушей и поплотнее захлопнуть двери:

– Голубчик, и мне тоже. Это – невероятно, но, скорее всего, он говорит правду. Но как это может быть?! Человек из будущего!

На душе становится гораздо легче, как будто невидимый груз упал с нее. Наверное, так чувствуют себя раскаявшиеся грешники. Хотя я никаких грехов за собой не помню. Капитан наливает рюмку доктору, потом еще раз себе... Прав был Экклезиаст, утверждавший: «Во многих знаниях – многия печали. И умножая знания, умножаешь скорбь».

– Он говорит правду! Но этого не может быть!

Ага, этого не может быть, потому, что этого не может быть никогда. А я тогда получаюсь – какое-то недоразумение. Загадка природы. Валерий Антонович, как военный человек, приходит в себя быстрее:

– Денис... Анатольевич... Расскажите, что означает «старший лейтенант военно-космических сил Российской Федерации»... Вы – флотский?

– Старший лейтенант – офицерское звание, аналог чину поручика. Военно-космические силы – род войск в Российской армии. Российская Федерация – название России в моем, теперь уже бывшем времени.

– Но федерация – это же не монархия!.. Что случилось с Российской империей?!

– Валерий Антонович, рассказ об этом будет долгим и... страшным. Вы уверены, что хотите именно сейчас узнать об этом?

– Наверное... Да, наверное, вы правы... Но расскажите хотя бы о войне!

– Война закончилась в моей истории в восемнадцатом году. Антанта победила, но России в рядах победителей не было.

– Почему?!

– Потому, что воевали в угоду союзникам. В неподготовленных наступлениях полки и дивизии на смерть посылали, лишь бы на себя поболее немца оттянуть. За поставки оружия не только золотом, но и солдатской кровью расплачивались... А те союзники нам пакостили, как только могли. На Черном море линкор «Императрица Мария» около года отвоевал, взорвался прямо на Севастопольском рейде неизвестно отчего... Наши радиошифры, наверное, всему миру были известны, а мы по ним шпарили, да иногда и открытым текстом умудрялись секретные приказы доводить.

Солдаты в окопах наслушались всяких агитаторов, да и озверели до того, что в феврале семнадцатого в России произошла революция. Император отрекся от престола в пользу великого князя Михаила Александровича. Тот не нашел в себе сил принять престол и тоже отрекся. Власть перешла к Временному правительству, созданному Государственной Думой. А в октябре этого же года партия большевиков свергла Временное правительство и захватила власть. Не знаю, с чьей подачи, но началась гражданская война, которая длилась до тысяча девятьсот двадцатого года... В восемнадцатом большевики подписали с Германией сепаратный мир на очень унижительных условиях, императора и его семью расстреляли, пошли дальше яacobинцев. Те хоть ребенка пожалели... После войны не стало трех империй: Российской, Германской и Австро-Венгерской. Простите, забыл, – четырех. Еще Османской.

– Господи Всевлагодий! За что?!

– Этого я вам не могу сказать, Валерий Антонович. Сам не знаю, за что такая судьба России...

– Да, Денис Анатольевич... Лучше бы это оказалось бредом сумасшедшего... Но Михаил Николаевич утверждает, что с вами все в порядке. А я привык ему верить... Что же делать?!

– Пока – воевать. За веру, царя и Отечество. И даже если царя не станет, вера и Отечество останутся. Вот за них и драться беспощадно...

Остаток дня был похож на что-то среднее между допросом с пристрастием, правда без применения физической силы, и относительно подробной лекцией по истории. К концу этого мероприятия я чувствовал себя, как выжатый лимон, и даже изрядное количество влитого внутрь коньяка не могло исправить ситуацию. У капитана Бойко и доктора, на мой взгляд, голова тоже шла кругом от обилия непереваренной информации.

Поэтому было принято единогласное решение сделать перерыв до утра. Чтобы я не страдал ерундой и не маялся бессонницей, доктор дал какую-то хитрую микстурку, которая быстро свалила в тягучий сон, едва добрался до койки. Поэтому и не мог видеть, как, оставшись одни, мои собеседники закурили, думая каждый о своем. Когда пауза затянулась, доктор пристально посмотрел на Валерия Антоновича.

– Ну-с, помогла вам святая водичка отца Александра? Изгнали беса?.. А по поводу психического здоровья нашего пациента могу сказать, что это не похоже ни на бред, ни на сумасшествие. Логически полный рассказ. Можно выдумать общий ход событий, но не обилие непротиворечащих друг другу деталей. Да и я его смотрел во время разговора, а в моих способностях вы, надеюсь, не сомневаетесь?

– Нет, Михаил Николаевич, нисколько... Но... Это настолько невероятно!..

– Успокойтесь, голубчик. В жизни случаются и более удивительные вещи... Вспомните Козьму Пруtkова: «Многие вещи нам не понятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий...» Вы готовили себя к стезе военного, я же по роду своей деятельности знаком с некоторыми удивительнейшими случаями, среди которых феномен нашего юного друга не столь уж невероятен. Вы никогда не слышали о монахе Авеле? Который предсказывал будущее, написал три книги, в коих очень точно и подробно описал скорую кончину Екатерины Великой, Павла Первого, нашествие Бонапарта. А история генерала Ермолова? – Доктор, увлекшись монологом, все больше и больше оживлялся. – Который, по слухам, был с Авелем знаком. Генерал знал свою биографию вплоть до самой смерти! И обладал даром предвидения! Ермолову посчастливилось повстречаться с самим собой, но... из будущего! Вы представляете?! Из бу-ду-ще-го!!! Совсем, как наш юный друг... А то, что в 1875 году при Санкт-Петербургском университете была организована медиумическая комиссия под руководством Дмитрия Ивановича Менделеева, вы знаете? И пыталась она найти не что иное, как научное объяснение такому явлению, как спиритизм... А работы Бехтерева по изучению мозговой деятельности?.. И его же предположения о том, что душа имеет энергетическую природу и, следовательно, бессмертна и может переселяться в разные тела?.. Я уж не говорю про Бадмаева!..

Доктор перестал возбужденно бегать по комнате, сделал небольшую паузу, закуривая очередную папиросу.

– Вы не представляете, Валерий Анатольевич, что сейчас творится у меня на душе! Как будто бы скинул лет тридцать с плеч! Какой-то прямо

щепячий восторг и охотничий азарт раскрыть эту тайну!

Капитан, во время монолога сопровождавший на автопилоте невидящим взглядом бегающего доктора, резко выдохнул воздух, налил коньяку и выпил одним глотком. Потом аккуратно поставил рюмку и, внезапно размахнувшись, грохнул кулаком по столешнице:

– Но то, что он рассказал!.. Не верю!.. Нет императора – нет России!.. Как такое, черт побери, может быть?! Не понимаю!!!

– А, может быть... Он сюда и попал, чтобы этого не случилось? Как вы думаете, господин капитан?..

Глава 44

Утром Михаил Николаевич заявил, что никаких разговоров сегодня он не допустит, и утащил меня на медосмотр, который, впрочем, ничего не выявил. Перед отъездом доктор заявил, что он тоже попытается помочь по своим каналам. На наши удивленные взгляды пояснил:

– Ваш покорный слуга, господа, имеет кое-какое влияние в столичных кругах, причем не только в медицинских. Так что, вам, Денис Анатольевич, придется навестить Санкт-Петербург в ближайшем будущем. Надеюсь, Валерий Антонович этому поспособствует. Я вскоре еду туда, сообщу вам адрес, где можно будет меня найти. А я тем временем подготавливаю почву...

На обратном пути мы с Бойко продолжили разговор о наших военных делах.

– Но что мы можем сделать, Денис Анатольевич? Все решения принимаются в Ставке, после одобрения главнокомандующим. Наш генералитет все равно будет делать то, что считает нужным.

– Генералы, Валерий Антонович, принимают решения на основе тех данных, которые им предоставляет разведка. Правда, решения зачастую неправильные. Но тут мы и можем на что-то повлиять. Вы же взаимодействуете с разведотделами других армий, со штабом фронта и Ставкой. Неужели у вас нет там неофициальных контактов, сослуживцев, коллег по Академии?

– Есть, и достаточно. Еще в Академии в нас вбили эту корпоративную солидарность генштабистов. Но ведь не каждому можно объяснить, что и зачем. Чтобы разобраться, кто есть кто, нужно время. И еще, Денис Анатольевич... В целом я вам верю и признаю необычность ситуации. Но внешне наши отношения должны остаться прежними, ву компренэ?

– Валерий Антонович, с моей стороны было бы глупо требовать особого к себе отношения. И, тем более, пытаться командовать вами или еще кем-то. Мне достаточно моей группы.

– Кстати о группе. Мы с вами уже говорили о расширении штата, и все доводы я помню. Не хотел говорить это до вчерашнего разговора, теперь же... Начштаба предложил увеличить численность личного состава до роты. С добавлением технарей, как вы просили. Чтобы одновременно работало несколько групп. Подготовьте предложения по вооружению и оснащению, только реально обоснованные. Что сможем, найдем.

– Спасибо, требования остаются прежними – все трофейное. Может быть, будут какие-то изменения в форме одежды, но только в боевых условиях. Вот если бы найти где-нибудь ручные пулеметы...

– Ну, начинается!.. Тетенька, дайте попить, а то так есть хочется, что аж переночевать негде. У нас сейчас каждый патрон и снаряд на счету, а вы – про пулеметы!

– Валерий Антонович, знаменитый русский бардак не сегодня и не вчера родился. Может быть, лежат себе на складе невостребованные, у нас под носом. Надо интендантов потрясти как следует.

– Ладно, подумаем. А вы пока поговорите с беглецами – сибиряком и артиллеристом. И в ближайшем будущем ждите приказ по итогам рейда. Надо же неявно создавать вам реноме любимчика и протекции. Я на пару дней уезжаю в штаб фронта – везу пленного немца и его драгоценный портфель. Попробую прощупать там почву.

– Если позволите, я завтра утром передам трофеи, а заодно и отчитаюсь по финансам.

– Пригодились все-таки деньги? Вот-с. А вы их брать не хотели. Да, а что за трофеи?

– Несколько клинков из графской коллекции, ну и пару люгеров из старых запасов могу отдать. Мы себе еще добудем.

– Добудете, не сомневаюсь. Вам дай волю, так у всей германской армии пистолеты поотбираете. И чем они так приглянулись?

– Валерий Антонович, на сегодняшний день это самый точный и надежный ствол. Конкуренцию ему может составить только американский кольт М1911, но у него свой патрон. Нам не подойдет. А маузер – его же заряжать неудобно.

– Любите вы, Денис Анатольевич, все заграничное. А как же наш наган?

– Единственное его достоинство по сравнению с пистолетами – безотказность. Патрон дал осечку – жми еще раз на крючок, сработает следующий. Но это перекрывается двумя недостатками: поочередной перезарядкой и слабым патроном. Для обычного офицера это некритично, а у нас каждая секунда может быть вопросом жизни и смерти. А насчет нашего, родного, – насколько я помню, сейчас должен уже быть создан автомат Федорова, но в войска в моей истории он не пошел. Валерий Антонович, можно ли как-то узнать о его судьбе?

– Попробую разузнать что-либо. Хотите заменить ими ручные пулеметы?

– Нет, они все равно не будут полноценной заменой. Но десяток

человек с автоматами всяко лучше такового же количества бойцов с винтовками.

– Кстати, Денис Анатольевич, ничего не вспоминается насчет событий этого лета? Как велись боевые действия в вашей истории?

– Валерий Антонович, я уже говорил, у нас эту войну называли «забытой». И широкая публика ей не интересовалась. Я постараюсь, пока вас не будет, что-нибудь вспомнить...

Глава 45

Так, я снова «дома», в смысле – на базе. А вокруг – моя «семья». Все – как и должно быть. «Малышня» носится по полосе препятствий под руководством «младшего папы» Михалыча. «Дядя» – прапорщик Оладьин – стоит рядом. Судя по выражению лица – уже немного попривык.

– Ну как, Сергей Дмитриевич, освоились?

– Не совсем, Денис Анатольевич. У вас... простите, у нас – действительно подразделение для особых задач. Как я понимаю, чтобы оные решать, необходима особая подготовка, которой сейчас они и занимаются. И, думаю, мне тоже предстоит этими навыками овладеть. Только вот... как-то неловко... вместе с нижними чинами...

– Сергей Дмитриевич, наша специфика еще и в том, что командир на практике должен знать и уметь чуть больше подчиненных. И они должны это видеть. Тогда будет уважение и авторитет.

– Да, но... драться с подчиненными!.. А если...

– Если кто-то из нижних чинов вас одолеет, появится отличный стимул для тренировок. И ничего постыдного в этом нет. Невозможно всегда быть победителем. Вспомните нашу историю. Пестунами у киевских князей были простые дружинники. И сам Петр Алексеевич не гнушался службу начинать рядовым в бомбардирской роте. И еще, каждый синяк или ссадина на тренировках могут спасти вам жизнь в бою. Я, когда набрал первую пятерку, без оружия казаков одолел, только с Михалычем вничью разошелся. А на шашках они меня тут же уделали. И – ничего, с тех пор тот же Митяев меня во фланкировке натаскивает. А я его с пистолетом работать учу. И бегаем все вместе.

– А бегать-то зачем? Польза от этого какая?

– Во-первых, бег, как упражнение, прописан в «Наставлении для обучения войск гимнастике». А во-вторых, спросите казаков – помогло им это в рейде автомобиль с ранеными толкать и быть готовыми к бою с германцами?

– Ну, хорошо, убедили... Разрешите еще один вопрос, Денис Анатольевич... Насчет денщика.

– А вот тут, Сергей Дмитриевич, я ответить не готов. Пока был один – сам справлялся, столовался из общего котла, особых проблем не было. Но сейчас надо думать. Есть у меня один вариант, главное, чтобы его начальство одобрило. Что касемо занятий, рукопашным боем вместе будем

заниматься. А все остальное – когда обещанное пополнение получим, тогда в полную силу и начнем. Теперь же прошу простить, необходимо поговорить с нашими беглецами. Впрочем, если хотите, можете присутствовать. А вечером мы с вами еще побеседуем. Расскажите мне, как докатились до такой жизни. В смысле попали в нашу группу...

Собеседники нашлись легко. Вся троица беглецов из плена сидела в казарме и занималась обычными солдатскими делами. Сибиряк разложил на нарах чистую дерюжку, разобрал снайперский маузер и, не торопясь, чистил оружие. Рядышком пристроился артиллерист Савелий со своей винтовкой. Платон, за неимением оружия, занимался подгонкой выданной вчера формы – сидел в одних шароварах и что-то подшивал в гимнастерке, тихонечко напевая под нос какую-то песенку. Увидев нас, поднялись, принимая положение строевой стойки.

– Ну что, орлы, оклемались? – После обязательной бани, стрижки, бритья, смены одежды, горячей сытой еды и отсыпания выглядели они не в пример лучше, чем в нашу первую встречу. Почувствовали, что уже – «дома».

– Так точно, вашбродь. Благодарствуем, – за всех отвечает Семен. Вот так и рождаются стихийные лидеры. Надо запомнить.

– Заканчивайте дела, мне необходимо поговорить с вами. Через пять минут жду вас в канцелярии.

Там от канцелярии – только название, стол да несколько стульев. Ну да разговор будет официальный, нужно соответствовать. Сажусь за стол, Оладьин устраивается у окна, наблюдает, как казаки шашками машут. Потом поворачивается ко мне:

– Денис Анатольевич, о чем разговор будет?

– Да вот хочу эту троицу в группе оставить. Отпускать их хлопотно, могут разболтать про странных разведчиков. А нам лишние разговоры ни к чему.

– Так попросите капитана Бойко, чтоб поспособствовал. Приказом оформят и всего-то делов.

Ага, а глазки-то хитрые, хоть и напускает на себя простодушный вид. Вот чует моя ж... мое сердце, что казачок-то – засланный. Ладно, не понравится, будет посланным. В «прекрасное далёко». Или еще куда...

– Видите ли, Сергей Дмитриевич, мне нужны добровольцы, а не простые исполнители. Чтобы не случилось, как в том анекдоте про... денщика. – Видя заинтересованное выражение лица, рассказываю одну из армейских баек: – Поручик приходит со службы на квартиру, а там его встречает денщик. Вытянулся во фрунт и докладывает: «Вашбродь! Честь

имею доложить, ваше приказание выполнено!» Поручик задумался на пару минут, потом и говорит: «Васька, так я же ничего не приказывал!» Денщик в ответ: «Так точно! Дык я ничего и не делал!...»

– Вашбродь! Честь имею явиться! Стрелок пятьдесят третьего Сибирского полка Семен Игнатов!

– ...Бомбардир-наводчик шестой батареи семьдесят седьмой артиллерийской бригады Савелий Малышев!

– ...Обозный ездвой шестой батареи семьдесят седьмой артиллерийской бригады Платон Ковригин!

Во как дружно, чуть ли не хором. Спелись красавчики. Ладно, не будем уточнять, кто в армии является, а кто прибывает... Оп-па, а сибиряк-то непрост оказался! На гимнастерке Георгиевская медаль «За храбрость» висит. И где же он, шельма, ее все это время прятал? В сапоге, скорее всего. Ладно, поговорим, узнаем...

– Садитесь, в ногах правды нет. Есть к вам серьезный разговор... К своим-то мы вас вытащили, но больно многое увидели вы за это время. Того, о чем рассказывать никак нельзя. Никому. – Ага, сейчас нагоним страху, мол, слово и дело государево. – Поэтому хочу предложить вам остаться у нас в группе... Тебя, Семен, хотел бы снайпером оставить, то бишь «охотником» за гансами. И по лесу ходить умеешь, и в засаде сидеть, и стреляешь – не всякий так сумеет. Будешь на охоту ходить, как раньше, только дичь будет двуногая. Всяко лучше, чем в окопе сидеть. Подумай...

Артиллеристы мне, Савелий, тоже нужны. Дело тебе будет не совсем привычное, фугасы и мины из снарядов делать, да взрывать их у германцев. Ты же лаборатористом в японскую был, тонкости знаешь, думаю, справишься...

И тебе, Платон, дело найдем. Не всем в разведку ходить, кому-то надо и за хозяйством приглядывать. Будешь у нас за каптенармуса, денщика, да и так, по хозяйству командовать.

Сидят, думают, переглядываются. Если артиллеристы вроде согласны, то сибиряк какой-то мутный. Нахмурился, смотрит под ноги. Тишина в канцелярии напряженная, аж какая-то зловещая.

– Ну, что скажете?

– Ваше благородие, так мы согласные, вон Платошка уже надоел со своими причитаниями, мол, чё дальше будет, – подает голос Савелий, – тока вот сумлеваюсь я, потяну ли. Посмотрел, как ваши казаки воюют. А как не сдюжу?

– Тебе, Савелий, и не надо будет германцев толпами резать да в штабеля укладывать. Немного поднатаскаешься – за себя постоять

сможешь. А задача твоя будет – взрывать, мины закладывать. Да и делать это будешь не в одиночку. Найдем тебе грамотных помощников. Согласен? А ты, Платон? Ну, вот и ладушки.

Теперь – последний. Семен-сибиряк. Что-то не видно на лице особой радости. Интересно, что ему не так?..

– Ну, а ты, Семен, что скажешь? Вижу, не хочешь. Почему?

– Ваше благородие, извиняйте, коль что не так скажу. Мы – сибирские стрелки, а не пехота какая, нам бы в полк родимый, обратно. Да и в Ново-николаевске ишо с мужиками промысловыми артель составили земляцкую. Друг за друга клялись держаться. Хотел бы у вас остаться, да слово дадено – вернуться, если жив буду. – Семен поднимает на меня глаза, полные решимости. – Не можно мне из артели нашей охотницкой уйтить. Нас и так в ней пятеро осталось.

– Жаль, очень жаль. Ты бы мне очень к месту пришелся... – Вдруг в голову приходит интересная мысль. – А давай вот что сделаем! Я к тебе в полк съезжу, коль у вас там артель, с ними со всеми поговорю. Может быть, отпустят тебя?

А может, и всех охотников к себе сагитирую. С их начальством мне проще договориться будет. Если Бойко поможет...

Глава 46

После обеда решил подготовить трофеи для Валерия Антоновича. В смысле, для его вояжа в штаб фронта. Поэтому попросил Михалыча принести пару люгеров, которые у нас остались. Естественно, не длинноствольных артиллерийских. Их я никому не отдам! А какому-нибудь тыловому интенданту сойдет и обычный в обмен на помощь в поисках нужных нам «мадсенов». Клинки же пойдут в подарок кому-то более важному и всемогущему. Например, адъютанту командующего или еще каким-нибудь персонам, приближенным к верхам.

Митяев вошел с пистолетами в руках, по привычке совершенно без звука.

– Командир, у нас коротких только два осталось. Их отдадим, с чем тренироваться будем?

– Они, Михалыч, сейчас важнее в штабе в виде подарка. Капитан Бойко раздаривать их направо и налево не будет. Не пригодятся – обратно отдаст.

На лице Митяева была прямо-таки написана цитата из «Ивана Васильевича...». В смысле: «Что ж ты, сукин сын, самозванец, казенные земли разбазариваешь?!» Но вслух ничего не сказал, положил кобуры на стол. Хотя по поводу самозванца был очень недалек от истины.

– Григорий Михалыч, давай-ка ты клинки подготовишь, ну там подточишь, смажешь. А я пистолетами займусь.

Митяев уходит и через пару минут возвращается с ветошью, оселком и какой-то баночкой. Садится за стол у окна и начинает править шашку. Я тем временем разбираю пистолет и начинаю его чистить. И увлекаюсь этим занятием настолько, что перестаю обращать внимание на то, что происходит вокруг. А потом прихожу в себя от наступившей тишины. Оселка больше не слышно, Михалыч сидит и медленно ласкает бархоткой лезвие гурды, как будто гладит своего боевого коня. На лице такое похоронное выражение, что мне моментально становится не по себе... Да японский городской! Придурок из будущего! Для казака шашка – это все! А тут очень редкая и ценная! И видно, что ковалась для войны, а не для парадов... А пошли они все... к одной всеизвестной и общедоступной...! Тыловым крысам и штабным остального хватит за глаза! Чтобы скрыть собственное смущение, нарочито жестким голосом спрашиваю:

– Вахмистр, почему боевое оружие держишь среди этих парадных

висюлек? Ему здесь не место!

Митяев недоуменно смотрит на меня, потом по старой вьевшейся привычке вскакивает, держа клинок в руках. Видно, что не знает, как меня обозвать. То ли командиром, то ли вашбродью.

– Михалыч, ей судьба – в бою сверкать да вражьей кровью умываться, а не висеть на пыльном ковре у какого-нибудь шпака. Посему, друг мой любезный, забирай-ка ты ее себе...

Оно, наверное, того стоило! Увидеть, как у вечно невозмутимого Михалыча руки дрожат. От ведь проняло казачину!

– Вашбродь!.. Командир!.. Ей же цены нет!.. А ты ее мне!.. – И совсем как-то по-детски и шепотом: – Спасибо...

– За что? Ты ее у врага взял, она по праву – твоя. Так что, владей. Придет время, обязательно сыну передашь. А как она к тебе попала, другим знать совсем необязательно. И даже опасно для здоровья...

Под вечер никто, наверное, не чувствовал себя обделенным командирским вниманием. Скорее, наоборот. Судя по выражению даже не лиц, а глаз, у многих в голове свербела мысль типа: «Да когда ж ты, наконец, угомонишься?!» А вот фигушки вам, ребята! Скоро прибудет обещанное пополнение, и мне нужны инструкторы на пике формы, а не слегка расслабленные «ветераны». Поэтому – бегать, прыгать, стрелять, драться. Вы у меня за линию фронта на отдых проситься будете!

Но рано или поздно все хорошее на свете кончается, в том числе и командирская забота. Война – войной, а ужин – по расписанию. Тем более что его готовила наша Ганна. В самый первый день хотел устроить ее на квартире у кого-нибудь из местных, но стоило только сообщить о своих намерениях, получил с полведра слез от нее самой и недовольные взгляды в спину от своих орлов. Пришлось плюнуть на все и оставить ее в расположении. Договорился с начальником учебной команды и поселил ее в лазарете, благо больных и раненых не предвиделось. Старший из фельдшеров, пожилой уже дядька, взял ее под свою опеку, пообещал озаботиться одеждой на первое время. Мы же с Михалычем, собрав унтеров из учебки, попросили довести до сведения всех нижних чинов, что любое необдуманное слово или действие в отношении «дочери полка» и «любимой племяшки дядечки командира» будет очень сурово караться. И что лучше, если виновники одного сразу переоденутся в чистое, найдут кусок мыла, веревку и вздернутся, а то с нашей помощью все произойдет гораздо больнее и с издевательствами над трупом. А дядька-фельдшер добавил, что со своей стороны обещает в качестве прелюдии к суициду клизму на полведра скипидара с ржавыми сапожными гвоздями.

Оказывается, у этого выражения долгая и славная история!

Унтеры, достаточно повидавшие наши тренировки, прониклись темой и пообещали, мол, ежели что, кому-нибудь чегой-то оторвать и выбросить. Так что теперь «племяшке» обеспечено уважение и неприкосновенность. А также всевозможная помощь во всех начинаниях. Вот и сейчас тележку с ужином катят сразу двое энтузиастов. Пока накроют стол, успею сбегать к летнему душу и сполоснуться. И по дороге вдруг убедился, что голова, оказывается, очень сложный и неизученный предмет. Исходным толчком к этому выводу стал запах хлорки, засыпанной в яму с кухонными отходами, мимо которой в данный момент проходил. Раньше неоднократно встречал этот аромат, и единственной мыслью было убраться от вони подальше и побыстрее. А тут как накатило!.. Воспоминание из будущего!

После попойки в Беловежской пуще и последовавшего за нею развала страны к нам в Можайку перевелись несколько преподавателей из ХРЯКа, не желавших обретать самостоятельность и незалежность. Один из них и рассказал историю про курсанта, который сумел позаимствовать немножко хлорпикрина во время окуривания противогазов у энергетиков на четвертом факе во время «Хим-дыма». Заимствованное было осторожно помещено в воздушный шарик специального назначения и благополучно вынесено в город. Там данный индивидуум не нашел ничего интересней, чем положить эту гадость на печку трамвая перед тем, как сойти на остановке. Трамвай после этого остановился неподалеку, пассажиры, к вящей радости будущего защитника Отечества, стали изображать тараканов при включении света на кухне.

Тайное очень быстро стало явным, «виновник торжества» получил пи... строгое внушение на предмет того, что можно и что нельзя делать с гражданскими. Небольшое, на пять суток. На площади Руднева. Злоумышленнику была показана «коза» из растопыренных пальцев, после чего он с упавшим сердцем спросил: «Два?» И услышал в ответ: «Нет, сынок, ПЯТЬ!» Весь остальной курсантский коллектив отделался продолжительной лекцией на тему различных аспектов химзащиты и торжественным обещанием начальника курса довести время пребывания личного состава в противогасах до двадцати шести часов в сутки, был в то время в Советской Армии такой показатель боевой подготовки. Причем исключительно в выходные и праздничные дни. Так вот, одним из аспектов, изложенных в лекции, было использование для защиты от хлора марлевых повязок, смоченных раствором пищевой соды, которая нейтрализует газ! И тут же в памяти всплывает: «Осовец... Атака мертвецов!» Надо срочно узнать у Бойко относительно крепости и изобретателей противогазов! И

попытаться кое-что присоветовать... Ну это – когда Валерий Антонович приедет, а сейчас – под душ и ужинать...

Глава 47

Рано утром был уже в штабе, чтобы не заставлять начальство нервничать и маяться ожиданием. Успел вовремя, капитан Бойко уже собирался в дорогу.

– Валерий Антонович, здесь «ясак» для штаба фронта. – Показываю на тюк, привезенный с собой. – Три шашки, пять коротких клинков и два люгера. Все, что смогли. Без ущерба для группы.

– Денис Анатольевич, могли бы и поделикатней выражать свое отношение к штабным работникам. Тем более что ваш начальник тоже из их числа. – Господин капитан улыбается. – Вот засажу вас за рутинную штабную писанину – будете знать!

– Виноват! Кстати о писанине. Прилагаю отчет об израсходовании денежных средств. Вся сумма потрачена на Михася Кунцевича, работника железнодорожной станции Лович.

– Полагаете, что он в будущем будет нам помогать?

– Думаю, да. Он помог нам «пошутить» на станции с химическим эшелонном. На будущее его можно будет использовать в качестве хозяина явки и сборщика информации о германцах. Да, и еще насчет химии, – перехожу на серьезный тон. – Валерий Антонович, я кое-что вспомнил из истории – насчет крепости Осовец. Слышали про такую? Если коротко, немцы провели против крепости газовую атаку, но когда пошли в наступление, им навстречу поднялись уцелевшие солдаты, не больше роты, и встречной атакой обратили в бегство несколько полков германской пехоты. После боя в живых почти никого не осталось. Их подвиг впоследствии назвали «Атакой мертвецов».

– Почему – мертвецов?

– Германцы не дали ни единого шанса выжить защитникам крепости. Хлор тяжелее воздуха, он затекал в окопы, казематы, подвалы. Высота облака достигала десяти метров. Остались в живых только те, кто дышал через портянки, гимнастерки, шинели. Они шли на немцев, полузадушенные газами, отхаркивая на ходу кровь и ошметки легких... Гансы всерьез подумали, что это мертвые восстали и идут за их душами.

– ...Да, действительно... Картина из Апокалипсиса... И – великий Подвиг! – Капитан снял фуражку и перекрестился.

– Валерий Антонович, к чему это все рассказываю. Если сможете, узнайте, в каком состоянии дела в крепости. Если еще не поздно, мы могли

бы прогуляться в том направлении. Только уже с достаточным количеством взрывчатки. Надо же прививать противнику аллергию к химии.

– Простите, Денис Анатольевич, я когда-то слышал термин «аллергия», но смысл его до конца так и не понял.

– Думаю, Михаил Николаевич сможет более авторитетно ответить на ваш вопрос, я – все же не медик. Насколько знаю, аллергия – болезненная непереносимость чего-либо.

– Ага, и вы хотите привить эту непереносимость германской армии? – Бойко снова улыбается.

– Пусть это звучит и кощунственно, но было бы неплохо добиться того, чтобы гансы использовали газы только на Западном фронте. А как только привезут их на Восточный, будут случаться трагические неприятности. То эшелон взорвется, то газ из баллонов не вовремя вырвется, то артиллерия по газовым батареям очень прицельно отстреляется. Тут фантазия может быть не ограничена. И, главное, надо попытаться связаться с химиками, работающими над защитой от газов. Я ведь примерно знаю, как был устроен противогаз в моем времени.

– Насчет обстановки в Осовце, узнаю, хотя это участок Десятой армии, насколько я помню. А про химиков вам надо было поговорить с нашим доктором. Он скорее сможет свести вас с нужными людьми... Все, извините, мне пора ехать. Подробно поговорим потом, когда вернусь из штаба фронта.

– Валерий Антонович, прошу разрешения съездить в пятьдесят третий Сибирский полк. Хочу пообщаться с ними на предмет пополнения группы.

– Это тот полк, откуда ваш Семен? Хорошо, поезжайте...

В 53-й Сибирский приехали в середине дня. Дорога была знакома. По ней же совсем недавно и уходили в рейд. Только линию фронта переходили в другом месте, немного севернее. В штаб полка решили не заезжать, сразу двинулись в расположение роты, где служил Семен. Автомобиль оставили метрах в пятистах от окопов, в мелком овражке, заросшем кустарником, чтобы гансы не заметили. А то узнают родное авто, обидятся, стрелять начнут...

Дошли быстро, в ходе сообщения Семен встретил весьма обрадованного земляка, который объяснил, где найти ротного, чтобы доложиться. Отправленные в нужном направлении, мы уже через три минуты были возле командирского блиндажа. Пока Игнатов докладывался о прибытии, я решил осмотреться. Сибиряки выгодно отличались от обычной пехтуры хорошо обустроенными окопами полного профиля, оборудованными позициями для пулеметов, ходами сообщения,

землянками. Стенки траншей укреплены досками и жердями, везде порядок. Чувствуется сибирская основательность.

Мои наблюдения прерываются появлением ротного командира – совсем еще зеленого прапорщика, скорее всего, вчерашнего студента. Здравуемся, знакомимся, по фронтовому обычаю пытаемся обменяться папиросами – предлагаем друг другу портсигары с «Дукатом». Комизм ситуации вызывает улыбку, но ритуал соблюден. Каждый угостился любезно предложенной папиросой.

Семен ускакал к своей «артели» – здороваться да рассказывать про житие-бытие. Надеюсь, что лишнего не наболтает. Еще по дороге предупредил его, чтобы не вдавался в лишние подробности. Типа, сбежал из плена, встретил своих, они помогли добраться до полка.

– Денис Анатольевич, это, конечно, ваше дело, но я не могу понять: зачем простого солдата сопровождает офицер?

– Дело в том, Григорий Петрович, что я возглавляю команду охотников и мне этот солдат нужен. Причем не по принуждению, а с добровольного согласия. Он – отличный стрелок, о чем вы, несомненно, в курсе. А мне как раз и необходим такой.

– У меня в роте много хороших стрелков. Сибиряки, они почти все – охотники, промысловики.

– Вы предлагаете мне забрать всех? Мне необходимы четыре или пять человек. К тому же Игнатова я уже видел в деле. Поэтому и приехал «сватать».

– Ну, что ж, Бог в помощь. Они же тут как бы «общество» организовали. Зная их характер, предскажу вам нелегкую задачу...

– Надеюсь с Божьей помощью справиться. Я-то и сам из сибиряков. Не будете в обиде, если уведу от вас несколько человек?

– А вы их сначала уведите... Нет, не буду. Я тоже считаю, что солдат должен осознанно выполнять свой долг и службой своей приносить наибольшую пользу...

Сопровождаемый вестовым, я вскоре дохожу до нужной мне землянки. Стучу по бревну, поддерживающему накат, рукоятью нагана и протискиваюсь внутрь. Полумрак, разгоняемый светом из маленького окошечка и огоньком лампадки, висевшей под иконой на стене, позволяет рассмотреть внутреннее убранство землянки. Привычным уже жестом снимаю фуражку и обмахиваю себя крестом. В достаточно просторном «помещении» сидят пятеро. Включая Семена. Как я понял, он уже успел вкратце рассказать о своих похождениях и о нашем с ним знакомстве.

– Здоровы будьте, люди добрые! – Когда-то так в детстве учил

здороваться по-сибирски меня, то есть Дениса Первого, старик-дворник, проживший полжизни в тайге и лишь к старости переехавший в Томск к сыну.

– Здравия желаем, ваше благородие! – раздается в ответ хор голосов. Помня еще один правильный сибирский обычай – «Пока не поел с одного котла или не покурил с одного кисета, разговора не будет!», достаю заранее приготовленную пачку папирос.

– А пойдемте-ка, сибиряки, на свежий воздух. Покурим, да поговорим.

– Чего ж не пойти? Айда, мужики, – за всех отвечает приземистый коренастый ефрейтор, в усах которого даже в тусклом свете заметны серебряные нити седины. Отходим подальше от любопытных ушей и взглядов, солдаты степенно угощаются «Дукатом», приседаем на бревнышко.

– Вопрос у меня к вам есть, сибиряки. Земляк ваш, Семен, говорил, что вы здесь вроде как артелью охотничьей живете. Вот я и пришел просить вас отпустить его ко мне, нужны мне меткие стрелки, которые зазря порох жечь не станут.

– Вашбродь, мы с Семеном тут накоротке побалакали, обсказал он нам и то, что земляком будете, с Томску, и язык правильный знаете, и обхождение... Только и то, что обещался он, – тож ведь знаете. Мы с мужиками еще дома, в Новониколаевске слово кругом пустили, что друг за дружку стоять будем. Негоже от него отказываться. – Ефрейтор не торопясь говорит, глядя прямо в глаза цепким, испытующим взглядом. Наверняка он старшой в артели.

– Добро, а если я всю вашу артель позову? Вы ж все охотники, стрелки меткие, да по лесу пройдете – травинка не шелохнется, веточка не хрустнет. И храбрости со смекалкой вам не занимать. Другие ведь в тайге не выживут... Вот я и предлагаю вам по-другому воевать, чтобы побольше германцев в землю положить, тогда, может, и война быстрее закончится. Другим здорово поможет, и сами в героях ходить будете.

– Пойти-то мы, может, и пошли бы. Да только люди мы государственные, подневольные. Начальства над нами много. Да благословения нам у отца Федора, полкового батюшки, испросить бы надобно. Без этого – никак.

Ага, значит, принципиальных возражений нет. И для меня экзамен устраивают – типа, смогу ли с их начальством вопрос решить. И со священником – тоже... М-да, а с начальством, наверное, будет проще. Валерий Антонович сможет продать в штабе нужное решение. А насчет батюшки – подумаем...

– Тогда давайте, земляки, сделаем так: коль смогу убедить свое и ваше начальство, через неделю приеду за вами. Ну, а не смогу – не взыщите...

Глава 48

Обратно к себе вернулся уже под вечер, как раз к ужину. В очередной раз Ганна буквально из ничего сотворила шедевр. Ингредиентов всего два – гречка и мясо. А вот попробуйте отказаться от разваристой каши с небольшими, хорошо прожаренными кусочками говядины, да еще под каким-то хитрым соусом. Честное слово, талант у девчонки. Мой зам, который Сергей Дмитриевич, уже не жалеет, что ест из одного котла с нижними чинами, – до того вкусно. Уплетает за обе щеки. Оно и понятно, на занятиях не хочет отставать от остальных, пытается тянуться за «ветеранами».

После приема пищи народ пошел маяться бездельем, то бишь использовать личное время в личных целях. Кстати, в голову пришла очень неплохая мысль. Нечего им в свободное время делать вид, что читают Библию, петь песни и травить старые байки. Будем проводить ликбез! В том числе и политический, в нужном нам направлении. С казаками потихоньку уже беседую на скользкие темы, вроде бы понимание достигнуто. Когда придет пополнение, будут у меня помощники не только на занятиях, но и после них...

Так, хватит мечтать, пошел заниматься делом. А дело очень важное и нужное. Начинаю писать Валерию Антоновичу воспоминания обо всем, связанном с войной. И свои предложения в том числе. Итак, сегодня на повестке дня:

Первое. Защита от газов. Пока гансы используют только хлор и его смесь с бромом. Необходимо защищать дыхалку и глаза. Для последних вполне подойдут прилегающие очки, наподобие мотоциклетных, а для защиты легких – ватно-марлевая повязка, смоченная раствором питьевой соды. Это я помню еще по той знаменитой лекции. Изготовить проще простого, надо только много соды найти. А еще надо узнать: кто занимается разработкой противогазов. Ненавязчиво присоветовать, чтобы маска была резиновая, во всю мордочку, бачок надо набивать активированным углем... Устройство выпускного клапана, кстати, я тоже помню, надо нарисовать.

Затем – второе. Это уже вопрос нашему доктору, Михаилу Николаевичу. Универсальное лекарство от любого воспаления под названием «пенициллин» было получено из какого-то плесневого грибка. И очень здорово помогало. Надо ему сказать, что необходимы исследования в

этом направлении. И как можно быстрее. Интересно, Александр Флеминг уже начал работать над этим?.. Или мы сможем запатентовать важную и нужную фишку?

Далее, не знаю, получится ли внедрить это сейчас, но начинать надо. Тачанка. Вундервафля батьки Махно и Буденного. Но, к сожалению, это связано со стратегией, а значит, с генералами, которые, как известно, всегда готовятся к прошлой войне. Найти извозчицьи повозки – не такая уж проблема, снять все лишнее, усилить раму и кузов, переделать упряжь под четверку лошадей, поставить пулемет – и все! Если пойдет, можно наладить производство и ремонт прямо во фронтовых условиях. Правда, сейчас они смогут быть эффективными только в кавалерийских рейдах по тылам. Стоп! А почему только кавалерийских? Кто мешает посадить пассажирами по несколько человек? И получаем пулеметный БТР на конной тяге! Четкая иллюстрация к будущей «Свадьбе в Малиновке»!

И последнее на сегодня. Ракеты. Если я не ошибаюсь, еще в середине прошлого века их испытывали и использовали в боях. А сейчас почему-то забыли. Непорядок! Хочу персональную «Катюшу»! Тем более, автомобиль под нее уже есть... Надо срочно рассказывать начальству о реактивных системах залпового огня! О том, как они могут перепахивать землю вместе с солдатами противника. И о том, какой психологический эффект при этом оказывают...

Глава 49

Валерий Антонович приехал из штаба фронта через три дня. По телефону сразу вызвал к себе, поэтому, не теряя времени, я оставил Сергея Дмитриевича за главного и помчался в штаб. Постоянно гонять машину по таким случаям было проблематично ввиду перебоев с поставками бензина, поэтому взял у обозников смирную лошадку, с которой успел подружиться, сунул ей в качестве взятки и аванса на будущее кусочек сахара и укопывал неспешной рысью в направлении штаба. По дороге предавался мечтам как-нибудь при случае занять свой мотоцикл. И добираться быстрее, и управлять проще.

Доложившись о прибытии, узнал, что капитан Бойко вернулся с вестями, но, как всегда бывает, они были и хорошими, и плохими. Сначала Валерий Антонович сообщил, что вопрос формирования роты решен, и даже выделен личный состав для этого. А потом радостно улыбающийся подпоручик был внезапно опущен любимым начальником ниже плинтуса. В присутствии старшего товарища, что, в принципе, не запрещалось Уставом. Поручик Дольский сидел за столом, заполнял какую-то ведомость и усиленно делал вид, что ничего не слышит и не видит, пока начальство снимало с меня тонкую завывающую стружку.

– Денис Анатольевич, ваши подвиги стали известны командованию фронта, которое очень заинтересовалось и, как всегда, направило проверяющего разобраться на месте. Вот он завтра и прибудет с инспекцией. Начнет с нашего разведотдела, потом и к вам пожалует. Так что отчасти вы к этому руку приложили... Да, а вы готовы к проверке? Учитывая то, что не далее, как послезавтра необходимо будет разместить около сотни солдат... Готовы к приему пополнения? Казарма обустроена? С довольствием вопрос решен?.. Отхожие ровики вырыты? Их размеры соответствуют установленным? Кстати, они вам известны?..

– Так точно, господин капитан, известны! Ширина – пол-аршина, глубина – аршин, длина – от трех до пяти сажень на роту! Порядок пользования докладывать? – Спасибо двойнику, выручил познаниями! Вот ведь влетел, придурок лагерный! Знал же, что будет пополнение, что люди прибудут!!! И пустил все на самотек!.. Размечтался о мотоцикле, болван! Тебе людей дают, на роту ставят, а ты где-то в облаках байкеровских витаешь!..

Великомудрое начальство тем временем продолжало оттаптываться на

моей личности и гордости.

– Господин подпоручик, если вы помните наш последний разговор, то должны понимать разницу между требованиями к командиру отдельной группы и командиру роты. Это – разные уровни и разная ответственность. Мне кажется, что уровню ротного командира вы соответствуете с определенной натяжкой.

Ага, натяжка, как в том анекдоте: «Оценка «пять». Три – в зачетку, два – не буду говорить куда». И что мне прикажете отвечать? Типа «Виноват, дурак, исправлюсь!»? Не прокатит. Значит, молчим, изо всех сил делаем вид, что раскаиваемся.

– Если вы этого не знаете, то сообщаю, что в войсках потери от болезней, в том числе от кишечных, сопоставимы с боевыми, от пуль и снарядов!.. А вы пускаете на самотек такой важный вопрос! Кстати, не подскажете, что по этому поводу говорил князь Багратион?

А причем здесь герой 1812 года?.. Вот, загадки начальство задает!

– Какой Багратион? Тот, что вместе с Кутузовым французов воевал?

– Нет, полковник Генерального штаба Багратион... который сказал: «С каждым годом армия русская становится все более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы»... Повторю свой вопрос: если сейчас я отдам вам приказ о размещении пополнения, вы сможете его выполнить? Без ущерба для офицерской чести и человеческой совести? Мне кажется, что не сможете...

В этот момент Дольский хлопает себя по лбу и, видимо, желая немного облегчить мою участь, вступает в разговор и меняет тему:

– Кстати, господин капитан, говорят, кто-то из пехотных прапорщиков попался на глаза начальству с кирасирским палахом на портупее. Теперь готовится приказ по армии: всем офицерам сдать шашки на предмет соответствия высочайше установленному образцу.

– Да-с, зная наших бюрократов, не удивлюсь, если так оно и будет. – Валерий Антонович отстегивает шашку от портупей, протягивает поручику. – Денис Анатольевич, последуйте примеру командира, Анатолий Иванович примет у вас оружие. А вы до сих пор так с казачьей и ходите?.. Ладно, попробуем что-нибудь придумать...

Протягивая свою шашку Дольскому, вижу его подмигивание, мол, не робей, начальственный фитиль – как стихийное бедствие, никого не минует. Дурдом! Второй год воюем, а тут кривизну лезвий и наличие гарды проверять будут! Будто от этого что-то зависит! Придурки с генеральскими погонами!..

Дольский с шашками исчезает за дверью, мы с Валерием Антоновичем

остаемся одни. Неожиданно для меня Бойко добродушно улыбается и произносит вполне мирным тоном, абсолютно не вяжущимся с его предыдущими сентенциями:

– Ну, что, Денис Анатольевич, лицезрели начальство в гневе? Еще фитиля не желаете-с?

Немая сцена!.. Это что получается, капитан сейчас спектакль играл? Ну, артист!.. Нет, не желаю больше всяких фитилей, натяжек и тому подобного.

– Валерий Антонович, скажите, к чему было все это представление? – Теперь уже меня тянет поактерствовать, встать в позу непризнанного героя, оклеветанного завистниками.

– Это представление, Денис Анатольевич, было необходимо потому, что, во-первых, в штабе появились шепотки, что подпоручик Гуров – любимчик начальника разведотдела, а может, и самого командующего. Теперь, с помощью Дольского эти слухи слегка пресекутся. Да и распекал я вас достаточно громко, чтобы можно было за дверью услышать. – Видя мой удивленный взгляд, Бойко поясняет: – Анатоль по моей просьбе шепнет кому надо, что подпоручик Гуров получил сейчас от своего начальника шикарный разнос... А, во-вторых, вы же действительно не готовы принять пополнение, о котором так пеклись. Я вам его нашел. Не рады?

– Виноват! Рад, но не думал, что это будет так быстро. Что за пополнение?

– Завтра отправляетесь в Новогеоргиевск, там в ваше распоряжение поступит вторая пешая сотня восьмой Граевской пограничной бригады. Она составит костяк отдельной резервной роты штаба Второй армии. Они несли сторожевую службу в крепости, но сейчас все, кто умеет сидеть на лошади, сведены в кавалерийские полки, осталась только эта самая сотня, которую в штабе решили отдать нам. Для пехотной роты там людей все равно мало. Все офицеры и часть нижних чинов переведены в кавалеристы. Осталось восемьдесят пять строевых и двенадцать нестроевых нижних чинов. За старшего – фельдфебель Остапец. Вот приказ из штаба фронта.

Убираю очень ценную бумагу в карман, затем подходим к карте и смотрим. До крепости – около сорока километров, пардон, верст. Никак не могу привыкнуть к истинно русским мерам длины. Скорей бы ввели метрическую систему! Ладно, расстояние – день пешком топать.

– Помимо этого, Денис Анатольевич, в Новогеоргиевске будет еще одно дело. Вы были правы, говоря про наш русский бардак. Я попросил своих м-м-м... знакомых в штабе фронта навести справки насчет пулеметов, и, представьте себе, они нашлись, как вы и говорили – прямо

под боком. На складах крепости до сих пор лежит около сотни «мадсенов». Короче говоря, вот распоряжение о передаче пятнадцати пулеметов и десяти тысяч патронов к ним в учебную команду. Еще, на свою ответственность, я приписал к ним крепостное ружье Гана и запас патронов к нему. Думаю, что дальнобойное оружие, пробивающее броню, вам пригодится.

– Стрелять – не перестрелять! Вот это – подарок! Премного благодарен, господин капитан! А что за ружье Гана? Ни разу не слышал о таком.

– Крепостное ружье Гана-Крнка было принято на вооружение в 1869 году. Калибр – восемь линий. – Видя мое недоумение, укоризненно качает головой и поясняет: – Денис Анатольевич, пора бы уже привыкнуть к нашим единицам измерения. Линия – это одна десятая часть дюйма, 2,54 миллиметра. Соответственно восемь линий – 20,3 миллиметра. На дистанции в тысячу двести шагов пули пробивают трехлинейную броневую плиту. Вот, возьмите и почитайте «Вооружение русской армии за XIX столетие» генерал-майора Федорова. – Валерий Антонович подходит к столу, достает из ящика книжку, обернутую в газету, и протягивает мне. – Крепостные ружья доказали свою эффективность во всех последних войнах, от франко-прусской до русско-японской. Использовались даже китайцами в Восстании боксеров.

Беру книжку, открываю и читаю... Так, шестьсот шагов равны... четыремстам двадцати семи метрам, соответственно тысячу двести – это восемьсот пятьдесят четыре метра, а тысячу пятьсот... Ого, это уже за километр! На восемьсот метров пробить броню – оч-чень хорошо! И рассеивание при выстреле очень даже неплохое.

– Так это же получается настоящее ПТР!

– Пардон, что такое ПТР? Какое-то особое ружье? Что-то похожее было в... в вашем времени?

– Ну, не совсем в моем. Если помните, я вам рассказывал о Второй мировой войне. Тогда все страны использовали бронированные машины на гусеничном ходу. Название в целях конспирации им придумали британцы, первыми их применившие. Мол, самодвижущаяся цистерна – tank. Соответственно для борьбы с ними создавались крупнокалиберные ружья, названные противотанковыми. Кстати, танки скоро должны заявить о себе на нашей войне. – Во время учебы в Можайке я состоял во ВНОКе и даже сподобился написать статью-обзор по развитию танков. – По-моему, в сентябре шестнадцатого гола они должны появиться на Западном фронте. Хотя некий аналог принимал участие еще в англо-бурской войне. Те же

британцы создали тогда «безрельсовый бронепоезд», состоявший из блиндированного паровика-тягача и двух бронированных вагонов да еще со 150-миллиметровыми пушками на прицепе...

– Ну, в основном пока что эти ружья применялись для борьбы с орудийной прислужкой, но я предполагаю, что вы будете творчески подходить к их использованию.

– Наша фантазия в этом вопросе не будет иметь границ. Спасибо, Валерий Антонович!

– Да не за что. Лишь бы на пользу... И на десерт – через пару дней придут трое вольноопределяющихся. Двое – студенты-выпускники Горного института, и один химик. Вы просили «технарей» – пожалуйста! – Капитан ехидно улыбается. – Посмотрим, как со всем этим справитесь. Примите только совет: то, что хорошо в узком кругу, не подходит для большой компании. Это – про ваши взаимоотношения с подчиненными. Теперь их у вас будет больше ста. Подумайте, Денис Анатольевич!

– Об этом я уже думал, Валерий Антонович. И решил, что прежнее обращение останется у командиров групп.

– Хорошо, вам виднее... Кстати, как съездили в пятьдесят третий Сибирский?

– Сибиряки не отказываются, но нужно распоряжение сверху, да со своим батюшкой посоветоваться хотят.

– Сколько их? Пятеро? Будет им распоряжение. – Начальство на секунду задумывается, потом продолжает: – И к отцу Александру надобно обратиться, пусть поможет со своей стороны... И вот еще какой момент, Денис Анатольевич... Я сейчас дам вам одну бумагу, только прошу обращаться с ней очень осторожно и без крайней на то нужды не применять. Получена она от... моего старого приятеля, он сейчас адъютантом у комфронта. Не хотелось бы бросать на него тень.

Беру лист, читаю... И выпадаю в осадок: «Предъявитель сего является офицером для особых поручений командующего армиями Северо-Западного фронта. Всем военным и гражданским чинам предписывается оказывать всемерное содействие. Генерал от инфантерии Алексеев».

Мотаю головой, чтобы отогнать навязчивую ассоциацию – «Три мушкетера» Дюма и письмо: «То, что сделал этот человек, сделано по моему приказу и для блага Франции. Ришелье»... Вот это карт-бланш!!! Да, такую бумагу нужно хорошенько спрятать и показывать в самых крайних случаях!

– Впечатлились, господин подпоручик? Теперь вернитесь на грешную землю. Завтра утром езжайте в Новогеоргиевск. На авто, бензин пока, слава

богу, есть. Загружайтесь пулеметами, решайте вопросы с переподчинением стражников ОКПС, у вас на это, скорее всего, целый день уйдет. Переночуете там, а послезавтра – обратно. К вечеру, думаю, доберетесь.

– Валерий Антонович, разрешите взять штабного водителя. Он обратно с грузом поедет, а я с пограницами пешком пойду.

– Пограницы... Хм... Непривычное название. Это у вас... там... так их называли? – Прежде чем спросить, Бойко оглянулся по сторонам, желая убедиться, что никто не услышит.

– Да. Официально – пограничники, а так – пограницы... Так что делать с водителем?.. И с шашкой?

– Штабного водителя не дадут, поговорите в автоотряде Красного Креста, они вроде бы в ближайшие дни никуда не собираются. А шашка... Возьмите у кого-нибудь из своих. Я думаю, своему командиру казаки не откажут.

– Все понятно. Разрешите идти?..

Получив начальственное разрешение, отправляюсь заниматься вдруг возникшими неотложными делами. Достаточно быстро решив вопрос в штабе о постановке будущих бойцов «невидимого фронта» на все виды довольствия, мчусь в отряд Красного Креста кланить водителя. Договариваюсь и насчет шофера, и насчет подготовки автомобиля к маршу. И совсем недорого. Всего за... Не буду раскрывать свои коммерческие тайны... В общем, договаривающиеся стороны остались довольны друг другом.

Теперь – на базу. А там уже вовсю кипит работа. На мой вопрос Сергей Дмитриевич удивленно отвечает, что с самого утра, как только я уехал, по телефону было получено указание капитана Бойко о подготовке казармы и о завтрашнем убытии штатного командира в командировку. Ну, Валерий Антонович! Без меня, типа, меня женили! Или господин капитан просто решил подстраховать своего растяпу подчиненного. Ладно, подумаем об этом на досуге. А сейчас собираемся в далекий путь. Да, чуть про шашку не забыл!.. О, как раз и Митяев навстречу идет.

– Михалыч, подскажи-ка мне, у кого можно шашку одолжить на два дня. Мою в штабе на проверку забрали.

– Командир, возьми мою. Я же теперь с новой. – Он похлопывает по рукояти гурды. – А что за проверка такая?

Узнав правду, удивляется и пехотной тупости, и му... дрости начальства. Через десять минут с одолженной шашкой в трофейном авто я еду готовиться к командировке. Дьявол, вся жизнь в кредит! Хотя по сравнению с грядущими событиями это – мелочи жизни...

Рота, пусть и неполная!.. Больше сотни человек!.. Это ж мы такую кашу заварить сможем – замучаются гансы расхлебывать, ой, как подавятся!.. То, что до этого делалось, даже не цветочки по сравнению с ягодками! Это – так, детские забавы в песочнице!.. А теперь все будет по-взрослому, типа, кто не спрятался – мы не виноваты!..

notes

Примечания

1

Спайдермен — человек-паук (*англ.* spider-man).

АФУ – антенно-фидерное устройство.

Volens nolens (*лат.*) – волей неволей, хочешь не хочешь.

Строка из сказки Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

Стихи Марии Семеновой.

Пулемет. Только для немцев (*нем.*).